

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ –
ФИЛИАЛ РАНХИГС

**МАТЕРИАЛЫ XXXV
РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО СИМПОЗИУМА
УЧЕНЫХ-ЭКОНОМИСТОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ
И РАЙОНА КАНСАЙ (ЯПОНИЯ)**

Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре
8–11 сентября 2019 г.

Хабаровск
ИЭИ ДВО РАН
2019

ECONOMIC RESEARCH INSTITUTE
FAR EASTERN BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

FAR-EAST INSTITUTE OF MANAGEMENT,
BRANCH OF RANEP

**PROCEEDINGS
OF THE XXXV RUSSIAN-JAPANESE
SYMPOSIUM OF ACADEMIC ECONOMISTS
OF THE RUSSIAN FAR EAST AND KANSAI
REGION (JAPAN)**

Khabarovsk – Komsomolsk-on-Amur
September 8–11, 2019

Khabarovsk
ERI FEB RAS
2019

УДК 339.9 (571.6)

Материалы XXXV российско-японского симпозиума ученых-экономистов Дальнего Востока России и района Кансай (Япония) / под ред. П.А. Минакира, Вакио Фудзимото ; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2019. – 207 с.

ISBN 978-5-906118-46-2

В сборнике представлены статьи, подготовленные по материалам юбилейного XXXV российско-японского симпозиума ученых-экономистов Дальнего Востока России и района Кансай (Япония), прошедшего 8–11 сентября 2019 г. в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. Рассматриваются проблемы в области экономического и социального развития Дальнего Востока России, перспектив и механизмов его интеграции с экономиками стран АТР и СВА; геополитической и геоэкономической стратегии России в направлении Тихого океана; эффективности размещения на Дальнем Востоке России инфраструктуры доступа к зарубежным рынкам; поиска источников ресурсов для поддержания и наращивания уровня торговых и инвестиционных взаимодействий.

Для научных работников, аспирантов, студентов, всех тех, кто интересуется развитием международного сотрудничества в АТР, в частности, российско-японских отношений.

Ключевые слова: российско-японское сотрудничество, геополитика, инвестиционные потоки, торгово-экономические отношения, Россия, Япония, АТР.

Редакторы – П.А. Минакир, академик РАН; Вакио Фудзимото, профессор

Рецензент – С.Н. Леонов, доктор экономических наук

Публикация материалов симпозиума осуществлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 19-010-20013

Учредители симпозиума – Институт экономических исследований ДВО РАН (Россия) и Осацкий университет экономики и права (Япония)

Соорганизаторы XXXV симпозиума – Институт экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск, Россия) и Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (Хабаровск, Россия), Секция экономики Отделения общественных наук РАН (Москва, Россия), Осацкий университет экономики и права (Осака, Япония), Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (Комсомольск-на-Амуре, Россия), Администрация города Комсомольска-на-Амуре

Рекомендовано к изданию Ученым советом ИЭИ ДВО РАН

ISBN 978-5-906118-46-2

© Авторы, 2019

© Институт экономических исследований ДВО РАН, 2019

Proceedings of the XXXV Russian-Japanese Symposium of Academic Economists of the Russian Far East and Kansai Region (Japan) / Edited by P.A. Minakir, Wakio Fujimoto; Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2019. – 207 p.

The collection contains articles based on the materials of the XXXV anniversary Russian-Japanese Symposium of scientists and economists of the Far East of Russia and the Kansai region (Japan), held on September 8–11, 2019 in Khabarovsk and Komsomolsk-on-Amur. The problems in the field of economic and social development of the Russian Far East, prospects and mechanisms of its integration with the economies of the APR and NEA countries; geopolitical and geoeconomic strategy of Russia in the direction of the Pacific ocean are considered; efficiency of placement in the far East of Russia of infrastructure of access to foreign markets; search of sources of resources for maintenance and increase of level of trade and investment interactions.

For researchers, postgraduates, students, all those who are interested in the development of international cooperation in the Asia-Pacific region, in particular, Russian-Japanese relations.

Keywords: Russian-Japanese cooperation, geopolitics, investment flows, trade and economic relations, Russia, Japan, Asia-Pacific region.

Editors – P.A. Minakir, academician of RAS; Wakio Fujimoto, Professor

Reviewer – S.N. Leonov, doctor of Economics

The publication of the Symposium materials is prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research project No. 19-010-20013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Антонова Н.Е.</i> Лесной комплекс Дальнего Востока: новые факторы развития	7
<i>Бардаль А.Б.</i> Реализация стратегических задач в транспортном комплексе Дальнего Востока: вызовы современного периода	17
<i>Грицко М.А.</i> Финансовое положение российских домохозяйств: оценка современных тенденций	30
<i>Гудкова Е.В.</i> Государственно-частное партнерство асимметричности конкуренции	37
<i>Заостровских Е.А.</i> Воздействие изменения климата на прибрежные районы и морские порты: риски и последствия	42
<i>Изотов Д.А.</i> Взаимодействие экономики Дальнего Востока с зарубежным рынком капитала	51
<i>Ковальчук Л.Б.</i> Диагностика неоднородности социально-культурного пространства забайкальского края в условиях вхождения в Дальневосточный федеральный округ	62
<i>Кумо Кадзухиро</i> Возможность понимания гендерной ситуации в России на основе использования микроданных	73
<i>Кучук В.В.</i> Политика и безопасность в российско-японских отношениях	83
<i>Лившиц Р.Л.</i> «Homo economicus» или «homo sapiens»? (взаимосвязь экономических и внеэкономических факторов освоения Дальнего Востока России)	92

<i>Мазитова М.Г.</i> Проблемы в продвижении российско-японской торговли	97
<i>Минакир П.А.</i> Развитие Дальнего Востока России и международное сотрудничество: новые направления и вызовы	101
<i>Морозова О.В.</i> Российский Дальний Восток: экономика и международное сотрудничество в эру глобальной турбулентности	110
<i>Мотрич Е.Л.</i> Демографическая динамика в регионах Дальнего Востока	116
<i>Найден С.Н.</i> Потребители Дальнего Востока и перспективы развития fashion-сегмента	122
<i>Прокапало О.М.</i> ДФО в системе национальной экономики: новые пропорции	131
<i>Рензин О.М.</i> Финансовый сектор российского Дальнего Востока: трансформационные тенденции	139
<i>Суслов Д.В.</i> Российско-японские экономические отношения	146
<i>Суходолов Я.А.</i> Современная специфика и перспективы развития внешнеторгового сотрудничества России с Японией	160
<i>Токуоки Таро</i> Ситуация в японско-российской торговле	170
<i>Фудзивара Кацуми</i> Российское общество потребления через призму индустрии моды	181
<i>Хакамада Сигэки</i> Переговоры по мирному договору и что стоит за ними: взгляд с японской стороны	194

ЛЕСНОЙ КОМПЛЕКС ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: НОВЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Антонова Н.Е.

**Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск**

Аннотация. Обсуждается современная траектория развития лесного комплекса Дальнего Востока, которая определяется двумя основными *факторами* – активизацией государственного участия в экономике региона, а также усилением влияния внешнего спроса, в первую очередь, китайского. Делается вывод о том, что, во-первых, изменение таможенных условий способствует «выталкиванию» среднего и малого бизнеса из экспортной деятельности, хотя для гармоничного развития лесного комплекса ДФО необходимо сохранить его стабильное ядро из небольших лесозаготовительных и лесопильных предприятий; во-вторых, усилилась привязка дальневосточных лесопользователей к Китаю как к крупнейшему потребителю лесной продукции, при этом в инвестиционной сфере пока только китайский бизнес выражает готовность вкладываться в российские проекты, а федеральные и региональные власти готовы предоставить ему режимы наибольшего благоприятствования.

Ключевые слова: лесной комплекс, государственное регулирование, внешний спрос, лесопромышленная продукция Дальний Восток России, Китай.

Природные ресурсы и экономико-географическое положение – определяющие факторы развития экономики Дальнего Востока и входящих в нее секторов. Такую же важную роль на всех этапах развития играли государственное регулирование экономической системы и ориентация на сотрудничество с сопредельными странами и рынками (Минакир, 2006).

Эти факторы остаются определяющими и в настоящее время, несколько модифицируясь исходя из состояния ресурсов, современных государственных приоритетов в отношении Дальнего Востока, а также складывающейся конъюнктуры на целевых внешних рынках. Все это накладывает отпечаток на ситуацию в секторах экономики Дальнего Востока.

Лесной комплекс более 70 лет является одной из отраслей специализации Дальнего Востока, который в сравнении с другими регионами выглядит ресурсоизбыточным – на него приходится 25% запасов древесины и 37% лесопокрытой площади России.

Однако использование лесных ресурсов низкое: заготавливается менее 20% из ежегодно допустимого объема рубок, что не соответствует имеющемуся ресурсному потенциалу. Соответственно, место лесного комплекса ДФО в национальных показателях незначительное: в производстве основных видов лесопромышленной продукции – необработанной древесины и пиломатериалов – он занимал в 2017 г. лишь 9,1 и 7,6 % от российского производства¹.

Одна из причин недостаточного использования ресурсов заключается в территориальном несоответствии ресурсной базы и зон промышленной заготовки и переработки древесины. Наибольший объем ресурсов приходится на Якутию, а основные лесопромышленные предприятия размещены в южной зоне ДФО, где ресурсы уже истощены и имеется значительный их дефицит (рис. 1).

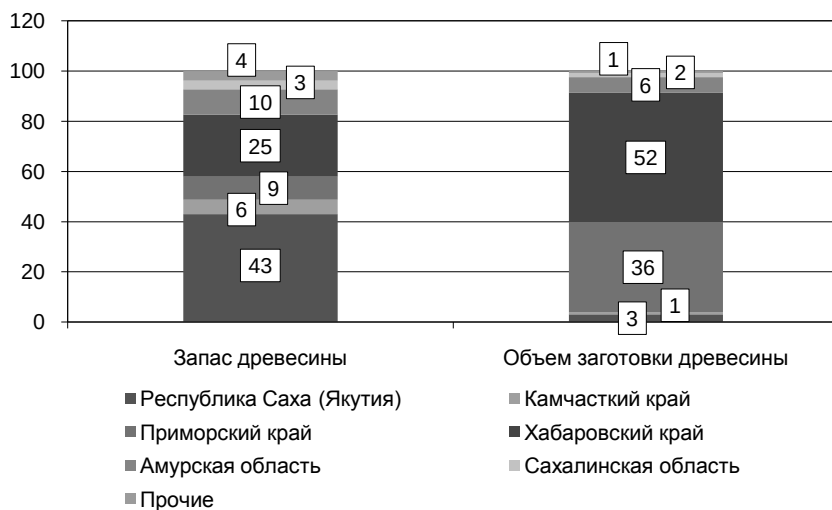

Рис. 1. Территориальная структура запаса древесины и лесозаготовок на Дальнем Востоке, 2017 г., %

Источник: рассчитано по: Регионы..., 2018.

Кроме того, факторами, определяющими современную траекторию развития лесного комплекса, являются активизация государ-

¹ Рассчитано по: Регионы..., 2018.

ственного участия в экономике Дальнего Востока, а также усиление влияния внешнего фактора в первую очередь китайского.

Активизация государственного участия в экономике Дальнего Востока.

С 2013 г. федеральным центром для ДФО была введена новая модель развития с набором специальных институционально-экономических режимов (Антонова, Ломакина, 2018).

Один из инструментов – добавление в отраслевые государственные программы и отраслевые стратегии разделов, посвященных ДФО. Что касается лесного комплекса, то в государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (Развитие..., 2014), в части, касающейся мер поддержки лесопромышленного производства, «дальневосточный» раздел представлен субсидиями на возмещение части затрат для лесопромышленных предприятий, реализующих приоритетные инвестиционные проекты. Но, поскольку стоимостной барьер получения субсидии высокий – не менее 1 млрд руб. уже вложенных в реализацию проекта инвестиций – эти субсидии смогли получить всего четыре предприятия ДФО из числа наиболее крупных.

Еще одним инструментом являются территории со специальным организационно-правовым и экономическим режимами – территории опережающего социально-экономического развития (ТОР) и свободный порт «Владивосток» (СПВ). Резидентами ТОР среди лесопромышленных предприятий стали всего три компании, заявившие о вложении достаточно крупных инвестиций. В ТОР «Комсомольск» (Хабаровский край) RFP Group построила в г. Амурске завод по производству пиломатериалов и приступает к строительству завода по производству топливных гранул. Другой резидент той же ТОР – ООО «Логистик Лес» – начал строительство лесопильного завода. В ТОР «Амуро-Хинганская» (Еврейская автономная область) ООО «Амурпром» реализует проект по организации производства пиломатериалов, шпона, мебельных щитов и топливных брикетов. Во всех трех компаниях присутствуют китайские инвестиции, причем в двух из них 100% (ООО «Логистик Лес» и «Амурпром»).

Сходный с ТОР по предлагаемой системе льгот институциональный механизм «Свободный порт Владивосток» привлекателен для мелких и средних инвесторов, не смотря на то, что в его рамках отсутствует финансирование строительства объектов инфраструктуры за счет бюджетных средств. Резидентами СПВ зарегистриро-

вано десять лесопромышленных предприятий, расположенных в основном в Приморском крае. Это средние по размеру вновь созданные предприятия, основной вид деятельности – деревообработка с производством традиционного набора продукции (пиломатериалы, мебельный щит, шпон, топливные брикеты, пеллеты).

Институциональным инструментом, принятым непосредственно для лесного комплекса Дальнего Востока, является введение, начиная с 2018 г., квот на объем экспорта необработанной древесины ряда дальневосточных пород по сниженным таможенным пошлинам (с 25 до 6,5%) (О тарифных..., 2017). За пределами квоты таможенная ставка увеличится до 80%.

Условием получения предприятием такой квоты является обеспечение не менее 20% экспорта продукции деревообработки в общем объеме экспорта с последующим ее увеличением этой доли до 35%. Общий объем квоты для региона – 4 млн м³, то есть снижение пошлин охватывает 60% дальневосточного экспорта необработанной древесины.

Порядка 70% от объема квоты получила лишь одна компания, являющаяся крупнейшим лесозаготовителем в ДФО и в России. Таким образом, получается, что введение квот на экспорт древесины по сниженным ставкам пошлин – это, по сути, монополизация деятельности в лесном комплексе. Остальным предприятиям придется перенаправить потоки древесины на внутренних потребителей или уходить с рынка.

Можно сделать вывод, что государственная политика в лесном комплексе, направленная на поддержку в первую очередь крупных компаний, способствует изменению ее «размерной» структуры – сокращению количества мелких предприятий и увеличению доли крупных компаний. Это подтверждает известный тезис о том, что структура рынка во многом формируется под воздействием экономической политики правительства.

Что касается *влияния внешнего фактора*, то оно выражается в усилении ориентации экономического сотрудничества Дальнего Востока со странами Восточной Азии.

Лесной комплекс Дальнего Востока на 90% осуществляет поставки лесопромышленной продукции на внешние рынки.

Стоимостной объем лесного экспорта из ДФО увеличился за 2013–2018 гг. на 16% (рис. 2).

Основными видами экспортируемой продукции являются необработанная древесина, пиломатериалы, а также лущеный шпон,

который является новым экспортным продуктом для ДФО. В продуктовой структуре продолжает преобладать необработанная древесина (рис. 3).

Рис. 2. Динамика стоимостного объема экспорта лесопромышленной продукции ДФО, млн. долл.

Источник: Таможенная..., 2014–2018.

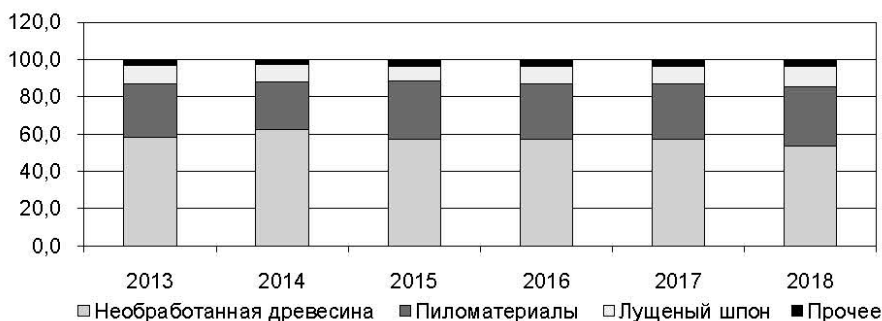

Рис. 3. Продуктовая структура лесного экспорта ДФО, %

Источник: Таможенная..., 2014–2018.

Главным рынком сбыта лесопромышленной продукции из ДФО остаются страны Северо-Восточной Азии – Китай, Япония и Республика Корея.

Япония в конце 2000-х гг. резко свернула импорт из России из-за ужесточения таможенного режима на необработанную древесину. В результате доля России в импорте Японией лесопромыш-

ленной продукции сократилась в 2 раза за 10 лет. В основном это произошло за счет сокращения необработанной древесины (*рис. 4*).

Рис. 4. Динамика доли России в импорте Японией лесопромышленной продукции, 2007–2016, %

Источник: Annual..., 2017.

Необходимо отметить, что Япония уменьшила общее потребление лесопромышленной продукции. Причем это сокращение произошло за счет импорта в страну, снизившегося на 22% за 2007–2016 гг. Производство отечественной лесопромышленной продукции выросло за этот же период на 20%, благодаря проводимой в Японии политике по стимулированию лесного сектора (Annual..., 2017).

Что касается экспорта лесопромышленной продукции из ДФО в Японию, то за последние 5 лет он немного вырос в основном за счет лущеного шпона, который является наиболее дорогим поставляемым продуктом (*рис. 5*). Это является хорошим знаком возвращения России на рынок Японии.

Японские инвестиции присутствуют в одной из наиболее успешных лесопромышленных компаний ДФО «ОАО «Тернейлес» (Приморский край), где одним из главных акционеров является Сумитомо Корпорейшн.

В Хабаровском крае RFP Group реализует проект по строительству завода по производству пеллет. Общий объем инвестиций составит 35 млн долл. Основная часть продукции будет экспортироваться в Японию. Финансируется проект совместно RFP Group, Российско-японским инвестиционным фондом (создан Российским фондом прямых инвестиций и Japan Bank for International

Cooperation) и японской компанией Prospect Co (РФПИ..., 2018). Этот проект станет первым в рамках развития сотрудничества в сфере переработки отходов лесной промышленности в топливные гранулы (пеллеты). Ожидается строительство на Дальнем Востоке нескольких заводов по выпуску топливных гранул общей мощностью 135 тыс. т в год.

Рис. 5. Динамика экспорта лесопромышленной продукции из ДФО в Японию, 2015–2018, млн. долл.

Источник: рассчитано на основе данных: Внешняя..., 2013–2018.

Кроме того, компания «ИРЕКС» (EREX Co), крупнейшая в Японии компания по производству электроэнергии на основе биотоплива, также планирует запустить на Дальнем Востоке производство пеллет (Японский..., 2019). Для выпуска пеллет планируется использовать отходы предприятий деревообрабатывающей продукции из нескольких регионов. Общий размер инвестиций в проект составит 6 млрд руб. (95 млн долл. США). Топливные гранулы будут экспортироваться в Японию, на электростанции компании.

ООО «Стивидорная компания Славянский лесной терминал» осуществляет проект по строительству завода по производству 300 тыс. м³ пиломатериалов в Приморском крае. Объем заявленных инвестиций – 2 млрд руб., 100 % средства японских инвесторов (Об утверждении..., 2019).

Пока что последние два проекта находятся на стадии принятия инвестиционного решения.

Тем не менее, основным рынком для лесного комплекса ДФО является Китай, роль которого в географической структуре поста-

вок резко усилилась в конце 2000-х – начале 2010-х гг. и сохраняет свои лидирующие позиции в настоящее время. В таблице представлены показатели удельного веса стран Северо-Восточной Азии в поставках лесопромышленной продукции из Хабаровского края, который является основным лесным экспортером на Дальнем Востоке.

Таблица

**Страновая структура стоимостного объема поставок
лесопромышленной продукции из Хабаровского края, %**

Страна	2013	2018
Китай	71	80
Япония	9	13
Республика Корея	18	5
Прочие	2	2

Источник: рассчитано на основе данных: Внешняя..., 2013–2018.

Во многом рост роли Китая определяется общей активизацией российско-китайского сотрудничества на государственном уровне. Кроме того, возможности для увеличения экспорта российской древесины в Китай выросли в последнее время, что связано с введением Китаем с 2016 г. запрета на коммерческую заготовку древесины в естественных лесах по всей стране (Антонова, 2019). В результате в стране началось снижение производства древесины, восполнить которое призван ее импорт.

В продуктовой структуре лесного экспорта из ДФО доминирующей остается необработанная древесина (*рис. 6*). Это значит, что, не смотря на проводимую политику федерального центра по изменению товарной структуры в пользу продукции с высокой добавленной стоимостью, лесной комплекс региона сохраняет сырьевую направленность. Основной продукт переработки древесины – пиломатериалы, объемы которых удалось нарастить за эти годы, представляют собой полуфабрикаты, которые китайские деревообрабатывающие предприятия превращают в конечный продукт.

Все инвестиционные ожидания в лесном комплексе Дальнего Востока также связаны с китайскими партнерами. Об этом свидетельствует наличие китайских инвестиций в крупных лесопромышленных компаниях Дальнего Востока. Китайские компании

стремятся быть мажоритарными акционерами, чтобы финансировать лесной бизнес в России из кредитов китайских банков.

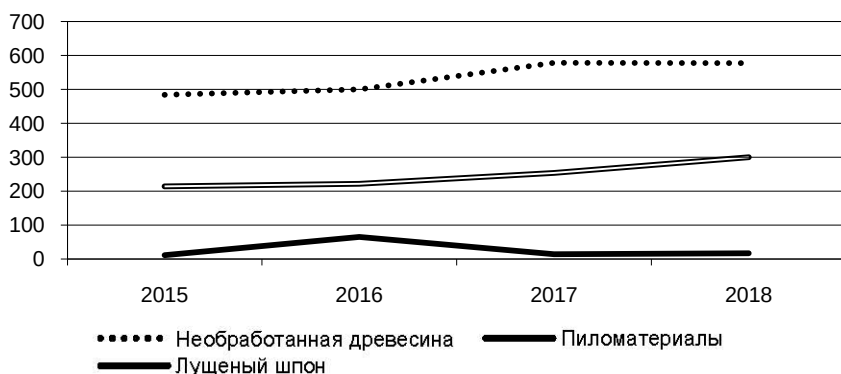

Рис. 6. Динамика экспорта лесопромышленной продукции из ДФО в КНР, 2015–2018, млн долл.

Источник: рассчитано на основе данных: Внешняя..., 2013–2018.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Набор институциональных инструментов, применяемых в лесном комплексе Дальнего Востока в последние годы, заметно расширился. Однако воспользоваться новыми преференциями и отраслевыми новациями могут лишь крупнейшие компании. Изменение таможенных условий способствует «выталкиванию» среднего и малого бизнеса из экспортной деятельности.

Для гармоничного развития лесного комплекса ДФО необходимо сохранить его стабильное ядро из небольших лесозаготовительных и лесопильных предприятий возможно путем переориентации малых предприятий на кооперацию с крупными холдингами. Частично этот процесс происходит в регионе, скорее всего за ним будущее.

За последние годы возросло значение фактора внешнего спроса. При этом усилилась привязка дальневосточных лесопользователей к Китаю как к крупнейшему потребителю лесной продукции. В инвестиционной сфере пока только китайский бизнес выражает готовность вкладываться в российские проекты, а федеральные и региональные власти готовы предоставить ему режимы наибольшего благоприятствования.

Список литературы

- Антонова Н.Е. Лесной комплекс Дальнего Востока: есть ли задел под будущее развитие? // ЭКО. 2019. № 4. С. 27–47.
- Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3.
- Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2013–2018. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: август 2019).
- Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
- О тарифных квотах на отдельные виды лесоматериалов, вывозимых за пределы территории Российской Федерации в третьи страны : постановление Правительства РФ от 12 декабря 2017 года № 1520 / Гарант. 2017. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71734062/> (дата обращения: август 2019).
- Об утверждении Лесного плана Приморского края на 2019–2028 годы : распоряжение губернатора Приморского края от 30 апреля 2019 года № 119-рг / Администрация Приморского края. 2019. <https://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/forestry/docs.php> (дата обращения: август 2019).
- Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 328 / Гарант. 2014. URL: <http://base.garant.ru/70643464/> (дата обращения: август 2019).
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / ФСГС. 2018. 1162 с.
- РФПИ и JBIC инвестируют в российскую биоэнергетическую отрасль. URL: <http://rjif.org/ru/press/87-rfpi-i-jbic-investiruiut-v-rossiiskuiu> (дата обращения: август 2019).
- Таможенная статистика / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2014–2018. URL: <http://dvtu.customs.ru/statistic> (дата обращения: март 2019).
- Японский инвестор планирует перерабатывать отходы деревообрабатывающих производств Якутии / Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. 2019. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/23251/> (дата обращения: август 2019).
- Annual Report on Forest and Forestry in Japan. Summary / Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. 2017. 31 p.

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В ТРАНСПОРТНОМ КОМПЛЕКСЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДА

Бардаль А.Б.

***Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск***

Аннотация. Азиатский регион остается в настоящее время одной из ключевых точек экономической активности мирового хозяйства. Развитие транспортной системы является ключевым для Дальнего Востока России с точки зрения реализации потенциала интеграции со странами СВА (КНР, Япония, Республика Корея). В связи с этим достижение целевых установок стратегического развития транспорта является вызовом современного этапа экономического развития. Фиксируемое отставание фактических показателей транспортной работы от планируемых даже в рамках наименее амбициозного инерционного сценария развития транспорта, формирует риск нарастающего дисбаланса между уровнем развития транспорта Дальнего Востока России и окружающих стран СВА.

Ключевые слова: транспортный комплекс, стратегия развития транспорта, Дальний Восток России.

Дальний Восток России, в силу своего географического положения, является «естественным мостом» при взаимодействиях России со странами СВА. В этой связи развитие транспортного комплекса региона обеспечивает базовые условия взаимодействий между странами. Целевые параметры и ориентиры долгосрочной динамики транспорта, необходимой для реализации стратегических задач, закреплены в документах федерального уровня, временной горизонт которых рассчитан на период до 2030 г. (Транспортная..., 2008; Стратегия..., 2008; Стратегия..., 2018; Энергетическая..., 2018; Экологическая..., 2018; Стратегия..., 2015; Об утверждении..., 2018). Практически все из них содержат региональные разделы, отражающие специфику и векторы развития отдельных видов транспорта.

Целью данной работы является мониторинг промежуточных результатов работы транспортного комплекса Дальнего Востока и верификация их соответствия заявленным параметрам долгосрочного развития.

Согласно «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Стратегии) рассматривается три варианта развития транспорта, предполагающих различные целевые установки, направления развития, итоговые показатели транспортной работы: инерционный, энергосырьевой и инновационный. Соответственно вариантам развития различаются цели, задачи и мероприятия совершенствования транспортного комплекса Дальнего Востока. Наиболее эффективным является инновационный сценарий, предполагающий «ускоренное и сбалансированное развитие транспортной системы страны, которое наряду с достижением целей, предусматриваемых при реализации энергосырьевого варианта, позволит обеспечить транспортные условия для развития инновационной составляющей экономики, повышения качества жизни населения, перехода к полицентрической модели пространственного развития России» (Транспортная..., 2008, с. 22).

В этой связи немаловажно понимать по какому из вариантов происходит реальное развитие транспорта в настоящее время. Верифицировать вектор развития транспортного комплекса страны можно ориентируясь на прогнозы базовых показателей (объем грузовых перевозок и грузооборот, а также перевозки пассажиров и пассажирооборот по видам транспорта), представленные в Стратегии для каждого из выделенных вариантов (*табл. 1, 2*).

Сопоставляя прогнозируемые показатели с фактически наблюдаемыми значениями (рассматриваются данные за 2015 г. и 2017 г. с тем, чтобы исключить единичные возможные отклонения) можно отметить, что несмотря на определенную ежегодную положительную динамику, даже к 2017 г. не были достигнуты показатели самого скромного по параметрам инерционного варианта развития транспорта (тогда как в качестве целевого в Стратегии принимался инновационный вариант). При этом отставание фактических значений от прогнозируемых по отдельным показателям 2015 г. (принятый в документе базовый год) составило по видам транспорта: по грузовым перевозкам: на 33% – автомобильный, 23 – железнодорожный, 68 – морской¹, 32 – внутренний водный и на 14% – воздушный; по грузообороту: на 11% – автомобильный, 12 – железнодорожный, 74 – морской, 31 – внутренний водный и на

¹ В случае морского транспорта статистический учет определяется фактом регистрации флота под государственным флагом РФ (Методологические..., 2017).

29% – воздушный; по пассажирским перевозкам: на 20% – автомобильный, 25 – железнодорожный, 50 – внутренний водный и на 31% – городской наземный электрический; по пассажирообороту: на 21% – автомобильный, 35 – железнодорожный, 62 – внутренний водный и на 29% – городской наземный электрический транспорт.

Таблица 1

**Прогнозные и фактические показатели
транспортного комплекса России**

Показатель	Фактические показатели	Инерционный вариант (прогноз)		
	2015 / 2017	2015	2020	2030
Объем перевозки грузов, млн т				
Автомобильный	5041 / 5404	7500	8800	100000
Железнодорожный	1329 / 1384	1720	1850	1970
Морской	19 / 25	60	110	170
Внутренний водный	121 / 119	179,2	190	215
Воздушный	1,2 / 1,3	1,4	1,8	3
Грузооборот, млрд т-км				
Автомобильный	232 / 255	260	290	320
Железнодорожный	2306 / 2493	2630	2850	3050
Морской	42 / 46	160	210	300
Внутренний водный	64 / 67	93,1	104	130,6
Воздушный	5,4 / 7,9	7,6	10,1	14
Перевозки пассажиров, млн чел.				
Автомобильный	11550 / 11228	14437,6	14613,7	15361
Железнодорожный	1025 / 1121	1369,6	1410	1440
Внутренний водный	14 / 13	28,2	30,6	38,7
Воздушный	94 / 108	70	99	138
Городской наземный электрический	3094 / 2703	4488,4	4113,8	4900
Пассажирооборот, млрд пасс-км				
Автомобильный	126,6 / 123,4	160	167,69	190
Железнодорожный	120,6 / 123,1	184	193,2	202,3
Внутренний водный	0,5 / 0,6	1,3	1,4	1,8
Воздушный	226,8 / 259,4	202,2	250	380
Городской наземный электрический	10,8 / 9,5	15,2	14,1	16

Источники: Транспортная..., 2008, с. 22; Транспорт..., 2018.

Таблица 2

Прогнозные показатели транспортного комплекса России

Показатели	Энергосырьевой вариант (прогноз)			Инновационный вариант (прогноз)		
	2015	2020	2030	2015	2020	2030
Объем перевозки грузов, млн т						
Автомобильный	7478,7	8124,1	10500	8100	9260	12300
Железнодорожный	1758	1950	1970	1758	1950	2150
Морской	85	140	252	85	140	252
Внутренний водный	179,2	203	262,4	179,2	203	262,4
Воздушный	1,5	2,1	3,2	1,7	2,5	5
Грузооборот, млрд т-км						
Автомобильный	267,6	312,1	420	290	356,5	467
Железнодорожный	2677	3050	3050	2677	3050	3300
Морской	200,6	330,4	535,7	200,6	330,4	595,2
Внутренний водный	93,1	104	130,6	93,1	104	130,6
Воздушный	7,3	9,7	13,7	8,7	11,6	20,9
Перевозки пассажиров, млн чел.						
Автомобильный	14437,6	14613,7	15361	14994,1	15769,5	17767,4
Железнодорожный	1369,6	1432,9	1445	1380	1470,7	1590
Внутренний водный	28,2	31,9	40,8	30	33,9	43,4
Воздушный	85,1	114,3	150	86,1	126,5	240
Городской наземный электрический	4488,4	4113,8	5000	4675,6	4646,5	5498
Пассажирооборот, млрд пасс-км						
Автомобильный	161,7	167,6	215,1	167,9	180,9	264
Железнодорожный	185	201,8	202,3	188,7	209,3	231,3
Внутренний водный	1,3	1,49	2	1,37	1,57	2,17
Воздушный	202,2	262	420	204,3	290	593
Городской наземный электрический	15,2	14,1	17	15,8	15,9	18,7

Источники: Транспортная..., 2008, с. 22; Транспорт..., 2018.

Единственным исключением (фактические значения превышают запланированные Стратегией величины) стали показатели числа перевезенных пассажиров и пассажирооборота воздушного транспорта. По итогам 2015 г. фактически перевезено на 34% больше пассажиров, а пассажирооборот превышен на 12% по сравнению с прогнозом. Эти результаты свидетельствуют о положительном воздействии применяемых с 2009 г. мер поддержки внутренних авиационных перевозок через программы субсидирования воздушного транспорта.

Таким образом, анализируя фактическую динамику показателей транспортного комплекса России и фиксируя их отклонение от принятых в Стратегии (по состоянию на 2017 г.) можно сделать вывод, что в дальнейшем при формировании перспектив развития транспортного комплекса Дальнего Востока на период до 2030 г. не нужно рассматривать Стратегию как точный ориентир. Более логичным будет принять инерционный вариант в качестве условной базы определения вектора развития, учитывая при этом имеющееся уже на первом этапе реализации (2015 г.) отставание от прогнозируемых показателей.

Отдельно нужно сказать о морском транспорте, особенности статистического учета которого на современном этапе делают некорректным прямое сопоставление фактических данных Росстата и прогнозируемых в Стратегии показателей¹. Более верным, на наш взгляд, будет рассмотреть прогноз по этому виду транспорта в сопоставлении с фактическим объемом перевалки грузов в морских портах России. Поскольку при прогнозе показателей морского транспорта в рамках Стратегии выделен региональный блок (Дальневосточный бассейн), возможность провести более детальный мониторинг происходящих процессов (*табл. 3*).

¹ Росстат учитывает перевозки морским флотом России, т. е. судами, которые в соответствии с Кодексом торгового мореплавания внесены в Государственный судовой реестр или судовую книгу одного из морских портов страны и имеют судовые свидетельства (судовой патент или судовой билет), удостоверяющие право плавания под Государственным флагом Российской Федерации и право собственности на судно или пользование им (Транспорт..., 2018). В связи с этим проблема достижения запланированных в Стратегии показателей переходит в институциональную область – создание условий регистрации судов под российским флагом.

Таблица 3

**Прогнозные и фактические показатели перевалки
морского транспорта России, млн т**

Показатель	Фактические показатели 2017	Прогнозируемые показатели инновационного варианта		
		2015	2020	2030
Порты России, всего в т. ч.:	787	774	885	1025
– наливные	414	426,3	460	525
– сухие, всего	372,9	347,7	425	500
– в т. ч. контейнеры	48,2	77	104	150
Дальневосточный бассейн, всего в т. ч.	191,7	150,2	181	250
– наливные	74,3	51,8	68	100
– сухие, всего	117,4	98,4	113	150
в т. ч. контейнеры	н/д	20,6	26,5	58,5

Примечание: н/д – нет данных.

Источники: Транспортная..., 2008. С. 22; Грузооборот..., 2015.

По итогам 2017 г. при общем отставании перевалки грузов в морских портах России от прогнозов инновационного варианта Стратегии для 2015 г. на 12,6% (в т. ч. на 14,5% по наливным и 10,2% по сухим грузам), объемы фактической перевалки в портах Дальнего Востока превышали прогноз для 2020 г. на 5,9% (в т. ч. на 9,3% по наливным грузам). Позитивная конъюнктура рынков стран Азии в части энергосырьевых ресурсов и негативные политико-экономические факторы в отношениях со странами Европы и США, определили высокие темпы прироста перевалки грузов через морские порты Тихоокеанского побережья. Реализация крупных проектов строительства перевалочных мощностей (специализированный нефтепорт Козьмино, специализированный угольный комплекс АО «Дальтрансуголь» и др.) позволила морским портам востока страны увеличить перевалку грузов в 2018 г. до 200,5 млн т (что превышает прогноз Стратегии для Дальневосточного бассейна в 2020 г. на 10,8%).

Приведенные данные не только свидетельствуют об опережающем развитии мощностей морских портов Дальневосточного бассейна по сравнению с остальными бассейнами, но и говорят о

неверных предпосылках Стратегии относительного этого вида транспорта в регионе (либо наличии неучтенных факторов развития). Соответственно, определять перспективы данного вида транспорта на Дальнем Востоке на основе целей и задач Стратегии неэффективно.

В целом можно констатировать, что развитие транспортного комплекса Дальнего Востока происходит в направлении решения задач транспортного обеспечения освоения месторождений полезных ископаемых и развития сетей в удаленных и труднодоступных северных районах. В южных районах ДФО главной задачей развития транспортной системы является повышение качества и доступности ее услуг для населения и хозяйствующих агентов. Этот вектор, очевидно, будет в той или иной степени зафиксирован на период до 2030 г.

Приоритетными направлениями развития транспорта на Дальнем Востоке на период до 2030 г. являются:

- модернизация и развитие железнодорожной сети путем усиления Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, завершение строительства Амурско-Якутской магистрали и соединительных линий, завершение реконструкции сети о. Сахалин, строительство новых железнодорожных линий;
- развитие перевозок по транспортным коридорам («Приморье-1», «Приморье-2»);
- продолжение формирования опорной магистральной сети автомобильных дорог;
- развитие международных пограничных переходов, систем транспортно-логистического обслуживания;
- развитие перегрузочных мощностей морских портов региона;
- развитие Якутского речного порта в качестве базового для обеспечения северного завоза в Республике Саха (Якутия);
- модернизация сети региональных аэропортов.

За пределами 2030 г. развитие транспорта на Дальнем Востоке характеризуется большой степенью неопределенности. Исходя из особенностей региона необходимо развитие всех видов транспорта.

Воздушный транспорт должен обеспечить условия свободного передвижения населения региона на внутрирегиональном, межрегиональном и международном уровнях. Будет создана (восстановлена и развита) система региональных аэропортов, обслуживаемых воздушными судами нового поколения. На уровне региона

система будет замыкаться на узловые аэропорты регионального и международного уровня (так называемые аэропорты-хабы). В качестве ключевых выступят крупные города Дальнего Востока: Хабаровск, Владивосток, Якутск. На международном уровне воздушный транспорт будет обеспечивать «двухчасовую доступность» столиц государств СВА для жителей субрегиона (Пекин, Токио, Сеул, Пхеньян).

Железнодорожный транспорт получит развитие в направлениях: создания высокоскоростной сети дорог между ключевыми городами региона, а также с крупными центрами КНР; развитие сети и переход к структуре по типу решетки; разделение грузового и пассажирского движения. Будут активно применяться новые виды подвижного состава, устройства связи, сигнализации, централизации и блокировки.

Развитие автомобильного транспорта будет проходить при активном строительстве внутрирегиональной сети дорог, соединяющих населенные пункты и обеспечивающих транспортную доступность всей территории региона (опережающими темпами в северных районах). Скоростные дороги с улучшенным типом покрытия будут построены между всеми административными центрами субъектов РФ на Дальнем Востоке.

В целом развитие транспортного комплекса на период до 2050 г. будет направлено на оптимизацию связей внутри страны, повышение комфортности проживания на территории региона (с точки зрения снятия транспортной дискриминации населения) и интеграцию транспортного комплекса Дальнего Востока с транспортом стран СВА – создание «надстрановой» интермодальной транспортной системы.

До 2030 г. на территории региона запланировано масштабное преобразование железных дорог, предполагается построить от 5300 до 7300 км новых линий (Стратегия..., 2008) (в зависимости от того, какой из вариантов «Стратегии развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года» будет реализован), предусмотрена организация скоростного движения по маршрутам: Уссурийск – Владивосток и Владивосток – Хабаровск. В планах – строительство линий для обеспечения растущей мобильности населения, линий грузообразующего значения (обеспечение транспортной доступности территорий) и технологических (повышение пропускной способности существующих линий). Заявленные проекты, конечно, не учитывали кризисных явлений в экономике периода 2007–2009 гг.

и 2015 г. с последующими затяжными периодами медленного оживления экономики, поэтому предполагаемые сроки и объемы реализации проектов транспортного блока, скорее всего, будут значительно скорректированы и с большой вероятностью не выйдут за пределы минимального варианта.

Перспективы развития железнодорожного транспорта Дальнего Востока после 2030 г. во многом будут зависеть от реальности выполнения утвержденной программы инфраструктурного строительства в 2015–2030 гг. Финансово-экономические трудности в этот период вряд ли позволят осуществить максимальный вариант программы, но даже реализация минимального варианта существенно изменит ситуацию с железнодорожным транспортом региона, прежде всего, в результате создания железнодорожной сети в северных районах Дальнего Востока. Строительство дороги Якутск – Мома – Магадан и другие, почти фантастические, варианты развития железнодорожной сети (до г. Петропавловск-Камчатский, п. Уэлен, п. Певек) приведут к тому, что расходы на строительство и содержание сети на таких колоссальных и сложнейших в природном отношении пространствах практически исключат формирование в дальнейшем эффективного в экономическом и социальном плане инфраструктурного каркаса.

С экономической точки зрения это обусловит то, что инфраструктурный мультипликатор, низкое значение которого и в настоящее время препятствует трансформации инвестиций в экономический рост, еще более уменьшится. С технической точки зрения подобная география расширения железнодорожной сети предполагает создание и внедрение новых технологических решений, как в области строительства железнодорожных путей, так и в сфере разработки новых типов техники и материалов для их эксплуатации. Выход железнодорожной сети к Охотскому морю будет стимулом не только для развития портовой инфраструктуры Магаданской области, но и формирования новых масштабных грузопотоков северных территорий Дальнего Востока, в первую очередь Магаданской области и Республики Саха (Якутия). Учитывая структуру экономики в перспективе и концепцию развития северных территорий, такие грузопотоки могут формироваться лишь горнодобывающей промышленностью. Это будет означать, во-первых, создание (ценой огромных затрат) сети, конкурирующей с уже построенной Амуро-Якутской магистралью, а во-вторых, будет противо-

речь основной концепции долговременного развития региона в целом (Синтез..., 2011).

Значительно более рациональным решением является концентрация ресурсов на организации скоростного железнодорожного движения на Дальнем Востоке. Именно это направление развития железнодорожного транспорта должно стать, по нашему мнению, основным после 2030 г. Создание сети высокоскоростного железнодорожного движения в регионе позволит повысить комфортность проживания, обеспечит свободу передвижения населения, повысит трудовую мобильность.

Сеть высокоскоростного железнодорожного сообщения (прежде всего, пассажирского) должна обеспечить «сжатие» географического пространства вдоль Транссибирской магистрали (Владивосток – Хабаровск, Хабаровск – Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск – Биробиджан – Благовещенск, Благовещенск – Якутск). Помимо существенного сокращения экономического расстояния по этим направлениям, высокоскоростное движение обеспечит реальное формирование интегрированного рынка благ, услуг и труда, охватывающего эти основные экономические зоны Дальнего Востока. В зону притяжения этого рынка за счет строительства сопряженных автомобильных дорог и региональной сети воздушного сообщения будут включаться другие населенные пункты региона.

К 2050 г. оптимизация грузовых перевозок на железнодорожном транспорте Дальнего Востока будет достигнута реализацией проекта строительства второй линии БАМ, после чего магистраль может быть специализирован на перевозках массовых грузов. Тем самым транспортные мощности Транссибирской магистрали будут использованы для контейнерных грузов и частично для пассажирского движения, как это и предусмотрено в долгосрочной перспективе.

Потенциал интеграции транспортного комплекса с рынком транспортных услуг СВА может быть усилен в результате соединения о. Сахалин с материком (дамба, тоннель, либо мост) и организации стабильного железнодорожного сообщения по этому направлению. Кроме создания надежной транспортной связи с Сахалинской областью, а, следовательно, расширения единого экономического пространства России в восточном направлении, возникнет северо-восточное транспортное кольцо: Дальний Восток России – Япония – Республика Корея – северо-восток КНР. Частью этого масштабного проекта станет интеграция железнодорожных

сетей Дальнего Востока России и КНР, а также Дальнего Востока и КНДР / Республики Корея (в перспективе на Корейском полуострове может быть создана единая транспортная система).

Развитие морского транспорта Дальнего Востока будет определяться приоритетами внешнеторговых отношений России, а также интересами крупных компаний, ориентированных на экспорт и должно быть синхронизировано с передовыми общемировыми технико-технологическими тенденциями. Перспективы развития морского транспорта Дальнего Востока за пределами 2030 г. условно можно представить в двух вариантах: первый основывается на том, что природно-климатические условия в регионе существенно не изменятся; второй строится на предположении о том, что будут происходить значительные изменения климата (глобальное потепление).

В условиях отсутствия существенных изменений климата предположительно будет возрастать объем перевалки наливных грузов. К 2050 г. рост может составить два и более раз к объему 2015 г. Изменение структуры перевалки приведет к необходимым технологическим изменениям морского транспорта региона: ужесточение требований к безопасному хранению и перевозке грузов; применение новых типов танкеров, соответствующих общемировым стандартам и нормам безопасности и экологичности.

На Дальнем Востоке наибольшее развитие получают порты, имеющие высокий потенциал интеграции и расположенные на пересечении транспортно-коммуникационных магистралей: например, при условии реализации намеченных грандиозных планов по строительству перевалочных мощностей, Морской порт в бухте Троицы (Зарубино) может стать транспортным узлом международного значения при обслуживании транзитных грузов стран СВА. Значительный интеграционный потенциал имеют порты юга Приморского края: Владивосток, Восточный, Находка, Славянка, Зарубино (Морской порт в бухте Троицы), Посыет, а также порты Хабаровского края: Ванино, Советская Гавань и Сахалинской области: Шахтерск, Корсаков. В результате базируясь на них могут быть организованы эффективно действующие транспортные (транспортно-промышленные) узлы: Владивостокский; Восточно-Находкинский; Хасанский и Ванино-Совгаванский (Перцев, Семенихин, 2007).

Потепление климата в долгосрочной перспективе может повлиять на развитие морского транспорта Дальнего Востока через

повышение значимости Северного морского пути. В условиях более благополучной ледовой обстановки этот маршрут может стать крупным транзитным направлением, приняв часть грузопотока между Азией и Европой, перевозимого в настоящее время через Суэцкий канал. При реализации этого варианта развития значительно возрастет значение морских портов Дальнего Востока, задействованных в обслуживании трассы СМП: Тикси, Певек, бухта Проведения. Наибольшим потенциалом при этом обладает морской порт Петропавловск-Камчатский, который при соответствующем развитии инфраструктуры может привлечь часть транзитного грузопотока стран СВА (преимущественно КНР), предоставляя также услуги снабжения, бункеровки, судоремонта, технического и иного межрейсового обслуживания судов (Синтез..., 2011).

При вовлечении в экономические взаимодействия арктической зоны Дальнего Востока увеличатся и объемы каботажных перевозок по СМП, что станет стимулом развития морских портов северных территорий региона. В целом развитие мощностей морских портов северных районов потребует строительства причальных сооружений, коммуникационной и обслуживающей инфраструктуры на побережье Берингова и Охотского морей.

Морской транспорт Дальнего Востока в стратегической перспективе будет функционировать с использованием, как традиционных транспортных средств, так и новых типов судов (аэросани, амфибии, транспорт на воздушной подушке и другие типы транспортных средств). Важнейшими требованиями дальнейшего развития морского транспорта станет создание интеллектуальной транспортной системы, выполняющей функции отслеживания и регулирования грузопотоков, управления эффективным взаимодействием между видами транспорта и др. Получат широкое распространение интеллектуальные транспортные системы, применяемые для гармонизации комплексного функционирования всех видов транспорта в процессе перевозки, их рационального и эффективного взаимодействия.

Список литературы

- Грузооборот морских портов России за январь – декабрь 2015 г. / Ассоциация морских торговых портов. 2015.
- Методологические положения по статистике транспорта : утверждены приказом ФСГС от 29.12.2017 № 887 / ФСГС. 2017.

- Об утверждении Плана мероприятий Министерства транспорта Российской Федерации, Федеральной аэронавигационной службы и Федерального агентства воздушного транспорта по реализации части 1 «Аэродромы гражданской авиации» Концепции развития аэродромной (аэропортовой) сети Российской Федерации на период до 2020 года : приказ Минтранса РФ от 09.10.2008 № 166 / КонсультантПлюс. 2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=438731#06627243747592304> (дата обращения: август 2019).
- Перцев В.М., Семенихин Я.Н.* Генеральные схемы в одну систему // Морские порты. 2007. № 9. С 28–33.
- Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011.
- Стратегия научно-технического развития холдинга «Российские железные дороги» на период до 2020 года и перспективу до 2025 года («Белая книга») / ОАО «РЖД». 2015.
- Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года : утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.06.2008 № 877-р / Правительство РФ. 2008. URL: <http://government.ru/docs/19759/> (дата обращения: август 2019).
- Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года (одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ 28.09.2012) / КонсультантПлюс. 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213628/ (дата обращения: август 2019).
- Стратегия развития холдинга «РЖД» на период до 2030 года / ОАО «РЖД». 2018.
- Транспорт в России – 2018 г. / ФСГС. 2018. 101 с.
- Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года : утверждена распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р / Правительство РФ. 2008. URL: <http://government.ru/docs/22047/> (дата обращения: август 2019).
- Экологическая стратегия ОАО «РЖД» на период до 2017 года и перспективу до 2030 года / ОАО «РЖД». 2018.
- Энергетическая стратегия ОАО «РЖД» на период до 2010 года и на перспективу до 2030 года / ОАО «РЖД». 2018.

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Грицко М.А.

*Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск*

Аннотация. В работе проанализированы данные, характеризующие финансовое положение российских домохозяйств. Показано, что в период 2013–2018 гг. результатом экономического спада для домашних хозяйств стало ухудшение их финансового положения: сократились реальные денежные доходы, увеличился уровень бедности, чего не наблюдалось во время кризиса 2008 г.

Ключевые слова: домохозяйство, прожиточный минимум, абсолютная, относительная, субъективная бедность, Россия.

Значение семьи в общественной жизни определяется множеством социальных функций, которые она выполняет. Среди них: регулирование отношений между полами и поколениями, рождение детей, внутрисемейное перераспределение доходов, организация и ведение домашнего хозяйства формирование потребностей и совместное потребление материальных и культурных благ, и многие другие. Сложность в изучении семейных структур обусловлена не только многообразием выполняемых ими функций, но и большим количеством факторов, оказывающих влияние на эти процессы, что в свою очередь предопределяет и выбор специфического инструментария для оценки. Можно выделить как минимум три его варианта: первый – основанный исключительно на макроданных, второй – на микроданных, третий – комплексный, сочетающий в себе первые два.

Выводы, основанные на данных Международной программы социальных исследований, носят дискуссионный характер и обуславливают, на наш взгляд, необходимость проведения дополнительных исследований с целью поиска ответов на ряд вопросов. Каковы были внешние по отношению к домашнему хозяйству¹ со-

¹ В рамках данного исследования понятие «домашнее хозяйство», наиболее распространенное в экономической статистике, использовалось как синоним «семьи».

циально-экономические условия в момент проведения опроса и могли ли они повлиять на полученные оценки? Как выглядело бы распределение ответов респондентов в зависимости от доходных характеристик домохозяйств? И если большинство респондентов положительно ответили на поставленный вопрос о распределении ролей в семье между мужчиной и женщиной, то как микроданные соотносятся с макроданными, характеризующими функционирование рынка труда, действительно ли удельный вес занятых женщин незначителен? Насколько изменятся оценки респондентов в зависимости от динамики темпов роста реальных доходов населения?

Представленный график наглядно иллюстрирует, что увеличение реальных доходов населения с ежегодно увеличивающимся темпом роста до 2010 г., происходило до 2013 г. С 2014 г. начался новый этап, продолжающийся по настоящее время, когда изменение реальных денежных доходов населения остается в отрицательной плоскости (рис. 1).

Финансовое положение российских домохозяйств после кризиса 2008 г. заметно не ухудшилось. Прирост численности населения, живущего за чертой бедности в 2008 г., составил в целом по стране 200 тыс. чел., но уже со следующего года уровень бедности пошел на спад, чему способствовали меры, принятые правительственные меры – увеличение минимального размера оплаты труда, пособий по безработице и уровня пенсий.

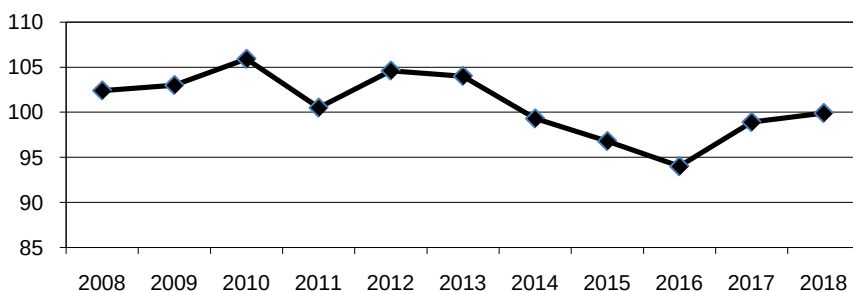

Рис. 1. Реальные располагаемые денежные доходы по Российской Федерации, %

Совсем иные последствия принес кризис 2013 г. На фоне падения реальных доходов населения происходит рост численности населения, чьи доходы не превышают величину прожиточного ми-

нимума – за период 2013–2015 гг. увеличение контингента бедного населения составило более 4 млн чел. Отчасти рост показателя был обусловлен общим увеличением численности населения РФ за счет вхождения в ее состав Республики Крым и г. Севастополя. Однако, связывать рост контингента бедных исключительно с этим фактором нельзя, поскольку присоединение новых территорий обеспечило увеличение численности населения на 2,4 млн чел., не все из которых являются бедными, а общее увеличение контингента бедных составило в этот период 3,4 млн человек (рис. 2).

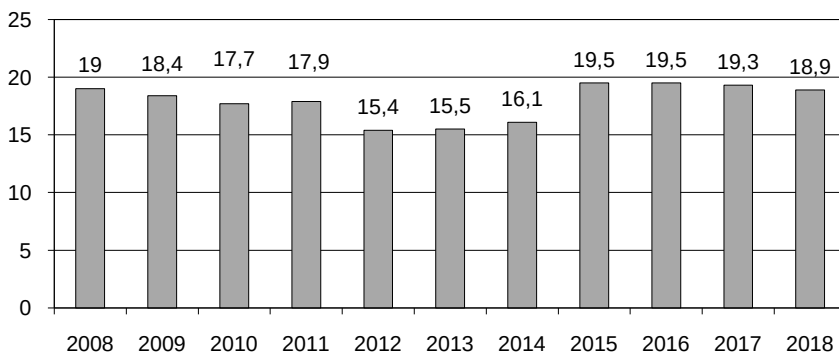

Рис. 2. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, тыс. чел.

По итогам 2018 г. 18,9 млн россиян имели доходы ниже величины прожиточного минимума, уровень бедности составил 12,9%. В большинстве дальневосточных субъектах РФ показатели превышают среднероссийский уровень. Так, бедными считается пятая часть жителей Республики Саха (Якутия). В Еврейской автономной области доходы ниже величины прожиточного минимума имеет четверть населения. Только в четырех субъектах ДФО доля населения, находящегося за чертой бедности, по итогам 2018 г. не превысила среднероссийский уровень. При этом снижение бедности в некоторых субъектах (Хабаровский край, Магаданская и Сахалинская области) происходило на фоне корректировки величины прожиточного минимума в сторону снижения, что могло привести к занижению уровня бедности в регионе (табл. 1).

При использовании относительного подхода к измерению, согласно которому бедными являются лица, чьи доходы не позво-

ляют поддерживать преобладающий стандарт потребления в обществе и порогом бедности является уровень в 40–60% медианного дохода в стране, уровень бедности населения возрастает до 25%. Среди дальневосточных регионов доля населения с доходами ниже 60% медианного дохода варьирует в пределах 20–25%.

Таблица 1

Уровень бедности, %

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	10,7	10,8	11,2	13,3	13,3	13,2	12,6
Республика Саха (Якутия)	16,7	16,3	17,4	19	19,8	20,3	21
Камчатский край	17,8	16,8	17	17,9	18,4	17,5	16,5
Приморский край	14,2	15,9	14,7	15,3	15,7	14,5	13,9
Хабаровский край	14,3	12,5	13,2	13,7	12,7	12,3	12
Амурская область	16	15,1	14	14,2	16	15,9	15,1
Магаданская область	11,3	12,2	12,1	13,2	13,3	11,6	11,3
Сахалинская область	11,8	9,4	9,1	9,7	9,9	9,8	9,6
ЕАО	18,8	20,9	21,4	24,4	24,8	24,9	24,6
ЧАО	7,7	8,3	8,3	9	9,1	9	9,5

Источник: ФСТС. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: июль 2019).

Субъективные оценки домохозяйствами своего финансового положения показывают, что примерно каждая пятая семья имеет трудности с покупкой одежды и оплатой жилищно-коммунальных услуг, при этом 1% домохозяйств не хватает денег даже на еду. На Дальнем Востоке доля таких семей достигает 24% от общего числа домашних хозяйств. По итогам 2017 г. удельный вес домохозяйств, испытывающих трудности с покупкой питания и оплатой услуг, увеличился в 2,1 раза относительно уровня 2013 г., тогда как в целом по стране динамика была обратной (табл. 2).

Особенностью российской картины бедности является тот факт, что по мере увеличения размера домохозяйства, в особенно-

сти, если расширение происходит за счет рождения детей, риск попадания семьи в категорию населения с низким уровнем дохода заметно повышается. Доля малоимущих домохозяйств, имеющих в своем составе одного ребенка составляет 11,2% от общего числа семей, с двумя – 24,5%, с 3 и более детьми – 50,7%. При этом наиболее заметный рост бедности за период 2013–2017 гг. произошел именно в многодетных семьях. В семьях с доходами ниже прожиточного минимума живет каждый четвертый ребенок в стране. Опасность детской бедности заключается в формировании так называемой «ловушки нищеты», когда проживающие в малообеспеченных семьях дети изначально сталкиваются с рядом ограничений в области получения образования, качественных социальных и медицинских услуг (Пасовец, 2015). В результате на рынок труда выходят лица невысокого уровня квалификации, занимая низкооплачиваемые рабочие места и производя малообеспеченные домохозяйства (рис. 3).

Что касается присутствия женщин на рынке труда, то распределение занятых по полу свидетельствует о стабильном соотношении. Среди занятых на долю мужчин в целом по экономике приходится 51%, удельный вес работающих женщин составляет 49%. При этом по отдельным сферам деятельности женщины занимают преобладающую долю на рынке труда. Так среди специалистов высшего уровня квалификации доля женщин составляет 64%, в том числе в области здравоохранения – 67%, образования – 84%, администрирования и ведения бизнеса – 74%. В числе руководящего звена женщины занимают порядка 40%, что является самым высоким показателем в мире согласно исследованиям международной сети независимых аудиторско-консалтинговых фирм Grant Thornton International (Неслабый..., 2015).

Более трети владельцев бизнеса в России – женщины и по этому показателю страна занимает 4-е место в мире (согласно индекса женского предпринимательства – Mastercard Index of Woman Entrepreneurs) (Женщины..., 2015). При этом Россия находится далеко за пределами лучшей десятки по уровню условий для ведения бизнеса. Лидерство по числу женщин-предпринимателей на фоне неблагоприятных условий для его ведения может свидетельствовать как раз о том, что начало своего дела обусловлено преимущественно наличием финансовых проблем, которые таким образом женщина пытается разрешить.

Таблица 2

**Распределение домашних хозяйств
по оценке своего финансового положения, 2017 / 2013, %**

Территория	Не хватает денег даже на еду	Денег хватает на еду, но покупать одежду и оплачивать ЖКУ затруднительно	Денег хватает на еду и одежду, но не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования	Денег хватает на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могут позволить себе покупку автомобиля, квартиры, дачи	Средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	Затруднились ответить
Российская Федерация	0,8	0,8	1,1	1,0	1,0	0,7
Дальневосточный ФО	2,1	0,9	1,1	0,9	1,3	0,3
Республика Саха (Якутия)	1,9	2,0	1,0	0,7	1,0	0,0
Камчатский край	0,0	0,8	1,1	1,0	2,7	0,0
Приморский край	1,0	1,0	1,0	1,1	0,1	–
Хабаровский край	–	0,3	1,5	0,8	1,3	0,4
Амурская область	3,6	1,1	1,0	0,9	–	0,0
Магаданская область	2,4	0,7	1,2	1,2	0,4	0,7
Сахалинская область	2,8	1,0	1,0	0,9	1,0	1,0
ЕАО	3,6	1,2	1,0	0,7	0,3	–
ЧАО	–	0,6	1,2	1,0	1,3	0,1

Примечание: – в 2013 г. данной группы не было.

Источник: рассчитано по: Доходы..., 2018.

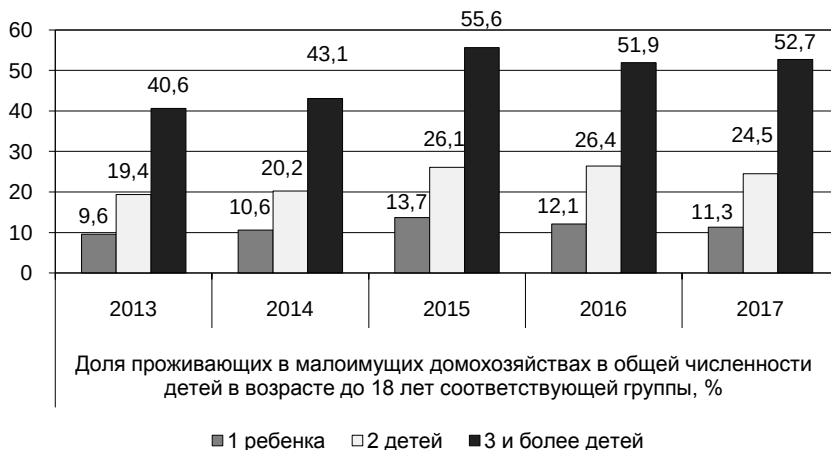

Рис. 3. Уровень бедности среди детей до 18 лет, %

Приведенные данные, на наш взгляд, показывают сложность изучения семейных структур в силу большого числа факторов, влияющих на их функционирование. Данные социологических опросов дают некий срез оценок, полученных в определенное время при сложившейся конфигурации множества условий, что, безусловно, оказывает влияние на субъективные оценки респондентов. Есть основания предполагать, что следующий раунд исследований по гендерной проблематике в рамках Международной программы социальных исследований может дать совершенно иные результаты в связи с ухудшением финансового положения домохозяйств.

Список литературы

- Пасовец Ю.М. Риски бедности населения в современных российских условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции и прогноз. 2015. № 2 (38). С. 143–160. DOI: 10.15838/esc/2015.2.38.9.
- Женщины у руля / Mastercard. URL: <https://newsroom.mastercard.com/ru/press-releases/женщины-у-руля> (дата обращения: август 2019).
- Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2013, 2017 годах (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / ФСТС. 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications (дата обращения: август 2019).
- Неслабый пол // Российская газета. 7 апреля 2015 г. URL: <https://rg.ru/2015/04/07/zhenschiny.html> (дата обращения: август 2019).

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО АСИММЕТРИЧНОСТИ КОНКУРЕНЦИИ

Гудкова Е.В.

*Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск*

Аннотация. В условиях высокой динамики общественных и экономических отношений, базирующихся на цифровых технологиях, возрастает значение производственного сотрудничества предприятий. С этой целью выделяются вопросы отраслевых взаимодействий, направлений технологических обменов формата бизнес-стратегии и экономической политики национальной экономики. Самый сложный вопрос: является ли составной частью хозяйственного порядка механизм государственного регулирования экономики или это внешний по отношению к нему параметр? В статье обоснование хозяйственного порядка формирует гипотеза о том, что в процессе общественного развития соотношение транзакционных издержек трех основных типов координации (конкуренции, власти, сотрудничества) замещается приоритетом сотрудничества. Показано, трансформации физических взаимодействий (в общении, коммуникации на политическом и социальном уровне, торговле, медиа и развлечениях) в цифровые взаимодействия неформальной глобализации усложняет функционирование экономического пространства асимметричностью конкуренции.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, асимметричная конкуренция, «общая ценность», неформальная глобализация, Дальний Восток России.

Государственно-частное партнерство (ГЧП)¹ Государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» 2014 г.; Федерального закона «О территориях опережающего социально-

¹ Термин «государственно-частное партнерство», в статье, употребляется в наиболее широком смысле и означает любые контрактные или юридические отношения между государственными и частными структурами с целью улучшения и / или расширения инфраструктурных услуг, исключая контракты по государственному заказу (государственные закупки). Обоснование термина «государство» используется для определенного уровня общественной власти, отвечающего за процессы реформирования, национального, регионального, муниципального уровня управления. Публичный сектор включает центральные, региональные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления и уполномоченные ими «публичные» организации и учреждения.

экономического развития в Российской Федерации», отражают базовые особенности, выделенные в мировой экономической теории и практике (Варнавский, 2009; Гудкова, 2018). Обосновывает ГЧП: а) система отношений государства и бизнеса, как инструмент национального, международного, регионального, городского, муниципального экономического и социального развития и планирования; б) конкретные проекты, реализуемые государственными органами и частными компаниями на объектах государственной и муниципальной собственности. Конкретные формы партнерств государства и частного сектора воспринимаются как звенья одной системы формата общественных интересов. В этом ГЧП, как система хозяйствования, принципиально отличается от деятельности коммерческих организаций.

ГЧП концепции проектного финансирования формирует результат (конечный продукт или услуга). Управление проектами (Об утверждении..., 2016) – управление созданием и (или) развитием объектов капитального строительства транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, имеющих региональное или межрегиональное значение.

Теоретические и экспертно-аналитические исследования выделяют асимметричную конкуренцию (стратегии сотрудничества) платформы сетевого производственного взаимодействия, неформальную потребительскую глобализацию, партнерский формат мировой экономики (Гудкова, 2018). Вопросы специфики участия в глобализационных процессах России и Дальнего Востока рассматривают исследования. Собственно экономическое развитие региона обеспечивает доступ к коммунальным благам и общественным фондам; к транспортной инфраструктуре, способствующей мобильности граждан. Особое место при этом отводится исследованиям территориально-производственной структуры (ТПС) промышленности¹, условиям и механизму генерации доходов регионального бизнес-сообщества, промышленной политике.

¹ Территориально-производственная структура (ТПС) промышленности – это размещение производственно-технологических элементов и субсистем системы «промышленность», их сочетания, связи и взаимодействия в пределах объектов пространственной структуры этой системы – страны в целом, регионов, агломераций и центров. Пространственные структуры внешних систем представляют собой сетку административно-территориального деления, общеэкономического районирования либо иного членения территории.

Сравнительная оценка экономических политик, направленных на формирование синтеза вертикального и горизонтального регулирования процессов выращивания региональных инновационных систем позволяет определить ГЧП как «сложную, иерархически организованную, саморазвивающуюся совокупность взаимосвязанных элементов (промышленных объектов)» глобальной ТПС промышленности. Отраслевые взаимодействия и технологические обмены бизнес-стратегии и экономической политики национальной экономики ГЧП выделены на основании гипотезы – современная эволюция экономической системы проявляется как получение сотрудничеством приоритета по отношению к двум другим типам транзакционных издержек координации (конкуренции и власти) (Polterovich, 2016).

Переход к неформальной глобализации («глобализации снизу»), которая связана с активностью граждан и изменением экономического поведения, особенности поведенческих моделей участия в глобализационных процессах России и Дальнего Востока формирует исторический взгляд теоретического обоснования взаимодействия корпораций, домашних хозяйств и государства.

1. Теоретические направления, базирующиеся на предпосылках методологического индивидуализма и рационального поведения классической и маржиналистской (неоклассической) теории «ресурсный, платформенный подход, асимметричная конкуренция (стратегия сотрудничества), платформа сетевого производственного взаимодействия» Accenture Technology Vision (Technology, 2016).

2. Гипотеза эффективной комбинации инвестиционных ресурсов с адекватным типом институционального режима экономического пространства (Минакир, 2014) обосновывает «фундаментальное различие» системы отношений между централизованным механизмом государства и стихийной реакцией частного сектора, основанной на множестве децентрализованных решений (Лихачев, 2013); между бизнес-стратегией как открытой системы бизнеса и экономической политикой национальной экономики как закрытой системой национальной экономики с наличием обратных связей экономической политикой (Гудкова, 2018; Минакир, 2014; Минакир, Прокапало, 2018).

3. «Общая ценность» («Shared Value») формализует значение потребителей как равноправных «участников процесса» взаимодействия экономических агентов на территории, отражает новое

определение целей бизнеса. Впервые с 1972 г., около 180 масштабных американских корпораций, в том числе American Airlines, Allergan, Amazon, BlackRock, Caterpillar, Citigroup, Coca-Cola, Ford, Exxon Mobil, JP Morgan, подписали новый стандарт Sustainable Business (2019), в котором одна из пяти основных целей обосновывает «поддержку местных сообществ» Business Roundtable Group США «Statement on the Purpose of a Corporation» (2019) (Гудкова, 2018; Business, 2019).

4. Преимущество асимметричной конкуренции формирует ГЧП как часть системы трансформации физических взаимодействий (в общении, коммуникации на политическом и социальном уровне, торговле, медиа и развлечениях) в цифровые взаимодействия. Производство сетевого рынка асимметричной конкуренции платформы (стратегий сотрудничества) обосновано как угроза пять «стен» (министерств и ведомств, законодательной системы, технологий, человеческих ресурсов, принятия обществом): «Общество 5.0» Японии, «Индустрия 4.0» Германии, «Индустриальный интернет-консорциум» США, Национальный проект «Наука», интегрированный с проектом «Цифровая экономика Российской Федерации» России («Общество...», 2018).

К проектам государственно-частного партнерства относятся те проекты, которые реализуются государственными органами и частными компаниями на объектах государственной и муниципальной собственности. Вместе с тем, результатом реализации этих проектов должно быть встраивание экономики и социальной системы региона в мировую экономику, основной характеристикой которой уже сейчас, а еще более в перспективе, является неформальная потребительская глобализация, асимметричность конкуренции партнерского формата мирохозяйственных связей.

Список литературы

- Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство. В 2 т. М.: ИМЭМО РАН. 2009. Т. 1. 312 с.
- Гудкова Е.В. Государственно-частное партнерство в формировании конечного потребления Дальнего Востока России // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.5.
- Лихачев М.О. Роль поведенческих моделей в онтологической структуре современной макроэкономики // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 98–110.
- Минакир П.А. Пространство и регионы // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–7. DOI: 10.14530/reg.2014.1.

- Минакир П.А., Прокапало О.М.* Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации. Журнал НЭА. № 2 (38). 2018. С. 146–155.
- Об утверждении Правил формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 01.03.2008 № 134 (ред. от 23.12.2016) / КонсультантПлюс. 2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75354/ (дата обращения: апрель 2019).
- «Общество 5.0»: японские технологии для цифровой трансформации российской экономики / Forbes. 2018. 10 октября. URL: <http://www.forbes.ru/partnerskie-materialy/367837-obshchestvo-50-yaponskie-tehnologii-dlya-cifrovoy-transformacii> (дата обращения: апрель 2019).
- Business Roundtable Redefines the Purpose of a Corporation to Promote ‘An Economy That Serves All Americans’ / Business Roundtable. 2019. URL: <https://www.businessroundtable.org/business-roundtable-redefines-the-purpose-of-a-corporation-to-promote-an-economy-that-serves-all-americans> (дата обращения: сентябрь 2019).
- Polterovich V.* Positive Collaboration: Factors and Mechanisms of Evolution / MPRA Paper No. 73448. 2016. 31 August. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/73448> (дата обращения: февраль 2017).
- Technology Vision 2016. 15 p. URL: https://www.accenture.com/t20160823T222808_w_/usen/_acnmedia/Accenture/Omobono/TechnologyVision/pdf/Platform-Economy-Technology-Vision-2016.pdf#zoom=50 (дата обращения: май 2018).

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА НА ПРИБРЕЖНЫЕ РАЙОНЫ И МОРСКИЕ ПОРТЫ: РИСКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Заостровских Е.А.

*Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск*

Аннотация. Морские порты являются важнейшими инфраструктурными активами, которые служат катализаторами экономического роста региона. Учитывая растущую концентрацию населения в прибрежных районах и рост портовых городов, значимость морских портов в будущем будет только возрастать. Хотя морские порты находятся в центре международной торговли, они все чаще подвергаются риску изменения климата, особенно те порты, которые расположены в островных государствах и северных территориях. Поэтому понимание соответствующих рисков может значительно снизить уязвимость портов и повысить их устойчивость к изменяющимся условиям.

Ключевые слова: морские порты, изменение климата, риски, адаптация.

Введение

Морская торговля и портовая индустрия в последнее время испытали феноменальный рост. Только за последние 18 лет объем морских перевозок увеличился в 3,2 раза и в 2017 г. составил 10,7 млрд т. Ожидается, что уже к 2030 г. объем мировых морских перевозок составит 16 млрд т. Это означает, что роль торгового флота и портовой индустрии в международной системе торговли со временем будет только возрастать.

Морские порты являются важнейшими инфраструктурными активами и служат катализатором экономического роста региона. К тому же порты играют важную роль в глобальных цепочках поставок и выступают в качестве посредников в международной торговле. Учитывая увеличивающуюся концентрацию населения в прибрежных районах и рост портовых городов, значимость морских портов в будущем будет только возрастать (Disquet, 2006).

Хотя морские порты находятся в центре международной торговли, они все больше становятся подвержены риску изменения климата, особенно те, которые расположены на островных госу-

дарствах и в северных территориях. По мнению экспертов, повышение уровня моря, усиление интенсивности штормов в результате увеличения площади открытой воды, а также увеличение эрозии береговых линий делают прибрежные районы особенно уязвимыми, а производственную деятельность в морских портах – рискованной (Becker et al., 2015).

Масштабы воздействия изменения климата варьируются в зависимости от местных условий, что прямо или косвенно влияет на хозяйственную деятельность портов. Как правило, прямым воздействием является снижение качества предоставляемых услуг. К косвенным последствиям относятся: изменение спроса на портовые услуги, снижение инвестиционной активности, повышение уровня социальной уязвимости, увеличение числа рисков, связанных с экологией. Тем не менее, по-прежнему сложно согласовывать экономическую и экологическую виды деятельности в портах.

Мировые тенденции развития морских портов

Морской транспорт является важнейшей глобальной отраслью, которая облегчает перемещение товаров между континентами и регионами. Их своевременная доставка обеспечивает непрерывную работу основных отраслей промышленности. Опорным инфраструктурным каркасом мировых морских перевозок выступает система морских портов, которые к настоящему времени из поставщика традиционных услуг по обработке грузов превратились в диверсифицированные комплексы, сочетающие логистические услуги, производственные, туристические, торговые и финансовые виды деятельности (Заостровских, 2019а).

Современный период (2000–2017 гг.) развития морских портов характеризуется следующими общемировыми тенденциями:

- увеличением объема перевозки грузов морским транспортом в 3,2 раза (*рис. 1*);
- изменением объема и структуры морских перевозок в пользу стран Азии; их доля в общемировом объеме отгруженных грузов на морской транспорт увеличилась с 5 до 38%, а выгруженных с 6 до 53% (50 Years..., 2018) (*рис. 2*);
- усилением концентрации перевалки грузов и контейнеров в крупнейших портах мира (на 20 портов приходится 45% мирового объема перевалки контейнеров) (*рис. 3*);

- увеличением числа мега-проектов развития портов, реализуемых в рамках ГЧП (290 проектов общим объемом 68,8 млрд долл. с 2000–20016 гг.) (рис. 4);
- формированием специализированной инфраструктуры в портах в результате углубления специализации торгового флота;
- концентрацией населения в прибрежных районах и ростом портовых городов.

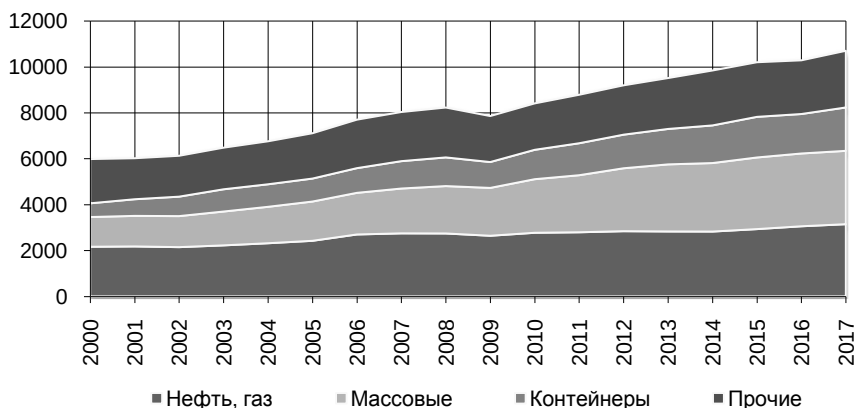

Рис. 1. Морские перевозки по основным видам грузов, млн погруженных т

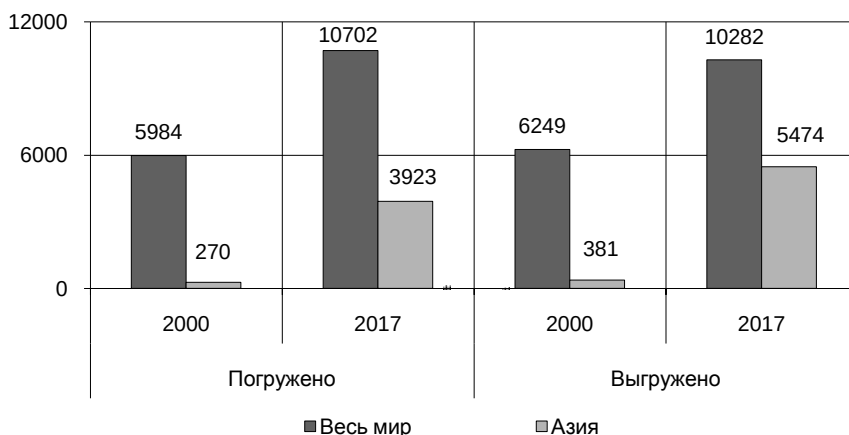

Рис. 2. Морские перевозки по направлениям, млрд т

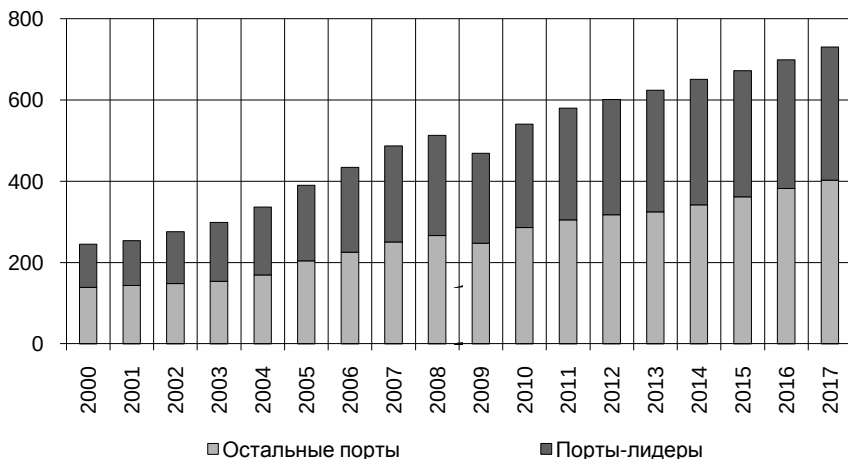

Рис. 3. Контейнерооборот, млн ДФЭ

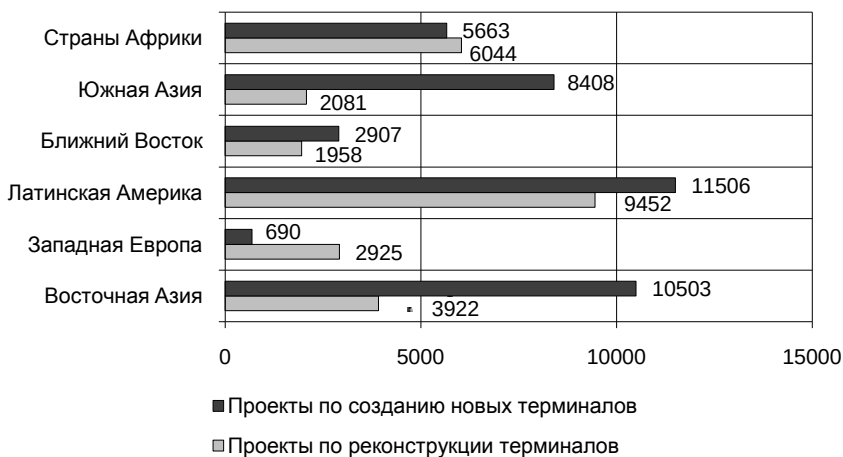

Рис. 4. Участие частного сектора в проектах по развитию портов с 2000–2016 гг., млн долл.

Хотя морские порты находятся в центре международной торговли и являются драйверами экономического роста региона, они подвержены риску изменения климата. Причем одни последствия проявятся через несколько лет, а другие могут растянуться на несколько десятилетий.

Изменение климата и последствия для морских портов

Глобальное потепление означает, что средняя температура земной поверхности повышается и в результате этого меняется климат. Считается, что любое повышение уровня моря способствует потере земель, увеличению наводнений и изменению структуры почвы.

Как отмечено в исследовании (Asariotis et al., 2017), при том, что глобальная температура не увеличивается из года в год одинаково, в целом за последние сорок лет наблюдается устойчивая тенденция потепления. Одновременно с этим наблюдается все больше аномальных явлений, экстремальной жары, сильных дождей и ураганов.

Страны, которые могут попасть в зону риска, в соответствии с природными аномальными явлениями:

- *Повышение уровня моря.* В настоящее время, согласно спутниковым наблюдениям, отмечается повышение уровня моря на $3,3 \pm 0,25$ см с 1993 г. По мнению экспертов в XXI столетии повышение уровня моря составит примерно один метр. При этом некоторые регионы будут испытывать больший подъем уровня моря, чем другие регионы. В этом случае в зону риска попадают островные государства – Япония, Филиппины, Индонезия, Багамы и Мальдивы. Значительные территории могут быть затоплены в таких странах, как Россия, США, Великобритания, Италия, Германия, Дания, Бельгия, Ирак, Таиланд и Вьетнам (Becker et al., 2015);

- *Увеличение числа осадков.* Отмечается тенденция увеличения частоты и интенсивности тяжелых осадков (тропические циклоны). В этом случае в зону риска попадают страны Юго-Восточной Азии (Emanuel, 2013);

- *Сокращение уровня льда в Арктике*¹. С момента спутниковых наблюдений уровень льда в Арктике уменьшился более чем на 40%. Ученые полагают, что данная тенденция в будущем сохранится. Это означает, что в зону риска попадают все приарктические страны: Россия, США, Канада, Дания и Норвегия.

Из этого следует, что в зону риска попадают примерно 1/4 стран мира. При этом некоторые страны попадают в двойную зону риска. Так, например, Филиппины, Индонезия одновременно могут столкнуться и с повышением уровня моря, и с увеличением числа

¹ Интересно, что в Антарктике площадь льда остается неизменной.

тропических ливней. Однако не все страны способны справиться с такими проблемами самостоятельно. Например, в США затраты на адаптационные меры после паводка 2012 г. составили 140–250 млрд долл. А в свою очередь затраты на адаптационные меры в Филиппинах после наводнения 2013 г. превысили 500 млрд долл.

В результате вышеперечисленных изменений морские порты будут особо уязвимы. Учитывая тот факт, что морские порты служат катализатором экономического роста городов, способствуют при этом развитию прилегающих территорий и увеличивают численности занятых (Haezendonck, 2002), то, соответственно, совокупный эффект изменения климата может нанести ощутимый урон портовой инфраструктуре. К примеру, в ходе исследования 2018 г. (Christodoulou, Demirel, 2018) было установлено, что 64% морских портов Европейского союза могут быть затоплены. В этом случае последствия изменения климата включают в себя перебои в погрузо-разгрузочной деятельности, повреждение портовой инфраструктуры, а так же ухудшение связей между портами и внутренними регионами.

В свою очередь риски и затраты, связанные с воздействием изменения климата, могут быть существенными, особенно для тех морских портов, которые расположены на островных государствах и северных территориях. К примеру, в приарктических странах потребуется создать «порты-убежища» для предотвращения чрезвычайных ситуаций и загрязнения полярных вод в результате изменения климата (Заостровский, 2019b). В то же время нет целостных оценок относительно воздействия изменения климата на прибрежные районы и морские порты. Существуют лишь некоторые оценки будущих рисков: для транспортной инфраструктуры прибрежных районов Европы, для транспортного коридора «Рейн – Майн – Дунай» и т. д.

При этом воздействие на один порт может вызывать цепную реакцию на другие порты, отрасли, регионы. Это, в конечном счете, может привести к транспортному коллапсу и экономическому ущербу отдаленных регионов. Примером такого явления выступает банкротство крупной корейской компании «Hanjin Shipping» в 2016 г., когда из-за пониженных фрахтовых ставок на маршруте «Европа – Азия – Европа» компания потерпела убытки. В результате вереницы таких событий грузы стали поставлять с задержкой в 2–3 месяца, что привело к сбою в глобальной цепочке поставок (Заостровский, 2019a).

Как правило, прямым воздействием является снижение качества предоставляемых услуг. К косвенным последствиям относятся: изменение спроса на портовые услуги, снижение инвестиционной активности, повышение уровня социальной уязвимости, увеличение числа рисков, связанных с экологией.

Вообще риски, связанные с экологией морских портов и прибрежных территорий, как правило, связаны: производственной деятельностью самих портов; внутренними перевозками (автомобильные перевозки); выбросы CO₂ от морских судов. Так, например, в г. Антверпен (Бельгия) 1/3 часть загрязнения экологии связана с производственной деятельностью морского порта. В г. Лос-Анджелес более 85% автоперевозок автомагистралей связано с морским портом.

В свою очередь ежегодные выбросы CO₂ от мирового морского судоходства составляют около 4,5% (или 1,12 млрд т) от общего объема выбросов загрязняющих веществ. По прогнозам ученых к 2050 г. этот показатель увеличится в 5 раз. Для снижения выбросов CO₂ от морского судоходства разрабатываются всевозможные нормотворческие инициативы. Так, в частности, в 2015 г. вступило в силу Парижское соглашение ООН об изменении климата, которое направлено на понижение уровня содержания серы в жидком топливе, используемом морским транспортом, с 3,5 до 0,5% к 2020 г. (ITF..., 2017). В 2016 г. МАРПОЛ¹ разработала «поощрение» за использование сжиженного природного газа в качестве судового топлива. В 2017 г. вступил в силу Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах (Полярный Кодекс), который окажет влияние на конструкцию судов, технологические стратегии и эксплуатационные меры (Международный..., 2019).

Вопросы экологического вреда от деятельности морских судов и портовых операций до недавнего времени оставались вне поля зрения. Кульминацией стала экологическая катастрофа в водах Аляски (пролив принца Вильгельма) в 1989 г., когда в результате образовалось нефтяное пятно в 28 тыс. км². Эта катастрофа оказала значительное влияние на разработку новых требований, которые в конечном итоге превратились в стандартную корпоративную экологическую отчетность (Davarzani et al., 2016).

¹ МАРПОЛ – Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов.

Как показывает практика, самые существенные выбросы CO² от судоходства приходится на такие морские державы как США, Россия, КНР, Республика Корея, Япония (Asariotis et al., 2017). Представляется, что в будущем вопросы регулирования скорости хода морских судов, выбор наиболее экономичных вариантов маршрутов и использование экологичных видов топлива, переход на другие технологии, будут обсуждаться между выше перечисленными странами.

Ряд исследователей (Fahimnia et al., 2015; Gibbs, 2014; Ducruet, 2006) отмечают, что ключевая проблема состоит в том, чтобы соблюсти баланс между экономическими, социальными и экологическими ценностями для достижения устойчивого развития морского порта и портового региона. В настоящее время одним из инструментов решения данной проблемы выступает политика «зеленого порта», которая направлена на снижение нагрузки на экологию. В некоторых странах (Сингапур, Китай, Корея, Япония) уже приняты собственные стратегии «зеленых портов». Однако условия эксплуатации каждого порта индивидуальны, поэтому единых норм пока не существует.

Список литературы

- Заостровских Е.А.* Мировой рынок линейных перевозок: современный ракурс // Ученые записки. Выпуск 15. Потенциал регионального развития: национальный и международный аспекты. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2019. С. 55–66.
- Заостровских Е.А.* Российско-американское тихоокеанское партнерство и его IVX ежегодное заседание // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 104–109. DOI: 10.14530/reg.2019.3.104.
- Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах // Морские вести России. 2019. URL: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=70867> (дата обращения: август 2019).
- 50 Years of Review of Maritime Transport, 1968–2018: Reflecting on the Past, Exploring the Future / UNCTAD. 2018. 86 p. URL: <http://unctadstat.unctad.org> (дата обращения: июль 2019).
- Asariotis R., Benamara H., Mohos-Naray V.* Port Industry Survey on Climate Change Impacts and Adaptation / UNCTAD. Research Paper No. 18. 2017. 66 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.28176.66569/
- Becker A.H., Matson P., Fischer M., Mastrandrea M.D.* Towards Seaport Resilience for Climate Change Adaptation: Stakeholder Perceptions of Hurricane Impacts in Gulfport (MS) and Providence (RI) // Progress in Planning. 2015. Vol. 99. Pp. 1–49. DOI: 10.1016/j.progress.2013.11.002.

- Christodoulou A., Demirel H.* Impacts of Climate Change on Transport. A Focus on Airports, Seaports and Inland Waterways / European Union. 2018. 52 p. DOI: 10.2760/378464.
- Davarzani H., Fahimnia B., Bell M., Sarkis J.* Greening Ports and Maritime Logistics: A Review // *Transportation Research*. 2016. Vol. 48. Pp. 473–487. DOI: 10.1016/j.trd.2015.07.007.
- Ducruet C.* Port-City Relationships in Europe and Asia // *Journal of International Logistics and Trade*. 2006. No. 4. Pp. 13–35.
- Emanuel K.A.* Downscaling CMIP5 Climate Models Shows Increased Tropical Cyclone Activity over the 21st Century // *Proceedings of the National Academy of Sciences of United States of America*. 2013. Vol. 30. No. 110. Pp. 12219–12224.
- Fahimnia B., Sarkis J., Davarzani H.* Green Supply Chain Management: A Review and Bibliometric Analysis // *International Journal of Production Economics*. 2015. Vol. 162. Pp. 101–114. DOI: 10.1016/j.ijpe.2015.01.003.
- Gibbs D., Rigot-Muller P., Mangan J., Lalwani C.* The Role of Sea Ports in end-to-end Maritime Transport Chain Emissions // *Energy Policy*. 2014. Vol. 64. Pp. 337–348. DOI: 10.1016/j.enpol.2013.09.024.
- Haezendonck E.* Essays on Strategy Analysis for Seaports // *International Journal of Maritime Economics*. 2002. Vol. 4. Issue 2. Pp. 185–187. DOI: 10.1057/palgrave.ijme.9100037.
- ITF Transport Outlook 2017 / *International Transport Forum*. 2017. 180 p. DOI: 10.1787/9789282108000-en.
- Lam J., Notteboom T.* The Greening of Ports: A Comparison of Port Management Tools Used by Leading Ports in Asia and Europe // *Transport Reviews*. 2014. № 34. Pp. 169–189. DOI: 10.1080/01441647.2014.891162.
- Nicholls1 R.J., Mimura N.* Regional Issues Raised by Sea-Level Rise and Their Policy Implications // *Climate Research*. 1998. Vol. 11. Pp. 5–18. DOI: 10.3354/cr011005.
- The Competitiveness of Global Port-Cities: Synthesis Report. The Competitiveness of Global Port-Cities: Synthesis Report / Edited by O. Merk. OECD. 2010. 183 p.
- Wright L., Chinowsky P., Strzepek K. et al.*, Estimated Effects of Climate Change on Flood Vulnerability of U.S. bridges // *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*. 2012. Vol. 17. Issue 8. Pp. 939–955. DOI: 10.1007/s11027-011-9354-2.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКОНОМИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА С ЗАРУБЕЖНЫМ РЫНКОМ КАПИТАЛА

Изотов Д.А.

***Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск***

Аннотация. На основе данных Центрального банка России анализируются результаты инвестиционного сотрудничества с зарубежными странами дальневосточных регионов в 2011–2017 гг. Показаны динамика и пропорции прямых иностранных инвестиций в регионах Дальнего Востока. На основе анализа отношения притока прямых иностранных инвестиций к инвестициям в основной капитал, а также доли выпуска предприятий с иностранным капиталом в выпуске макрорегиона определена роль иностранного капитала в экономике регионов, относящихся к Дальнему Востоку. Определены ограничения в оценке динамики прямых иностранных инвестиций в условиях текущих санкционных ограничений.

Ключевые слова: приток иностранного капитала, изъятие иностранного капитала, прямые иностранные инвестиции, потенциал, риск, регион, Дальний Восток.

Введение

Как показывает международный опыт, общая открытость способствует развитию как национальной экономики в целом, так и региональной в частности (Brodzicki, 2018; Nuchet-Bourdon, Le Mouël, Vijil, 2018). За последнее десятилетие руководство России стало уделять повышенное внимание развитию экономики регионов Дальнего Востока, которые имеют для этого возможности на основе имеющихся богатых природных ресурсов и близости к динамично развивающимся рынкам АТР. Перспектива развития Дальневосточного региона стала видеться в создании возможностей и условий для использования его потенциала за счет тесной интеграции с глобальными рынками товаров, труда и капитала.

По сравнению с внешней торговлей, инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с зарубежными странами всегда характеризовалось гораздо меньшими масштабами. Тем не менее, взаимодействие макрорегиона с глобальным рынком капитала генерирует приток прямых инвестиций и долговых инструментов для различных секторов экономики, компенсируя недостаток собст-

венных инвестиционных ресурсов, восполняет недостаток внутренних ресурсов для развития, особенно с точки зрения освоения новых технологий, способствует обеспечению доходов и гарантирует рынки сбыта для отраслей, производящих конкурентоспособные на глобальном рынке товары. С этой точки зрения привлеченный капитал из-за рубежа является необходимым элементом поступательного развития экономики макрорегиона.

Что касается статистики иностранных инвестиций, то до 2013 г. для регионов России она формировалась на основе заполнения предприятиями специальных форм, которые аккумулировались в региональных отделениях Росстата. Эти данные существенно отличаются от современной статистики, формируемой Центральным банком России по причине использования организациями различных методик сбора информации. Для сбора статистики иностранных инвестиций по регионам России в настоящее время используется методология платежного баланса. Статистические данные, разделенные по региональным потокам, доступны с 2011 г., по географической и отраслевой структуре – с 2015 г. В результате, массивы статистики иностранных инвестиций, сформированные Росстатом и Центробанком, являются несопоставимыми, поскольку их величины существенно разнятся. Зафиксированные Росстатом значения иностранных инвестиций значительно меньше по сравнению со статистическими данными Центробанка. Поэтому, наиболее логичным способом оценки динамики притока иностранных инвестиций является использование статистики Центробанка за период 2011–2017 г. в рамках операций по субъектам Федерации, в которых зарегистрированы резиденты по данным платежного баланса России (Изотов, 2019).

Дальнейший анализ динамики зарубежного капитала будет сконцентрирован в изучении прямых иностранных инвестиций (ПИИ), поскольку именно они обеспечивают длительный контроль инвестора над хозяйственными операциями компании-получателя, в отличие от портфельных инвестиций, которые ориентированы на краткосрочные финансовые выгоды.

Динамика и пропорции ПИИ в регионах Дальнего Востока

В 2000-е гг., ввиду особых условий осуществления экономической деятельности иностранных компаний, специализирующихся в добыче углеводородного сырья, в макрорегионе появился центр

притяжения ПИИ – Сахалинская область. За 2011–2017 гг. приток ПИИ в экономику Сахалинской области составил 43 млрд долл. или 67,1% от общего притока ПИИ на Дальний Восток (табл. 1).

Таблица 1

Приток ПИИ в дальневосточные регионы, млн долл.

Регион	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Республика Саха (Якутия)	703,8	1383,7	379,1	227,6	963,9	1347,2	334,8
Камчатский край	12,6	17,1	12,4	46,9	6,6	2,2	24,1
Приморский край	484,9	564,8	369,8	717,2	699,4	872,0	831,5
Хабаровский край	322,4	74,9	1069,7	107,9	65,2	544,1	283,1
Амурская область	802,3	716,6	762,1	1004,6	632,8	359,6	471,4
Магаданская область	296,6	26,6	761,4	0,0	758,4	6,7	7,9
Сахалинская область	4770,8	4661,8	4420,9	5825,2	7196,6	8294,8	7873,7
ЕАО	114,0	1,4	0,3	63,2	49,7	19,4	219,7
ЧАО	720,1	80,2	41,7	255,5	203,5	148,7	131,1

Источник: по данным платежного баланса Российской Федерации.

За рассматриваемый период времени по остальным регионам Дальнего Востока структура общего притока ПИИ в макрорегион была следующей: 8,3% – Республика Саха (Якутия); 7,4% – Амурская область; 7,1% – Приморский край; 3,8% – Хабаровский край; 2,9% – Магаданская область; 2,5% – Чукотский АО; 0,7% – ЕАО; 0,2% – Камчатский край.

Распределение притока ПИИ по дальневосточным регионам в расчете на душу населения немного отличается от их ранжирования по абсолютному значению (табл. 2).

В рамках рассматриваемого периода в целом для Дальнего Востока среднедушевое значение притока ПИИ составило 2,4 тыс. долл. в год. В 2011–2017 гг. на фоне сравнительно малой численности населения и привлечения иностранного капитала в крупные ресурсные проекты, предусматривающего также возведение ин-

фраструктуры для относительно изолированных систем добычи и последующего экспорта, наибольшими годовыми значениями притока ПИИ на душу населения среди дальневосточных регионов характеризовались Сахалинская область (12,6 тыс. долл.) и ЧАО (4,5 тыс. долл.).

Таблица 2

**Приток ПИИ на душу населения
в дальневосточные регионы, тыс. долл.**

Регион	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Республика Саха (Якутия)	0,74	1,45	0,40	0,24	1,00	1,40	0,35
Камчатский край	0,04	0,05	0,04	0,15	0,02	0,01	0,08
Приморский край	0,25	0,29	0,19	0,37	0,36	0,45	0,43
Хабаровский край	0,24	0,06	0,80	0,08	0,05	0,41	0,21
Амурская область	0,98	0,88	0,94	1,24	0,79	0,45	0,59
Магаданская область	1,91	0,17	5,08	0,00	5,16	0,05	0,06
Сахалинская область	9,64	9,44	9,00	11,94	14,78	17,03	16,07
ЕАО	0,65	0,01	0,00	0,37	0,30	0,12	1,36
ЧАО	14,12	1,57	0,82	5,01	4,07	2,97	2,62

Источник: рассчитано по данным платежного баланса Российской Федерации.

Следует заметить, что стоимостной объем привлекаемых ПИИ в Хабаровский край, Магаданскую область и Республику Саха (Якутия) в 2011–2017 гг. характеризовался значительной волатильностью: пиковыми значениями являлись 2013 г. и 2015 г. (Магаданская область), 2013 г. (Хабаровский край) и 2012 г. (Республика Саха (Якутия)). Можно предположить, что причинами данных колебаний послужили особенности привлечения ПИИ в форме долговых обязательств в рамках притока т. н. «фиктивных прямых инвестиций» (выведение из страны средств в офшоры и их последующий возврат под видом инвестиций (Ledyeva et al., 2013) в освоение руд цветных и драгоценных металлов.

Помимо притока ПИИ в макрорегион, наблюдался процесс оттока или изъятия прямых инвестиций за рубеж. Сопоставление разницы между этими показателями по дальневосточным регионам указывает на то обстоятельство, что для Дальнего Востока в 2011–2017 гг. приток ПИИ превалировал над их изъятием (табл. 3).

Таблица 3

**Разница между притоком и изъятием ПИИ по Дальнему Востоку
и входящим в него регионам, млн долл.**

Территория / регион	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Дальний Восток	950,4	563,3	1392,0	5055,4	7077,4	10384,7	8157,0
Республика Саха (Якутия)	223,5	389,3	–2390,0	–388,1	439,5	1290,6	239,2
Камчатский край	11,9	–52,1	–10,4	42,5	4,3	–5,7	22,7
Приморский край	–183,6	301,9	–59,6	234,5	111,6	435,6	89,8
Хабаровский край	219,3	–207,4	737,1	28,5	–229,4	310,5	–19,1
Амурская область	691,3	494,6	596,1	707,1	166,5	182,2	60,9
Магаданская область	290,6	–1338,4	695,6	–0,3	2,4	2,0	–9,6
Сахалинская область	–601,3	1056,1	1781,5	4112,8	6562,6	8128,7	7681,3
ЕАО	34,5	–11,1	0,0	63,0	48,4	19,4	84,1
ЧАО	264,1	–69,8	41,7	255,4	–28,4	21,4	7,7

Источник: рассчитано на основе статистики Центробанка России.

Однако, при исключении из рассмотрения Сахалинской области, только в 2012–2013 гг.¹ отток был выше притока прямых инвестиций. В последующие годы объем привлеченных ПИИ в остальные дальневосточные регионы стабильно превосходил отток прямых инвестиций за рубеж.

¹ Причем последующему притоку в большинстве случаев предшествовал отток капитала, вероятно по причине его перерегистрации в других странах.

Роль ПИИ в экономике Дальнего Востока

Роль привлеченных ПИИ в развитии дальневосточной экономики можно оценить, пусть косвенно, через параметры общего потока инвестиций и выпуска. Приток ПИИ (по причине включения в него долговых обязательств и участия в капитале предприятия в том числе в форме акционерного капитала) в целом не является показателем, относящимся к инвестициям в основной капитал, однако определенная его часть безусловно входит в характеристики инвестиционного потока того или иного предприятия, осуществляющего свою деятельность в регионе. Отношение притока ПИИ к инвестициям в основной капитал по регионам Дальнего Востока показало, что к 2017 г. иностранный капитал являлся главным источником инвестиционного потока для Сахалинской области, ЕАО и ЧАО. Приток ПИИ играл заметную роль для Дальнего Востока, особенно в 2015–2016 гг., когда собственные инвестиции в основной капитал в макрорегионе в целом снижались (табл. 4).

Таблица 4

Отношение притока ПИИ к инвестициям в основной капитал по регионам Дальнего Востока, %

Территория / регион	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Дальний Восток	23,84	24,69	30,56	38,60	72,76	78,92	48,78
Республика Саха (Якутия)	12,46	19,30	6,23	4,32	29,37	32,82	5,07
Камчатский край	1,10	1,46	1,21	7,15	1,56	0,44	3,79
Приморский край	5,12	9,13	10,41	20,44	36,72	47,35	38,59
Хабаровский край	5,36	1,37	24,86	3,51	3,65	31,71	14,10
Амурская область	19,13	22,42	20,95	51,98	37,12	18,77	14,74
Магаданская область	46,12	3,29	75,35	0,00	80,52	1,16	1,05
Сахалинская область	77,32	89,18	83,74	106,30	173,99	224,29	153,40
ЕАО	12,58	0,17	0,07	22,56	23,34	10,10	122,61
ЧАО	234,91	17,41	12,74	148,21	146,90	102,31	64,98

Источник: рассчитано на основе статистики Центробанка и Госкомстата России.

При этом доля собственных средств бизнеса в основной капитал в макрорегионе является высокой (более 40,0%), которая может характеризоваться еще большими значениями, поскольку не

учитывает роль «фиктивных иностранных инвестиций»: оффшорные территории, являющиеся основной юрисдикцией практически всех крупных экспортных компаний, стали генератором относительно большого объема так называемых долговых обязательств для экономики Дальнего Востока.

Другой аспект касается роли притока ПИИ в выпуске макро-региона. Вклад предприятий с иностранным капиталом в экономику регионов Дальнего Востока, который скорее отражает роль накопленных ПИИ, можно отследить посредством оценки распределения и доли их отгруженной продукции в общем объеме отгруженной продукции (включающую результаты по следующим видам экономической деятельности: «добыча полезных ископаемых»; «обрабатывающие производства»; «обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха»).

Анализ распределения отгруженной продукции предприятий с совместной и зарубежной собственностью между дальневосточными регионами показал, что к 2017 г. 67,2% стоимостного объема данного показателя приходилось на Сахалинскую область, далее с большим отрывом следовали Хабаровский и Приморский края, Республика Саха (Якутия), ЧАО, Амурская область, Магаданская область, ЕАО и Камчатский край (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение отгруженной продукции предприятий
с совместной и зарубежной собственностью
между дальневосточными регионами (Дальний Восток = 100%)**

Территория	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Республика Саха (Якутия)	2,10	1,97	1,71	1,42	4,03	6,21	5,24
Камчатский край	0,11	0,26	0,21	0,21	0,38	0,57	0,27
Приморский край	3,54	3,74	10,50	10,09	8,14	7,50	6,47
Хабаровский край	4,93	4,48	4,21	4,83	6,93	6,02	7,73
Амурская область	7,27	7,42	6,00	4,98	6,43	6,06	4,78
Магаданская область	0,01	0,99	0,98	1,01	1,02	2,24	2,16
Сахалинская область	76,76	76,12	72,13	71,53	66,54	63,28	67,17
ЕАО	0,27	0,29	0,29	0,24	0,23	0,34	1,09
ЧАО	5,02	4,73	3,99	5,68	6,31	7,79	5,09

Источник: рассчитано на основе статистики Госкомстата России.

Как показал анализ, по данному показателю между дальневосточными регионами в 2014–2016 гг. неравенство снизилось по причине неблагоприятной ценовой конъюнктуры на глобальном рынке углеводородов, что означало относительное сокращение стоимостных объемов отгруженной продукции предприятий с ПИИ в Сахалинской области. В 2017 г. по мере роста цен на сырую нефть и природный газ, неравенство между регионами Дальнего Востока вновь стало увеличиваться.

Далее, в соответствии со статистикой, отражающей результаты динамики промышленного производства, к 2017 г. доля отгруженной продукции предприятий с совместной и зарубежной собственностью в общем объеме отгруженной продукции для Дальнего Востока составляла почти 35,0% и была основной в следующих дальневосточных регионах: Сахалинская область, ЕАО и ЧАО (табл.6).

Таблица 6

Доля отгруженной продукции предприятий с совместной и зарубежной собственностью в общем объеме отгруженной продукции по регионам Дальнего Востока, %

Территория	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Дальний Восток	37,91	38,46	39,83	41,84	39,49	33,96	34,77
Республика Саха (Якутия)	3,46	3,28	2,88	2,60	6,35	7,26	6,95
Камчатский край	1,01	2,57	2,24	2,81	3,59	3,71	1,77
Приморский край	10,76	11,16	29,51	32,76	28,28	23,47	18,75
Хабаровский край	15,27	14,08	14,20	16,67	20,23	15,06	18,75
Амурская область	44,08	47,09	42,57	41,39	44,32	40,83	33,08
Магаданская область	0,06	8,75	10,03	11,83	9,81	15,04	15,12
Сахалинская область	82,88	84,80	83,88	81,77	82,08	79,56	81,65
ЕАО	26,48	26,68	26,92	23,40	21,36	26,00	53,21
ЧАО	65,48	72,08	60,79	70,39	68,09	70,11	63,57

Источник: рассчитано на основе статистики Госкомстата России.

В данных регионах реализуются сверхкрупные относительно размера их экономик совместные с зарубежным капиталом проекты, связанные с добычей полезных ископаемых: производство неф-

ти и газа в Сахалинской области, освоение железных руд в ЕАО, добыча драгоценных и цветных металлов в ЧАО. Как представляется, экономики Камчатского края и Республики Саха (Якутия), характеризующаясь незначительными долями предприятий с ПИИ в общем объеме отгруженной продукции и, обладая значительным ресурсным и туристическим потенциалом, могли бы заметно нарастить показатели промышленного производства за счет привлечения зарубежного капитала.

Для дальневосточных регионов торговая открытость к зарубежным рынкам является важным источником их экономического роста и дохода. Как показал анализ, чем выше среднедушевой товарооборот с зарубежными странами, тем выше реальный ВРП на душу населения (*рис.*).

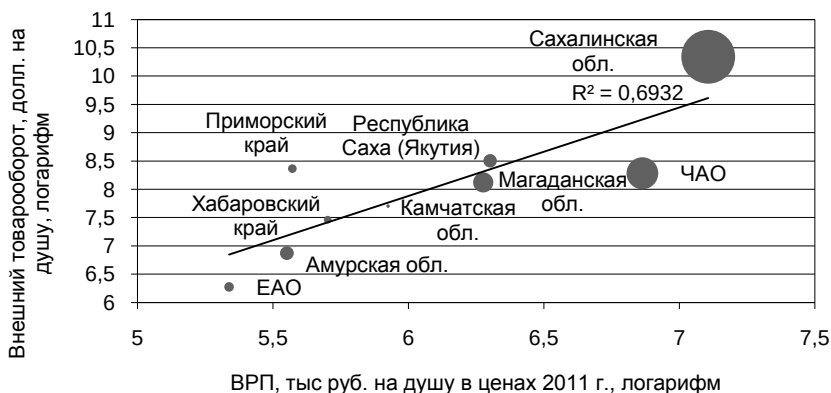

Рис. 1. Соотношение среднедушевого ВРП и товарооборота с зарубежными странами регионов Дальнего Востока

Примечание: приведены средние значения показателей за 2011–2017 гг. Размер кружка соответствует значению притока ПИИ на душу населения.

Источник: рассчитано на основе статистики Федеральной таможенной службы, Центрального Банка и Госкомстата России.

Можно предположить, что более выраженная динамика торгового оборота с зарубежными странами способна обеспечивать привлечение в открытую дальневосточную экономику иностранного капитала или наоборот, ПИИ могли бы генерировать экспортные поставки. При этом для Дальнего Востока зависимость между то-

варооборотом с зарубежными странами и ПИИ имеет некоторые особенности. Действительно, в целом для Дальнего Востока, как для агрегированной макрорегиональной экономики, приток ПИИ имеет прямую зависимость с торговым оборотом с зарубежными странами. Однако, эту зависимость главным образом формировало «аномальное наблюдение» – Сахалинская область. Анализ данных показателей по другим дальневосточным регионам показал, что взаимосвязь между ними являлась скорее неопределенной: выделяются регионы с низким значением среднедушевого ПИИ и высоким значением внешнеторгового оборота с зарубежными странами на душу населения (Камчатский, Хабаровский и Приморский края) и наоборот (Амурская область и ЕАО).

Отраслевой компонент притока прямых инвестиций из-за рубежа в экономику того или иного региона главным образом определял пропорции между среднедушевыми показателями ПИИ и торговли с зарубежными странами. Следует также добавить, что в некоторые регионы (например, в Магаданскую область) приток ПИИ характеризовался скорее циклической динамикой в 2011–2017 гг. Говоря иначе, процессы, определяющие соотношение между потоком иностранного капитала и торговлей были различными.

Заключение

С середины 1990-х гг. Сахалинская область является главным регионом притяжения ПИИ на Дальний Восток, по причине поступательного развития ее нефтегазового сектора при помощи зарубежного капитала и технологий. В итоге, на Сахалинскую область к 2017 г. приходилось более 70,0% стоимостного объема притока ПИИ на Дальний Восток. Масштабное освоение ресурсов нефти и газа в Сахалинской области при помощи ПИИ (проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2») также способствовало переносу части объектов транспортной инфраструктуры экспорта углеводородов в соседние регионы, в частности, на территорию Хабаровского края. Однако, дальнейшее расширение зарубежного участия в разработке нефтегазовых ресурсов Охотского моря затрудняется в связи с законодательным ограничением доли иностранного капитала, а также с 2014 г., в связи с санкционными ограничениями по отношению к российской экономике в целом (проект «Сахалин-3», освоение лицензий в рамках перспективных проектов «Сахалин-4 – 9»).

За последние несколько лет основным источником поступивших ПИИ на Дальний Восток стали являться офшорные территории, что может быть вызвано опасением корпоративного сектора пострадать от санкционных ограничений и с необходимостью минимизировать прочие риски и издержки. Можно предположить, что доля фиктивных иностранных инвестиций (выведение из страны средств в офшоры и их последующий возврат под видом инвестиций) в регионах Дальнего Востока занимает высокую долю. Во всех без исключения дальневосточных регионах инвестиции из офшорных территорий и прочих источников являются основными, вероятно по причине увеличения рисков ведения бизнеса. Географическое распределение поступивших ПИИ на Дальний Восток указывает на то обстоятельство, что в период санкционных ограничений основными источниками привлечения прямых инвестиций на Дальний Восток являются офшорные территории и прочие источники (категория «не распределено по странам»), расшифровать которые весьма проблематично по причине наличия «конфиденциальных данных». В начале 2010-х гг. основными инвесторами на Дальнем Востоке фиксировался корпоративный сектор из таких стран как Нидерланды и Япония (преимущественно в Сахалинской области), то с 2014 г. статистика Центробанка России отражает изменение инвестиционных потоков в макрорегион в пользу офшорных территорий: Багамы, Бермуды и Кипр.

Список литературы

- Изотов Д.А.* Поступление прямых иностранных инвестиций в российские регионы: факторы потенциала и риска // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 56–72.
- Brodzicki T.* The Role of Openness in Economic Growth of Regions. The Perspectives of Economic Growth and New Economic Geography Theory and Empirics / Instytut Rozwoju, Institute for Development Working Papers 1801. 2018. URL: http://www.instytut-rozwoju.org/WP/IR_WP2017_02.pdf (дата обращения: апрель 2019).
- Huchet-Bourdon M., Le Mouél C., Vijil M.* The Relationship between Trade Openness and Economic Growth: Some New Insights on the Openness Measurement Issue // World Economy. 2018. Vol. 41. Pp. 59–76.
- Ledyeva S., Karhunen K., Whalley J.* If Foreign Investment is Not Foreign: Round-Trip Versus Genuine Foreign Investment in Russia. CEPII Working Papers, February 2013. URL: http://www.cepii.fr/PDF_PUB/wp/2013/wp2013-05.pdf (дата обращения: апрель 2019).

ДИАГНОСТИКА НЕОДНОРОДНОСТИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ВХОЖДЕНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Ковальчук Л.Б.

*Читинский институт Байкальского государственного университета
Чита*

Аннотация. Включение Забайкальского края и Республики Бурятия в состав ДФО обуславливает необходимость диагностики состояния, динамики и уровня результативности процессов, протекающих в социально-культурном пространстве региона с целью их последующего сравнения с процессами, протекающими в дальневосточных субъектах РФ и определения степени и уровня их конвергенции /дивергенции. В работе осуществлялась диагностика следующих групп процессов: «культурных», медико-демографических, экологических, научно-инновационных, формирования человеческого потенциала, профессиональной структуры занятости и некоторых других, формирующих в пространстве региона комфортные условия жизни и возможности для самореализации населения. Результаты диагностики показали, что в Забайкальском крае сложилась крайне неблагоприятная социально-культурная ситуация. С позиций автора, формальное «включение» Забайкальского края в состав ДФО, не только не будет способствовать решению социальных проблем в Забайкальском крае, но и существенно затруднит развитие всего федерального округа.

Ключевые слова: социально-культурное пространство, конвергенция, дивергенция, диагностика, человеческий потенциал, Забайкальский край, состав ДФО

Указом Президента РФ в ноябре 2018 г. Республика Бурятия и Забайкальский край были включены в Дальневосточный федеральный округ. Теоретически расширение состава ДФО означает создание более мощной «надсистемы», которая, на основе взаимодействия образующих ее элементов, использования совокупного ресурсного потенциала, должна обеспечивать регионам возможность решения экономических, социальных, экологических проблем, и способствовать, тем самым, продвижению экономических и геополитических интересов России в пространстве АТР.

Решение проблем социально-экономического развития регионов в условиях федерального округа осуществляется в соответствии с единой стратегией социально-экономического развития федерального округа и согласованных с ней программ, связывающих регионы в единый организм, обладающий более высокой жизнеспособностью и устойчивостью к внешним вызовам и угрозам. Важным условием успешной реализации единой стратегии является определенная однородность социально-экономических и социально-культурных пространств регионов, которая обуславливает конвергенцию и эффективное взаимодействие регионов в составе федерального округа. Единая стратегия регионов с дивергентными траекториями развития представляется достаточно проблематичной (Минакир, Михеева, 2002).

Расширение состава ДФО требует корректировки существующих стратегий и программ с учетом уровня развития включенных субъектов РФ, степени однородности их социально-культурного пространства, оценки темпов и степени их конвергенции / дивергенции. В условиях изменения состава ДФО диагностика процессов формирования социально-культурного пространства Забайкальского края представляется достаточно актуальной.

В ходе диагностики представим оценку состояния, уровня результативности, динамику процессов формирования социально-культурного пространства Забайкальского края в сравнении со средними по стране. При этом процессы, динамика которых совпадает с соответствующими общероссийскими показателями, а уровень результативности сопоставим, должны быть признаны «нормальными». Отрицательная динамика результативности процессов, отличающая их от средних по стране, и различия в уровне результативности, обуславливающие дивергентный тренд в развитии социокультурного пространства Забайкальского края, позволяют диагностировать их «патологический» характер. Соотношение «нормальных» и «патологических» процессов позволит сделать вывод об однородности социокультурного пространства Забайкальского края или присутствии в его составе процессов, существенно отличающих его от других субъектов РФ, и перспективах его развития в составе ДФО. Формирование социально-культурного пространства Забайкальского края в исторической перспективе, происходило под влиянием географического, политического и экономического факторов. Влияние географического фактора определило специфику и размещение объектов на территории Забайкальского края. Учиты-

вая, что край расположен на значительном удалении от Центра России и занимает приграничное положение с Китаем, освоение пространства территории начиналось с создания вдоль российско-китайской границы пограничных казачьих линий, регулярных и нерегулярных войск, сопровождалось возведением крепостей, острогов, укрепленных поселений, которые постепенно приобретали статус административных центров. Первыми на территории Забайкалья появились Нерчинский, Читинский, Селенгинский, Удинский, Телембинский остроги, которые позднее превратились в города Чита, Нерчинск, Удинск. Система острогов и пограничных линий обеспечивала присутствие России на стратегически важных территориях, фактически осуществляла колонизацию коренных народов Забайкалья (Жуков и др., 2012).

Политический фактор обусловил социально-демографический профиль населения Забайкалья. В конце XIX в. коренное население составляло менее 2%. Основную долю составляли ссыльнокаторжные, ссыльнопоселенцы, сосланные на водворение, сосланные на жительство, административно-ссыльные и их охранники. Именно система ссыльнокаторжных учреждений оказала наибольшее влияние на формирование жизненного уклада, системы мотивации, жизненных ценностей населения, которые составляют основу культуры народов Забайкалья. Современное население Забайкальского края в своем большинстве являются потомками ссыльных, каторжников, охранников, казаков, охранявших границы. При этом в существенной мере унаследованы элементы созданной ими культуры (Малая..., 2009, с. 13–30).

Влияние экономического фактора обусловило динамику численности и неравномерность размещения населения по территории Забайкальского края. Освоение месторождений природных ресурсов, в первую очередь, серебра, золота, вольфрама, которое было вызвано промышленной революцией, обусловила рост численности населения. По данным статистики в 1897 г. она составляла 344 тыс. чел. В 1917 г. в Забайкалье постоянно проживало более 500 тыс. чел. Процессы индустриализации и коллективизации способствовали увеличению численности населения в предвоенном 1939 г. до 963,2 тыс. чел. Достаточно высокий рост численности населения в Забайкалье, отмеченный в 1970–1980 гг. прошлого века также связан с хозяйственной деятельностью, строительством БАМа, освоением месторождений золота, урана. Темпы роста численности на-

селения в 1970–1980 гг. прошлого века были самыми высокими в истории Забайкалья (Энциклопедия..., 2004, с. 65–69).

Экономическая деятельность обусловила крайнюю неравномерность размещения населения по территории Забайкалья: южные пределы в настоящий момент заселены более интенсивно, чем северные. Кроме неравномерности расселения жителей по территории края, Забайкалье характеризуется высокой разреженностью в расположении населенных пунктов. Среднее расстояние между населенными пунктами и связывающими их районными центрами составляет более 100 км, а расстояние до столицы Забайкалья, г. Читы, от районных центров составляет в среднем более 400 км. Большие расстояния между населенными пунктами создают трудности межселенского сообщения. В условиях низкой плотности населения (2 чел. на 1 км²), высокая разреженность в расположении населенных пунктов обусловила проблемы освоения пограничных пространств, которые в настоящий момент остаются «прозрачными» на сотни километров.

На 1 января 2018 г. численность населения Забайкальского края составляла 1 072 806 чел. В национальном составе наибольшую долю составляют русские (89,8%) и буряты. Культура этих народов формирует своеобразие социокультурного пространства края, сохранение и преумножение которого во многом определяют организованные в пространстве территории «культурные» процессы.

Сохранением культурных ценностей народов, проживающих на территории Забайкальского края, в настоящий момент занимается более 1221 учреждение культуры, включающих музеи, театры, клубы, филармонии, дома народного творчества и др. Оценка результативности процесса сохранения культурных ценностей культур, представленных на территории Забайкальского края, осуществлялось на основе показателя «количество учреждений культуры». Представленный показатель позволяет оценить потенциальную возможность участия забайкальцев в культурной жизни и доступа к культурным ценностям. В целом по стране число учреждений культуры за последние пять лет увеличилось на 2,2%. Анализ динамики численности учреждений культуры в Забайкальском крае показывает, что их число за указанный период сократилось на 2,8%. Наибольшему сокращению подверглась сеть общедоступных библиотек и культурно-досуговых учреждений, в среднем на 9–10 единиц в год. При этом следует отметить, что в виду значительного

сокращения численности населения, средняя обеспеченность жителей учреждениями культуры в Забайкалье на 50% выше, чем в среднем по стране. Однако, учитывая негативную динамику показателя, и отрицательные по сути причины высокой обеспеченности учреждениями культуры, характер процесса сохранения культурных ценностей в Забайкалье следует признать «патологическим».

Важную роль в социальном пространстве региона играет процесс усвоения населением культурных ценностей и элементов культуры. Оценка результативности процесса усвоения культурных ценностей осуществлялась на основе показателя «число посещений учреждений культуры». Указанный процесс в Забайкальском крае на протяжении последних пяти лет отличается нестабильностью и протекает в разрез со среднероссийским трендом, который демонстрирует устойчивость динамики и высокий относительный прирост (14,8% к показателю 2012 г.). Относительно сопоставления показателя со среднероссийским, можно констатировать патологическое развитие процесса, поскольку посещаемость учреждений культуры на 1000 жителей в Забайкальском крае почти на 50% ниже, чем в среднем по стране, что, учитывая достаточно высокую обеспеченность населения Забайкальского края учреждениями культуры, вызывает вопросы относительно качества их работы и соответствия требованиям и запросам населения (Статистические..., 2018).

Процессы сохранения и усвоения культурных ценностей содержательно связаны с процессом их распространения. Процесс распространения культурных ценностей оценивался по показателю «число проведенных учреждениями культуры мероприятий». Данные статистики мероприятий, проведенных учреждениями культуры в Забайкальском крае, свидетельствуют об их устойчивом сокращении, что, с одной стороны, связано с сокращением числа учреждений культуры, с другой, сохранением дефицитного бюджета края. При этом наибольший размер дефицита (7138,4 млн руб.) приходится на 2014 г., что объясняет наибольший «провал» в финансировании мероприятий культуры. Следует отметить, что сокращение культурно-массовых мероприятий за последние пять лет отмечается в целом по стране. Однако, учитывая большую удаленность края от Центра и крупных городов России, в том числе и расположенных в ДФО, высокую разреженность населенных пунктов по территории края, последствия представленного процесса для края являются более тяжелыми: отсутствие культурно-массовых

мероприятий заменяется распространением криминальных субкультур таких как АУЕ («арестантский уклад един»).

В целом, характеризуя совокупные результаты «культурных» процессов в Забайкальском крае можно сделать вывод о наличии предпосылок к снижению уровня усвоения культурных ценностей и деградации культурного потенциала Забайкальского края, обуславливающего его особенности в социально-культурном пространстве ДФО.

Отрицательная совокупная результативность процессов, протекающих в сфере культуры, во многом объясняется действием процессов, ведущих к расслоению общества (стратификации): увеличения численности низкодоходных групп, изменения профессиональной структуры занятости в направлении увеличения доли менее доходных видов деятельности, снижения уровня профессионального образования и др. процессов.

Важным фактором формирования стратификационной структуры общества является занятость. Анализ динамики показателя занятости в Забайкальском крае демонстрирует его рост на уровне 1,01% в год. Аналогичный показатель по стране в этот же период составил 1,8%. Уровень занятости в Забайкальском крае остается ниже среднероссийского на 6,1%. Ориентируясь на общероссийскую динамику и уровень занятости, результативность данного процесса в Забайкальском крае «работает» на формирование дивергентных траекторий развития.

Динамика занятости в Забайкальском крае сопровождалась ростом доходов населения, в среднем на 12% в год. Среднедушевые доходы населения в Забайкальском крае в период с 2005 по 2016 г. увеличились с 8212 руб. до 22 885 руб. При этом уровень среднедушевых доходов в Забайкальском крае остается ниже среднероссийского в среднем на 25,9%. В контексте сопоставительного анализа, процесс формирования среднедушевых доходов в Забайкальском крае характеризуется низкой результативностью, что также усиливает развитие дивергентных тенденций в межрегиональном разрезе.

Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума в Забайкальском крае в период с 2005 по 2016 гг. уменьшилась незначительно, на 2,6%, и составила 21,2% от общей численности населения Забайкальского края. В среднем по стране этот показатель составляет 13,3% со среднегодовым снижением на уровне 1% в год. Динамика показателя и его уровень, который в 1,6

раза выше среднего по стране, позволяет считать характер процесса патологическим, обуславливающим сохранение в крае доходного неравенства.

Динамика и характер представленных выше стратификационных процессов, связаны с тенденциями формирования профессиональной структуры занятости. В целом по стране большая часть населения (18,9%) занята в сфере оптовой и розничной торговли; на втором месте – обрабатывающие производства (14,2%), на третьем месте – строительство, транспорт и связь, сфера образования, здравоохранения и социальные услуги занимают в общей численности занятых 7,7 и 6,4% соответственно. При этом следует отметить устойчивый рост доли занятых в сферах торговли, строительства, транспорта и связи, и сокращение в здравоохранении, предоставлении различных социальных услуг и образовании.

Распределение занятых по видам экономической деятельности в Забайкальском крае повторяет общероссийские тенденции только в одном – ведущее место занимает сфера оптовой и розничной торговли (16,5%). При этом следует отметить, что популярность данной сферы среди занятых в период с 2007 по 2016 гг. увеличилась более чем на 30%. Второй по популярности вид деятельности – образование (11,2%), сельское хозяйство (9,8%), здравоохранение (8,9%). Относительно высокую долю (10,7%) составляют так называемые «другие виды деятельности», к которым относятся услуги домохозяйств, персональные услуги населению. В сфере добывающих отраслей трудится около 4% занятых.

Профессиональная структура обусловила формирование образовательной структуры занятых в Забайкальском крае. Доля занятых, имеющих высшее профессиональное образование, составляет 29,3% от общего числа занятых, что на 4,2% ниже, чем в целом по стране. Занятые со средним профессиональным образованием составляют 44%. Почти четверть населения (26,7%) в Забайкальском крае не имеет профессионального образования. В сравнении со среднероссийским, уровень профессионального образования в Забайкальском крае значительно ниже.

Процесс формирования профессионально-образовательной структуры занятых в Забайкальском крае способствует закреплению бедности, доходной стратификации, сохранению относительно высокого уровня безработицы, который на протяжении десятилетия, сохраняется на уровне более 10%. Таким образом, характер процесса формирования профессионально-образовательной струк-

туры занятых в Забайкальском крае представляется патологическим, оказывающим негативное влияние на развитие социально-культурного пространства Забайкальского края.

Социальная структура Забайкальского края, характеризующаяся присутствием значительной доли населения с доходами ниже прожиточного уровня, не имеющим профессионального образования, постоянного места работы, во многом обусловила состояние и динамику отдельных демографических процессов.

Коэффициенты естественного прироста населения, отображающие совокупные результаты процессов рождаемости и смертности, в период с 2005 по 2016 гг. в Забайкальском крае только в последние два года демонстрируют положительные значения. Несмотря на увеличение продолжительности жизни, на 3,5 года, этот показатель все еще остается ниже среднероссийского на 4,9%. Низкие темпы роста результативности, отставание от среднероссийских показателей демонстрирует отрицательный характер демографических процессов в Забайкальском крае.

Заболеваемость, в расчете на 1000 жителей, в Забайкальском крае ниже среднероссийского показателя на 15%. При этом отмечается ее рост более высокими темпами, по сравнению со среднероссийским показателем. Рост заболеваемости, является фактором, оказывающим негативное влияние на уровень социального развития, следовательно, характер данных процессов представляется патологическим.

Результаты медико-демографических процессов обусловили возрастной состав населения в Забайкальском крае. Доля населения в возрасте ниже трудоспособного составляет 22,7%, что на 4,4% больше, чем в среднем по стране; численность населения в трудоспособном возрасте также как и в целом в России сокращается и составляет 57,2%; население в возрасте старше трудоспособного составляет 20,1%, что в среднем на 5% ниже среднероссийского показателя, однако среднегодовые темпы ее увеличения выше среднероссийских на 1,1%. Таким образом, динамика изменения возрастной структуры населения Забайкальского края демонстрирует очевидное старение населения, которое, в отличие от среднероссийских тенденций, осуществляется более высокими темпами. Полученные результаты позволяют сделать вывод о патологическом характере процесса изменения возрастной структуры населения в Забайкальском крае.

Негативное влияние на демографические показатели оказывает миграционный процесс. Динамика коэффициента миграционного притока демонстрирует увеличение оттока населения из Забайкалья в период с 2005 по 2016 гг. более чем на 30%. Таким образом, характер миграционного процесса также представляется патологическим.

Интегральным показателем процессов формирования человеческого потенциала является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). В 2005 г. величина ИРЧП в Забайкальском крае составляла 0,58, что в соответствии с принятой шкалой означало средний уровень развития (от 0,5 до 0,8). В 2016 г. величина ИРЧП увеличилась до уровня 0,69, оставаясь, при этом в том же среднем диапазоне. Увеличение значения ИРЧП в Забайкальском крае обусловлено увеличением ожидаемой продолжительности жизни (индекс продолжительности жизни повысился с 0,57 в 2005 г. до 0,72 в 2016 г.), а также уровня жизни (индекс уровня жизни в 2005 г. – 0,45, в 2016 г. – 0,72). При этом произошло снижение уровня образования (индекс уровня образования в 2005 г. – 0,72, в 2016 г. – 0,69). Сопоставление ИРЧП в Забайкальском крае с соответствующим показателем по РФ выявляет заметное отставание: 0,80 против 0,69 в 2005 г.; 0,81 против 0,72 в 2016 г.) Более низкий уровень ИРЧП в целом, снижение индекса образования формирует в Забайкальском крае негативные предпосылки для сохранения и наращивания человеческого потенциала. В этой связи состояние процессов формирования человеческого капитала в Забайкальском крае считаем отрицательным.

Для развития социально-культурного пространства региона большое значение имеют возможности использования человеческого потенциала, которые обеспечивают его сохранение, развитие и наращивание. Такие возможности создает, в первую очередь, уровень развития научно-инновационной сферы, процессы в ней протекающие.

Состояние научно-инновационной сферы определяется, прежде всего, количеством научных организаций, выполняющие научные исследования и разработки, учреждений, осуществляющих подготовку кадров высшей квалификации, числом разработанных и внедренных технологий, оформленных патентных заявок. В период с 2007 по 2016 гг. в Забайкальском крае произошло уменьшение организаций, осуществляющих научные исследования, на 11,1%. Сократилось число организаций, осуществляющих подготовку

кадров высшей категории более чем на 48%. В свою очередь, сокращение численности научных организаций обусловило развитие негативных процессов: существенное сокращение числа полученных патентных заявок на изобретения и полезные модели (на 22,5%). Сокращение научных организаций характерно для всей страны. Однако это обстоятельство не позволяет отрицать их патологический характер в Забайкальском крае. В сложившейся ситуации приходится констатировать, что в Забайкальском крае практически отсутствуют возможности использования человеческого потенциала в научно-инновационной сфере.

Низкий уровень инновационного развития негативно сказывается на охране окружающей среды и создании экологически комфортных условий проживания. Несмотря на сокращение объемов выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на 1,2%, эта динамика связана с общим замедлением темпов экономического развития, сокращением числа предприятий в сфере добывающей и обрабатывающей промышленности. При этом отмечается тенденция увеличения объема сброса сточных вод в поверхностные водные объекты. Таким образом, процессы охраны окружающей среды в Забайкальском крае, отличающиеся более выраженной, по сравнению с общероссийскими тенденциями, отрицательной динамикой и более низким уровнем результативности, что позволяет дать им негативную оценку, читать патологическими.

Полученные результаты диагностики процессов формирования социокультурного пространства в Забайкальском крае демонстрируют преобладание отрицательных процессов, обуславливающих низкий уровень его развития. В практическом плане низкий уровень развития социально-культурного пространства означает инерционность формирования человеческого потенциала, ограниченные возможности его использования, дискомфортные условия проживания, низкую привлекательность края в качестве места постоянного жительства. При этом при сравнении со среднероссийскими, отчетливо определяются дивергентные траектории развития по достаточно большому количеству процессов социокультурного развития, что означает предпосылки для социально-культурной социальной деградации Забайкальского края в перспективе. В свою очередь, дивергенция социокультурного развития «блокирует» возможности результативной интеграции Забайкальского края в пространство ДФО.

С позиций федерального округа, низкий уровень развития социально-культурного пространства и развитие дивергентных процессов, позволяет рассматривать Забайкальский край в качестве «культурной окраины», «зоной депривации» с большим количеством социальных проблем.

В сложившихся условиях включение Забайкальского края в состав ДФО обуславливает необходимость учета в ходе разработки Национальной программы развития Дальнего Востока России на период до 2025 г. с перспективой до 2035 г. уровня дифференциации социально-культурного пространства края и усиливающейся за счет этого неравномерности социально-культурного развития субъектов ДФО. В противном случае расширение состава ДФО за счет включения новых субъектов не только не будет способствовать решению «амбиционных и опережающих» задач, среди которых «сделать Дальний Восток точкой притяжения для граждан», но приведет к обострению существующих и появлению новых проблем социально-экономического и социального культурного развития всех его субъектов.

Список литературы

- Жуков А.В., Баринов И.А., Фомина М.Н., Кондакова Н.С., Соловьева Н.А., Меркушина Я.С. История и культура народов Забайкальского края: музейно-выставочный комплекс ЗабГУ. М., 2012. 278 с. URL: http://zabgu.ru/files/html_document/pdf_files/fixed/Muzei/2127340809.pdf (дата обращения: июль 2019).
- Малая энциклопедия Забайкалья. Культура. В 2 ч. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин ; Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского. Ч. 1. А–Л. Новосибирск: Наука, 2009. 437 с.
- Минакир П.А., Михеева Н.Н. Перспективы развития Дальнего Востока и Забайкалья: региональные программы // Проблемы прогнозирования. 2002. № 3. С. 47–63.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / Росстат. М., 2018. 1162 с.
- Статистические данные по видам учреждений культуры, искусства и образования / Статистические отчетности отраслей. 2018. URL: <https://stat.mkrf.ru/indicators> (дата обращения: июль 2019).
- Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. В 4 т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин ; Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН. Т. 2. А–З. Новосибирск: Наука, 2004. 419 с.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПОНИМАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИКРОДАННЫХ

*Кумо Кадзухиро
Университет Хитоцубаси
Токио*

Аннотация. На основе микроданных, полученных в результате реализации Международной программы социальных исследований (ISSP), проанализированы гендерные предпочтения, проведены межстрановые сравнения. Фокус исследования сосредоточен на теме «Семья и изменение гендерных ролей», в рамках которой респондентам были заданы вопросы о разделении ролей в семье, о том, кто принимает решения в отношении воспитания детей, об отношении к отпуску по беременности и родам и уходу за ребенком и др. Особый акцент сделан на России.

Ключевые слова: микроданные, Международная программа социальных исследований (ISSP), гендерные роли, семья.

1. Введение

Не будет преувеличением утверждать, что использование микроданных стало основным направлением эмпирических исследований в области экономики и социологии в XXI в. Микроданные позволяют изучить одно домохозяйство (одну семью) либо определить индивидуальные характеристики одного индивида (возраст, уровень образования, уровень дохода, род занятий и т. д.), делая возможным анализ, невыполнимый с помощью макроданных (агрегированных данных).

В области исследований домохозяйств в России широко известен «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения». Что касается микроданных по предприятиям, нужно упомянуть «Обследование состояния деловой среды и показатели деятельности предприятий». Данные вышеупомянутых исследований доступны бесплатно при выполнении определенных процедур. Для обследования, например, домохозяйств Таджикистана (Центральная Азия) могут быть использованы данные «Исследования уровня жизни в Таджикистане». Микроданные в социологии легко доступны, и именно они дают большую разнораз-

разную картину. В данной работе представлены микроданные, позволяющие провести сравнительный анализ гендерной ситуации в России, бывших социалистических и других странах. Надеемся, наша работа будет полезна в дальнейших исследованиях.

Мы будем использовать данные Международной программы социальных исследований (ISSP). Преимущества ISSP заключаются в следующем: 1) она была запущена с 1985 г., Россия постоянно участвует в программе с 1991 года, что позволяет отслеживать изменения после смены системы; 2) темы разнятся в зависимости от раунда исследования (общественное неравенство, религия, роль правительства, семейные и гендерные функции и т. д.), обследования по одной и той же теме уже проводились 3–4 раза, что позволяет увидеть долгосрочные изменения; 3) представлены не только российские данные, но и данные стран с переходной экономикой и стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Это позволяет провести сравнение на международном уровне. Следует также подчеркнуть, что существуют раунды, посвященные рассмотрению гендерных ситуаций. Далее подробно рассмотрим ISSP.

2. Международная программа социальных исследований (ISSP) и получаемые данные

2.1. Общий обзор

ISSP была запущена в четырех странах в 1985 г. и представляет собой обзор основных тем социологических исследований. Это ежегодная повторяющаяся программа межстрановых исследований. Данные могут быть легко получены с помощью архива данных GESIS¹, созданного с целью накопления микроданных.

Темы исследований ежегодно меняются, формулируются вопросы, переводятся на разные языки, проводятся опросы. Полученные данные доступны для всех участников программы. В 1988, 1994, 2002 и 2012 гг. проводились исследования по теме «Семья и изменение гендерных ролей». Цель состояла в изучении взглядов на семейные отношения, роль мужчин и женщин, работу и доходы, а также изменений этих взглядов в разных странах. Россия присоединилась к ISSP с 1990 г., доступны материалы исследований по вышеуказанной теме за 1994, 2002 и 2012 гг.

¹ GESIS. URL: <http://www.gesis.org/> (дата обращения: июль 2019).

Что касается раундов по семейной и гендерной тематике, проведенных с момента вступления России в программу: в 1994 г. было опрошено 23 страны, в 2002 г. – 34 страны, в 2012 г. – 41 страна. Было исследовано от 1000 до 6000 единиц в каждой стране, а общее число исследованных единиц составило 33 590 в 1994 г., 46 638 в 2002 г. и 61 754 в 2012 г. В качестве метода исследования применялась стратифицированная случайная выборка, объект исследования – мужчины и женщины в возрасте старше 18 лет. Сбор данных осуществлялся с помощью электронной или обычной почты либо путем очного опроса. С каждым раундом содержание модулей расширялось, они становились более подробными. Вопросы о том, кто выполняет домашнюю работу и ухаживает за детьми, о рабочем времени в компании позволили проанализировать ситуацию с разделением труда между партнерами в домашнем хозяйстве.

2.2. Данные, получаемые с помощью ISSP

Рассмотрим некоторые вопросы и доступные данные раунда 2012 г. В качестве характеристик индивида и семьи, к которой он принадлежит, была собрана следующая информация: возраст и пол человека (респондента), состав семьи, к которой он принадлежит, уровень образования респондента и его партнера, количество рабочих часов в неделю, количество детей. Эта информация позволяет проводить перекрестный анализ индивидуальных / партнерских / семейных характеристик. Для изучения темы «Семья и изменение гендерных ролей» (International..., 2016) были заданы вопросы о разделении ролей в семье, о том, кто принимает решения в отношении воспитания детей, об отношении к отпуску по беременности и родам и уходу за ребенком. Также были заданы общие вопросы об отношении к воспитанию детей, к браку и т. д. Хотелось бы привести небольшую часть в качестве примера:

Вопрос R2 из анкеты о разделении ролей мужчин и женщин в обществе и семье.

Вопрос R2: «В какой степени вы согласны / не согласны со следующим? а: Мужчины и женщины должны в равной степени вносить вклад в семейный доход; b: Мужская работа – зарабатывать деньги, женская – заботиться о доме и семье; Nc: мужчины должны выполнять больше домашней работы, чем сейчас; Nd: мужчины должны участвовать в воспитании детей больше, чем сейчас».

Варианты ответов (для пунктов а – Nd): «полностью согласен; согласен; ни за, ни против; не согласен; полностью не согласен; не могу выбрать»

Вопросы R8 и N9 касаются разделения домашнего труда:

Вопрос R8: «Кто выполняет следующие виды работ в вашей семье? а. стирка; b. ремонт дома; c. уход за заболевшим членом семьи; d. покупка продуктов; Ne: уборка; Nf: приготовление еды»

Варианты ответов (для пунктов а – Nf): «всегда я; почти всегда я; поровну с партнером или вместе; почти всегда партнер; всегда партнер; не могу выбрать»

Вопрос N9a: «Сколько часов в неделю в среднем вы выполняете домашнюю работу (за исключением ухода за детьми и развлечений)?»

Вопрос N9b: «Сколько часов в неделю в среднем ваш партнер выполняет домашнюю работу (за исключением ухода за детьми и развлечений)?» (ответ на оба вопроса – количество часов).

Ответы на эти вопросы можно сопоставить с информацией о респондентах (пол, возраст, уровень образования, доход домохозяйства, соотношение доходов партнеров). Если опираться на макроданные, такой анализ либо невозможен, либо возможности его ограничены. Использование же микроданных позволяет уловить различия в ответах в соответствии с индивидуальными характеристиками, а возможность использования этих данных чрезвычайно велика.

3. Гендерное сознание в России по результатам исследований ISSP: российские примеры и сравнение с другими странами

Проблема, тесно связанная с гендерной тематикой – это снижение рождаемости. В исследованиях снижения рождаемости, проводимых в последнее время в развитых странах, в центре дискуссии находится гендер и баланс между работой и личной жизнью. В качестве пояснения рассмотрим данные 2007 г. о соотношении уровня занятости женщин в развитых странах и общих показателей рождаемости (*рис. 1*).

Существует довольно распространенное мнение, что если растет уровень занятости женщин, то снижается количество времени, которое они могут потратить на воспитание детей, женщинам становится сложно выполнять домашнюю работу, и, как следствие, рождаемость снижается. Однако данные рисунка 1 говорят о том,

что «показатели рождаемости выше в странах, где уровень занятости женщин выше», то есть противоречат вышеуказанному мнению.

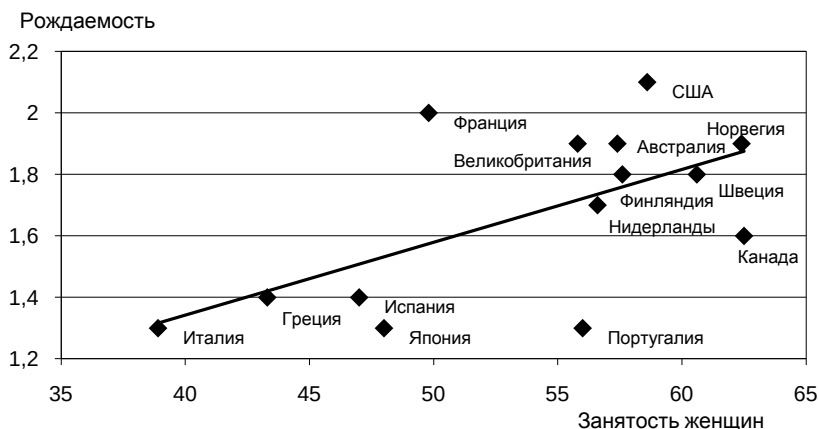

Рис. 1. Уровень занятости женщин и показатели рождаемости в 2007 г.

Источник: составлено автором по: Patel, 2010.

В левом нижнем углу рисунка 1 расположились страны с низким уровнем занятости женщин и низкой рождаемостью – Япония, Италия, Испания и Греция. Это страны, которые, как считается, имеют строгие традиционные нормы. В правом верхнем углу расположились страны с высоким уровнем занятости женщин и высокой рождаемостью – Норвегия, Финляндия, Франция и др. Эти страны известны высоким уровнем благосостояния. Вопрос заключается в том, как интерпретировать приведенные данные.

На самом деле было бы неверно сводить все к уровню благосостояния. Например, в США, которые входят во вторую группу (справа сверху на рисунке 1), практически не проводится политика поддержки по уходу за ребенком. В Австралии наблюдается аналогичная ситуация¹. Эти страны можно рассматривать скорее как

¹ Утверждение о том, что высокий уровень рождаемости в США обусловлен высоким уровнем рождаемости среди латиноамериканцев и афроамериканцев, безосновательно. В США уровень рождаемости среди евроамериканцев ближе скорее к английскому и французскому, чем к южно-европейскому.

страны, в которых развито сотрудничество мужчин и женщин в семье (работа по дому, уход за детьми), то есть существует разделение домашних обязанностей.

Безусловно, важны элементы социальной системы: общество участвует в воспитании детей, существует развитая система поддержки, отпуск по уходу за ребенком для мужчин является узаконенным (или обязательным), ограничена разница в условиях труда между постоянной и непостоянной работой, уход женщины с рынка труда на период родов не создает больших неудобств, женщины могут легко вернуться на рынок труда и т. д. Однако между двумя вышеупомянутыми группами стран существует отчетливая разница в сознании на индивидуальном уровне. Страны второй группы выделяются именно развитием «разделения труда внутри семьи».

Возможно, описанное выше стало фоном для проведения в 2012 г. исследования ISSP о разделении труда по гендерному признаку. Был задан вопрос об отношении к утверждению, что «мужчина должен работать, а женщина – заниматься домом». Представляя здесь полученные данные здесь, я хотел бы подчеркнуть полезность ISSP. В таблице показаны ответы, полученные в некоторых странах / регионах.

В общем, в таблице 1 так же, как и на рисунке 1, страны с низкой рождаемостью расположены слева, а в странах, расположенных справа, рождаемость высокая. Равенство отношения к гендерному разделению труда в скандинавских странах было ожидаемо. Но есть и результаты, привлекающие особое внимание. Япония близка к Португалии и Испании по уровню рождаемости, но отличается от этих стран с точки зрения отношения к гендерному разделению труда. Причинно-следственную связь установить трудно, однако очевидно, что существует сильная корреляция между высокими или низкими показателями рождаемости и гендерными нормами.

Рассмотрим отношение к гендерным нормам в России, которая является объектом нашего исследования. Наряду с Болгарией, которая также является бывшей социалистической страной, в России отношение к гендерному распределению ролей заметно отличается от других стран. Нужно отметить, что во всех странах большинство респондентов – женщины, таким образом, полученные результаты не основаны исключительно на ответах мужчин. Интересно понаблюдать, будут ли отличаться ответы в зависимости от возраста, принадлежности к той или иной когорте, уровня

образования, уровня дохода домохозяйства, а также наличия или отсутствия работы у женщины и т. д. Здесь потребуется кросс-анализ индивидуальных особенностей респондентов и ответов, и микроданные позволяют такой анализ провести. Поскольку сам анализ не является целью данной работы, приведем некоторые примеры. На первой диаграмме рассматривается общее количество респондентов, что дает возможность одновременно взглянуть на несколько стран. Данные, касающиеся России, приведены с разбивкой по полу (табл. 2).

Таблица 1

Согласны ли вы с утверждением, что «мужчина должен работать, а женщина – заниматься домом» (сравнение по странам, 2012 г.)

Вариант ответа	Россия	Болгария	Япония	Португалия	США	Великобритания	Франция	Швеция	Норвегия
Полностью не согласен	26	68	439	212	228	195	1267	576	608
Не согласен	231	245	158	362	538	392	477	271	565
Ни за, ни против	404	279	302	192	223	203	326	123	160
Согласен	469	253	196	176	225	105	196	42	52
Полностью согласен	335	129	94	59	63	31	99	18	21
Количество респондентов									
Мужчины	547	422	541	453	594	438	851	485	690
Женщины	978	581	671	548	708	512	1558	574	754

Источник: здесь и далее микроданные исследования (International..., 2016)

Таблица 2

Согласны ли вы с утверждением, что «мужчина должен работать, а женщина – заниматься домом» (Россия, данные с разбивкой по полу, 2012 г.)

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Полностью согласен	116	219
Согласен	174	295
Ни за, ни против	158	246
Не согласен	60	171
Полностью не согласен	8	18

Можно предположить, что женщины более склонны выступать против норм разделения труда по гендерному признаку. Однако различия невелики, и количество женщин, ответивших «категорически против» и «против» составляет менее 20% от общего числа опрошенных женщин. Данные, представленные в таблице 1, не показывают зависимости от гендерной принадлежности респондентов.

Как отличаются ответы в зависимости от индивидуальных особенностей российских женщин? В таблице 3 показаны ответы женщин с разбивкой на возрастные группы. В группе 30–49 лет наивысшая доля ответов против гендерного разделения труда. Однако далее, с повышением возраста увеличивается и количество респондентов, согласных с гендерными нормами. В возрастных группах младше 30–49 лет количество респондентов, согласных с гендерными нормами, также увеличивается. Понятно, что в возрастной группе с самым высоким уровнем трудовой занятости многие не согласны с гендерными нормами. Однако тот факт, что в возрастных группах 18–21 и 22–29 лет высокий уровень признания гендерных норм, требует отдельного объяснения.

Таблица 3

Согласны ли вы с утверждением, что «мужчина должен работать, а женщина – заниматься домом» (Россия, данные опроса женщин с разбивкой по возрастным группам, 2012 г.)

Вариант ответа	18–21	22–29	30–39	40–49	50–59	60–69	Старше 70
Полностью согласен	4	8	6	37	29	35	40
Согласен	2	0	1	37	53	57	55
Ни за, ни против	1	6	7	41	41	49	41
Не согласен	3	7	4	37	30	19	21
Полностью не согласен	2	2	6	4	2	0	2

Излишне говорить, что перекрестный анализ может быть выполнен с использованием других характеристик индивидов и домохозяйств. Что касается характеристики «уровень образования», данные были разделены на три группы в соответствии с системой образования России: начальное, среднее и высшее образование. Результат представлен в таблице 4. Как видно, что чем выше уровень образования женщины, тем меньше она признает нормы ген-

дерного разделения труда. Хорошо известно, что права женщин расширяются по мере повышения уровня их образования.

Нужно обратить внимание, что женщины, получившие только начальное образование, относятся к более высоким возрастным группам, чем женщины с другим уровнем образования. Следовательно, в дальнейших исследованиях необходимо проведение многомерного анализа с учетом возраста, уровня образования и других факторов. Можно предположить, что такой анализ возможен на базе использования данных ISSP.

Почему в России по сравнению с другими развитыми странами так сильно признание гендерных норм? Разве социалистическая идеология не способствовала ослаблению этих норм? Не потому ли, что по данным 2012 г. средний уровень образования женщин в России был ниже, чем в других развитых странах? ISSP, которая позволяет проводить межстрановые сравнения, дает возможность ответить на эти вопросы.

Таблица 4

Согласны ли вы с утверждением, что «мужчина должен работать, а женщина – заниматься домом» (Россия, данные опроса женщин с разбивкой по уровню образования, 2012 г.)

Вариант ответа	Начальное / базовое образование, без образования	Среднее общее / среднее специальное образование	Высшее образование (университет, аспирантура)
Полностью согласен	29	91	99
Согласен	55	110	130
Ни за, ни против	23	84	139
Не согласен	12	60	99
Полностью не согласен	3	6	9

5. Заключение

В данной работе проведен обзор сопоставимых на международном уровне социологических исследований, проведенных в России и странах бывшего Советского Союза, а также анализ некоторых доступных данных, касающихся понимания гендерной ситуации в этих странах. Безусловно, анализ причинно-следственных связей требует использования панельных данных (когда индивиды регулярно обследуются в течение определенного периода времени)

и многомерного анализа, учитывающего различные факторы. Однако хочется подчеркнуть, что с момента распада Советского Союза прошло более 20 лет, и стали полностью доступны данные, позволяющие проводить анализ на уровне индивидуальных характеристик.

Как показано в данной работе, анализ с использованием крупномасштабных данных дает возможность для обобщения выводов. Можно ожидать, что даже при изучении такого тонкого предмета, как понимание гендерной ситуации, есть возможность получить необходимую информацию с помощью исследований, представленных в данной работе. В этом смысле материалы ISSP более доступны, чем другие, так как раунды по гендерной тематике проводились уже несколько раз, и на 2019 г. накоплен материал, позволяющий отследить изменения и провести межстрановые сравнения.

Список литературы

- GESIS/ URL: <http://www.gesis.org/> (дата обращения: июль 2019).
- International Social Survey Programme: Family and Changing Gender Roles IV-ISSP 2012. GESIS Data Archive, Cologne. ZA5900 Data file Version 4.0.0 / ISSP Research Group. 2016. DOI: 10.4232/1.12661.
- Patel S.* World Development Indicators 2009 / World Bank. Washington, DC. 2010. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/886211468340850838/World-development-indicators-2009> (дата обращения: июнь 2019).

ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ В РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Кучук В.В.

*Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск*

Аннотация. Рассмотрена история развития российско-японских отношений в контексте политики национальной безопасности обеих стран. Показано, что оптимальным вариантом для обеспечения безопасности России на Дальнем Востоке представляется текущая позиция российского правительства по активизации сотрудничества с Китаем и сохранению нейтралитета в американо-китайском соперничестве, поддержание отношений делового сотрудничества с Японией, делового и политического сотрудничества с Республикой Корея, укрепление связей с КНДР при одновременном содействии отказа ее от программы создания ракетно-ядерного оружия.

Ключевые слова: национальная безопасность, политика, геостратегия, Россия, Япония, АТР.

Любые аспекты российско-японских отношений, включая вопросы торгово-экономического сотрудничества и даже отношений между регионами обеих стран, не могут рассматриваться вне сфер национальной безопасности и общей внешней политики каждой из них.

Если рассматривать эти вопросы в историческом аспекте, то история отношений России с Японией не столь продолжительна даже в сравнении с историей российско-китайских отношений, не говоря уже об отношениях России с европейскими государствами. В ней можно выделить только один непродолжительный период весьма близких отношений. Это период после Русско-японской войны 1904–1905 гг. и до революции в России 1917 г. Тогда был подписан целый ряд соглашений – соглашение министра иностранных дел России А.П. Извольского и посла Японии в России Итиро Мотоно 1910 г., подписанное в Петербурге, секретная конвенция 1912 г., подписанная министром иностранных дел С.Д. Сазоновым и И. Мотоно, договор 1916 г., подписанный ими же опять же в Петербурге. Последний договор фактически установил российско-японский союз, направленный на то, чтобы не допустить установления в Китае какой-либо третьей державы, враждебной

России или Японии. То есть, тогда страны объединились на почве общего интереса, каким был раздел Северо-Востока Китая.

Но после Октябрьской революции в России и интервенции Японии на российский Дальний Восток позиции сторон в вопросах обеспечения национальной безопасности и политики в отношении друг друга существенно, если не сказать кардинально, разошлись. После этого уже более 100 лет страны находятся по разные стороны баррикад. При этом необходимо отметить, что до 1945 г. правящие круги Японии были полностью самостоятельны в определении и осуществлении политики в отношении СССР, разумеется, с учетом складывавшейся международной обстановки. Поражение Японии во Второй мировой войне при непосредственном участии в этом СССР лишило ее возможности проводить самостоятельную внешнюю политику и самостоятельно решать вопросы обеспечения национальной безопасности и в том числе политики в отношении Советского Союза и в последующем Российской Федерации.

Однако подчиненное в этом отношении положение не означает полного отказа Японии в проведении курса в области обеспечения национальной безопасности от самостоятельности. Японские правящие круги полностью встроены в стратегию США на Тихом океане и за исключением отдельных мелких моментов, в том числе и в отношении России, совершенно сознательно участвуют в ее реализации.

Подводя итог более чем 150-летней истории двусторонних отношений, можно сказать, что она была не самой лучшей, но полной разнообразных событий. За этот период произошли: 3 войны – русско-японская, интервенция в годы гражданской войны в России, Вторая мировая война; 2 вооруженных конфликта – у озера Хасан и на реке Халхин-Гол.

Более 140 лет нахождения в противостоящих лагерях дают в двусторонних отношениях атмосферу, которая оказывает огромное влияние сегодня и на политические, и на экономические отношения между обеими странами, и на их политику в части, касающейся обеспечения национальной безопасности.

Современная международная обстановка характеризуется высокой динамичностью политических и экономических процессов, сформировавших устойчивую тенденцию к превращению региона в важнейший центр мировой политики и экономики, сопоставимый с Евроатлантическим. Ее особенность заключается в дальнейшем укреплении региональных позиций Китая на фоне бо-

лее тесного сближения США и Японии в вопросах обеспечения общей безопасности, а также усиления интеграции стран АТР. В последние годы напряженности добавила и КНДР.

Основными факторами, определяющими геополитическую ситуацию в АТР, являются:

- скрытое соперничество США, Китая и Японии за роль регионального лидера, которое оказывает существенное воздействие на развитие политических процессов в регионе;
- отсутствие единого многостороннего механизма коллективной безопасности; система военно-политической безопасности основывается преимущественно на двусторонних соглашениях, важнейшими из которых можно считать японо-американский «договор безопасности», договор «О взаимной обороне между США и Республикой Корея», а также соглашение, заключенное между странами-участниками АНЗЮК (Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, Малайзия, Сингапур);
- постепенное распространение сферы деятельности региональных организаций, изначально создававшихся с исключительно экономическими целями, на область безопасности;
- наличие большого числа очагов потенциальных конфликтов из-за территориальных споров, межэтнических и межконфессиональных противоречий, нестабильной внутривнутриполитической ситуации в отдельных странах;
- появление большого количества новых видов и форм угроз региональной безопасности, зачастую уникальных, характерных именно для АТР, в числе которых морское пиратство, резкий рост контрабанды оружия и наркотиков, браконьерский промысел и нелегальная иммиграция;
- усилия многих стран АТР по быстрому наращиванию своего военного потенциала в значительной мере отражающие хрупкость и неопределенность военно-политической ситуации.

В этой обстановке наиболее значимой проблемой для национальной безопасности России в АТР является уменьшение ее политического веса. Значительное ослабление российской военной мощи в регионе в настоящее время пока не компенсируется наращиванием экономического и иного сотрудничества со странами АТР.

Несмотря на позитивные интеграционные процессы в регионе, национальные интересы России подвержены воздействию разнообразного спектра угроз, исходящих от различных источников военной опасности, — как внешних, так и внутренних.

К внешним источникам военной опасности для России в АТР следует отнести:

- наличие мощных группировок вооруженных сил иностранных государств вблизи рубежей Российской Федерации,
- угрозы политического или силового отторжения отдельных территорий;
- наличие вблизи границ зон напряженности и возможность появления очагов вооруженных конфликтов;
- стремление некоторых государств к установлению своего военно-политического доминирования в АТР.

Внутренними факторами, способствующими нарастанию для Российской Федерации внешней опасности являются:

- социальная нестабильность в сибирских и дальневосточных регионах;
- отставание в развитии их экономики от центральных регионов страны
- отток населения с Дальнего Востока,

В то же время, на сегодняшний день, по мнению военных экспертов, уровень военной опасности для безопасности России в АТР можно расценить как относительно невысокий. Ни один источник военной опасности не создает прямой военной угрозы безопасности Российской Федерации. Но с учетом изменений геополитической обстановки в регионе очевидно, что обеспечение безопасности России только за счет политических возможностей становится маловероятным. Учитывая экономические возможности, в том числе и для поддержания военного потенциала, маловероятно, что Россия в обозримой перспективе будет решать свои проблемы в АТР силовыми методами.

Оптимальным вариантом для обеспечения безопасности России на Дальнем Востоке представляется текущая позиция российского правительства по активизации сотрудничества с Китаем и сохранению нейтралитета в американо-китайском соперничестве, поддержание отношений делового сотрудничества с Японией, делового и политического сотрудничества с Республикой Корея, укрепление связей с КНДР при одновременном содействии отказа ее от программы создания ракетно-ядерного оружия. Также безопасность российского Дальнего Востока нельзя рассматривать вне контекста внешней и оборонной политики России в целом. Относительная геополитическая слабость России в АТР может быть компенсирована за счет роста влияния России в мировой и регио-

нальной политике, подъема экономики, повышения боеспособности вооруженных сил и, безусловно, политики по поддержке Дальнего Востока со стороны федеральных властей.

В современных международных отношениях появилось больше инструментов для обеспечения безопасности, помимо военной мощи или баланса сил. Особенно ярко это проявляется в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где интенсивная милитаризация может сочетаться с экономической интеграцией. Дальний Восток не должен быть превращен в военный лагерь, закрытый от внешнего мира «железным занавесом», он должен быть открытым для сотрудничества со странами АТР, должен стать, «окном в Азию». Но в то же время Дальний Восток должен ощущать постоянную связь с остальной Россией и поддержку с ее стороны.

Вопросы обеспечения национальной безопасности также являются приоритетными для Японии и в то же время очень сложными, может быть, сложнее, чем для России. Прежде всего, это связано с тем, что ни с одной из соседних стран у нее нет беспроблемных отношений. Стремительный рост экономики Китая, сопровождающийся быстрым наращиванием военного и, что особенно неприятно для Японии, военно-морского потенциала, усиление военно-морской активности Китая в Южно-Китайском море, через которое идет практически весь импорт энерго- и минеральных ресурсов, вызывает в Токио большую озабоченность. К этому следует добавить проблему островов Сэнкаку и так называемые исторические проблемы, то есть память китайцев об японской агрессии во Второй мировой войне.

Хотя в 2018–2019 гг. встречи на высшем уровне между руководителями Японии и Китая возобновились, говорить о кардинальном улучшении двусторонних отношений не приходится. У руководства Китая негативную реакцию вызывают активные действия японских правящих кругов и лично премьер-министра Синдзо Абэ по налаживанию сотрудничества с теми странами Юго-Восточной Азии, которые выступают противниками экспансии Китая в Южно-Китайском море, прежде всего, Филиппинами и Вьетнамом. Не меньшую настороженность в Пекине вызывают усилия Токио по подключению Индии к совместной американско-японской стратегии создания единого Индо-Тихоокеанского региона, разумеется, за счет ущемления интересов Китая.

Таким образом, пытаясь укрепить свою национальную безопасность такими мерами, Япония только способствует активизации

ответных действий со стороны Китая. Одним из таких действий является резкое увеличение корабельного состава китайских военно-морских сил и повышение его качества. Спуск в 2019 г. на воду третьего авианосца и первого большого универсального десантного корабля окончательно хоронит надежды Японии на обеспечение своей морской безопасности даже с привлечением сил и средств американских ВМС. В принципе уже сейчас, не говоря даже о ближайшем будущем, обеспечение национальной безопасности Японии зависит от благожелательного отношения к ней Китая, но своими предшествующими и нынешними действиями Япония делает такое отношение к ней все более маловероятным.

В последнее время заметно ухудшились отношения с Республикой Корея. Проблемы в них также коренятся в прошлом – колониальном господстве Японии на Корейском полуострове, насильственных действиях в годы Второй мировой войны. Тут и проблема отправлявшихся в военно-полевые бордели императорской армии корейцев, и принудительного труда корейцев на японских заводах, шахтах и лесоразработках. Этим, кстати говоря, и объясняется появление корейской диаспоры на Сахалине.

В последние месяцы Япония ввела ограничения на экспорт в Республику Корея материалов для производства полупроводников, ударив по самому мощному экспортному сектору южнокорейской экономики. Сеул ответил на это отказом от продления соглашения по обмену с Японией разведывательной информацией по КНДР. Обе страны исключили друг друга из списков преференциальных торговых партнеров. Лидеры Японии и Республики Корея отказались встречаться друг с другом на саммите «группы двадцати» с июне нынешнего года в г. Осака и на полях Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке в сентябре. На встрече министров иностранных дел в Нью-Йорке они смогли договориться только о продолжении контактов.

Конфликт в отношениях между двумя ключевыми союзниками США в Азии вызывает большое недовольство американского руководства, однако парадоксальность ситуации состоит в том, что Вашингтон не может отдать предпочтение ни одной из конфликтующих сторон, несмотря на неоднократные призывы к нему со стороны японского и южнокорейского руководства содействовать разрешению конфликта. И государственный секретарь США Майк Помпео, и президент Дональд Трамп неоднократно выражали со-

жаление по поводу этого конфликта и призывали стороны к примирению, но эти призывы не дали пока никакого эффекта.

Стратегия США в Северо-Восточной Азии и в части противостояния с Россией, и в части противостояния с Китаем строится на базе тройственного блока США – Япония – Республика Корея при обязательном тесном взаимодействии между двумя последними компонентами. В настоящее время такое взаимодействие хотя и не утрачено, но очень сильно ослаблено, что для США в силу их обостряющегося соперничества с Китаем крайне не ко времени, однако изменить ситуацию они пока не в состоянии. С учетом того, что по большому счету инициатором конфликта является Япония и именно она не склонна идти на компромисс, она косвенно становится причиной ослабления позиций США в этом регионе Азии и это не добавляет прочности уже японско-американским отношениям. Если к этому добавить обострившиеся трения в экономической сфере, вызванные профицитом Японии в торговле США, то у Японии просматриваются проблемы в части обеспечения национальной безопасности и на американском направлении

КНДР тоже стала источником серьезнейшей угрозы для Японии. Создание в этой стране ракетно-ядерного оружия стало крайне болезненным ударом для Токио, которому теперь приходится решать, как реагировать на эту угрозу. Японскому руководству пришлось отказаться от позиции полного игнорирования КНДР и начать поиски путей налаживания с ней хотя бы минимальных отношений. В 2019 г. премьер-министр Синдзо Абэ объявил о готовности встретиться с лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном «без предварительных условий». Ранее такими условиями называлось возвращение в Японию японских граждан, похищенных северокорейскими спецслужбами в 1970–1980-х гг. Более 10 лет назад тогдашний руководитель КНДР Ким Чен Ир, признав факт похищения, возвратил 5 японцев на родину и сообщил, что 8 из похищенных уже умерли. Однако Япония настаивает на том, что было похищено не 13, а 18 человек и требует их возвращения. Однако даже снятие этого условия не подвигло руководство КНДР идти навстречу предложению Японии о двустороннем саммите. Заручившийся поддержкой Китая и России, выторговавший переговоры непосредственно с высшим руководством США Ким Чен Ын может себе позволить не торопиться с налаживанием контактов с Японией. Таким образом, Япония своими недальновидными действиями приобрела еще одну серьезную проблему в обеспечении на-

циональной безопасности, на этот раз со стороны КНДР, которая де-факто является обладателем ракетно-ядерного оружия и которая в части отношения к Японии солидарна практически со всеми антияпонскими действиями со стороны Республики Корея.

Правительство Японии решает проблему обеспечения национальной безопасности в рамках своих союзнических отношений с США в соответствии с имеющимися значительными экономическим и финансовыми возможностями. Эти отношения насчитывают 70 лет и имеют сложившиеся формы военно-политического взаимодействия, однако с учетом последних изменений в глобальном миропорядке, явной утраты США своего абсолютного геополитического превосходства, возможности двустороннего альянса по обеспечению национальной безопасности Японии также сокращаются.

В течение многих десятилетий Япония, будучи основным опорным пунктом США в борьбе с СССР, приобрела большие экономические преимущества, благодаря которым в значительной степени долго занимала вторые, а затем третьи позиции в мировой экономике и построила хорошо организованное и в значительной степени социально ориентированное государство. Она и сегодня является важнейшим стратегическим партнером США, теперь уже в отношении Китая. Однако, хотя она и сохраняет для США стратегическую ценность, ослабление американской экономической мощи, заставляет американское руководство присматриваться к цене вопроса содержания союзника. Еще в период избирательной кампании президент Дональд Трамп неоднократно заявлял, что Япония неоправданно мало платит США за то, что они обеспечивают ее безопасность, и что ее профицит в торговле с США носит несправедливый характер и должен быть устранен. Хотя за три года своего президентства Д.Трамп пока еще не дошел до практической реализации своих угроз, но очевидно, что и на американском направлении Японию ждут, как минимум, нелегкие времена.

В настоящее время упор делается на становление страны в качестве одного из центров силы в АТР, развитие сотрудничества с США в сфере обороны и повышение роли вооруженных сил в достижении внешнеполитических целей. В соответствии с этими установками японское руководство принимает меры по наращиванию возможностей сил самообороны для защиты национальных интересов в различных районах мира.

С учетом всего комплекса проблем с обеспечением национальной безопасности Японии, есть все основания считать, что отношения с Россией сегодня для Японии, даже с учетом так называемой проблемы «северных территорий», далеко не самые проблемные. Политика России на Дальнем Востоке в целом и в отношении Японии, в частности, по сравнению с другими соседними государствами гораздо более предсказуема и не содержит каких-либо претензий к ней. Россия наряду с Турцией входит в немногочисленную группу стран, народы которых очень благожелательно относятся к японскому народу, а на Дальнем Востоке Россия в этом плане вообще находится в одиночестве. Между руководителями обеих стран сложились хорошие личные отношения, что занимает далеко не последнее место в международных отношениях.

Действительно, обе страны по-разному представляют себе вызовы их национальной безопасности, но это не означает, что в этой сфере невозможны общие позиции. Прежде всего, обе страны заинтересованы в сохранении стабильной ситуации в регионе, в том, чтобы здесь не произошло военных конфликтов, в том, чтобы были найдены решения накопившихся здесь проблем, в том, чтобы экономика региона и стран устойчиво развивалась

Представляется, что эти общности представляют собой достаточно прочную базу для развития разностороннего и, прежде всего, экономического сотрудничества между Россией и Японией, что в итоге будет способствовать укреплению стратегической безопасности обеих стран.

«НОМО ECONOMICUS» ИЛИ «НОМО SAPIENS»? (ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ВНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ОСВОЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)

Лившиц Р.Л.

*Амурский гуманитарно-педагогический университет
Комсомольск-на-Амуре*

Аннотация. Показано, что, несмотря на предпринимаемые меры со стороны правительства РФ, основной проблемой современного Дальнего Востока России является отток населения. Предполагается, что причина неудач лежит в мировоззренческой, философской основе проводимой политики. Предлагается отказ от либеральной парадигмы в пользу альтернативной – гуманистической, суть которой состоит в понимании человека как существа не столько экономического, сколько разумного.

Ключевые слова: «homo economicus», «homo sapiens», мировоззрение, философская концепция, экономическая политика, Дальний Восток России.

Основной проблемой современного Дальнего Востока России является отток населения. Максимальная численность населения на Дальнем Востоке наблюдалась в 1991 г. Она составляла чуть более восьми миллионов человек. После смены государственного и политического устройства страны начался отток населения. Оно уменьшилось на четверть и продолжает таять. В 1990-е гг. никаких попыток противостоять этому процессу фактически не предпринималось. В те времена в России происходил процесс разрушения прежних общественных порядков и формирования новых. В первое десятилетие существования Российской Федерации центральной власти было не до Дальнего Востока. Когда контуры нового общественного порядка сложились, ситуация изменилась. Власть вполне осознала, что продолжение оттока населения с территории Дальнего Востока может со временем привести к утрате этого региона. Был предпринят ряд попыток противодействовать неблагоприятной тенденции, что несколько улучшило ситуацию. Темпы оттока населения снизились, но остановить процесс не удалось. Это может свидетельствовать либо о недостаточности прилагаемых государством усилий, либо о том, что неверна сама философия, лежащая в их основе. Если принять первую гипотезу, нет необходимости

принципиально менять подходы к решению проблемы, нужно лишь увеличить финансирование. Именно такой позиции придерживается руководство страны в течение последних двадцати лет (Ишаев и др., 2015; Галичанин и др., 2003). За эти годы был разработан и воплощен в жизнь ряд мер, нацеленных на то, чтобы предотвратить дальнейшую деградацию Дальневосточного региона. В экономику Дальнего Востока России были вложены значительные средства. Было также разработано и в той или иной степени претворено в действительность несколько масштабных программ, однако их основная цель так и не была достигнута (Лившиц, 2011).

Дальнейшее наращивание усилий наталкивается на объективные препятствия. Во-первых, перед государством стоит множество других задач – как текущих, так и перспективных, – которые ставят предел финансированию мер по освоению Дальнего Востока. Во-вторых, общая экономическая ситуация в стране не улучшается, что еще более сужает возможности правительства (Минакир, 2019).

Неудача попыток предотвратить отток населения с Дальнего Востока заставляет поставить вопрос о мировоззренческой, философской основе проводимой политики. Как практика, так и риторика власти свидетельствует о том, что эта политика исходит из либеральной трактовки человека как существа в первую очередь экономического (Лившиц, 2016). «Homo economicus» – вот та абстракция, которая выступает в роли путеводной звезды, направляющей деятельность власти. Да, человек действительно является существом экономическим. Животные не имеют экономики, т. к. они не преобразуют природу, а приспосабливаются к ней. Человек погружен в искусственную среду, созданную трудом, и потому он вовлечен в экономические отношения. Так что представление о человеке как экономическом существе отражает реальное положение вещей. Вопрос заключается в том, сводится ли человеческая жизнь к существованию в качестве субъекта экономических отношений. Конкретно речь идет о тех отношениях, которые в настоящий исторический момент господствуют, т. е. о капиталистических отношениях. Если ответить на этот вопрос положительно, необходимо признать, что главный стимул человеческой деятельности – увеличение ассортимента и объема находящихся в собственности благ. В этом случае стремление к обладанию оказывается главным смыслом человеческой жизни. Если человек, не имеющий автомобиля, смог его приобрести, он счастливчик. А если ему удалось ку-

пить вторую машину, то он счастлив вдвойне. В такой системе мировоззренческих координат рост материального благосостояния населения воспринимается как естественное мерило успеха власти.

Применительно к проблеме предотвращения оттока населения с территории Дальнего Востока это означает, что власть, исповедующую такую философскую веру, должна добиваться превышения уровня благосостояния дальневосточников над уровнем жизни населения других регионов. В условиях плановой экономики решение этой задачи могло быть достигнуто за счет районных коэффициентов к зарплате. Эта мера была легко осуществима, потому что Советский Союз представлял собой единую корпорацию, внутри которой потоки материальных благ распределялись исходя не из требований экономической эффективности, а из соображений общественной целесообразности. Но в капиталистической экономике такая простая мера нереализуема, поскольку значительная часть экономической деятельности протекает во внебюджетной сфере. Приходится использовать более сложные механизмы перераспределения материальных благ в пользу дальневосточников, однако их эффективность, как показала практика, оставляет желать лучшего. Нужно искать новый подход к решению стоящей перед Россией задачи, и он, на наш взгляд, связан с отказом от либеральной парадигмы в пользу альтернативной. Ее можно назвать гуманистической. Суть этой последней состоит в понимании человека как существа не столько экономического, сколько разумного. Гуманистическая парадигма исходит из абстракции «*Homo sapiens*», трактуемой отнюдь не в биологическом смысле. На русский язык латинское выражение «*homo sapiens*» переводится как «человек разумный». Разумный – значит не просто обладающий сознанием, а способный сдерживать иррациональные влечения, выстраивать долговременную жизненную стратегию, избегать крайностей, понимать истинную ценность вещей. Человек разумный властвует над своими страстями. Смысл своей жизни он видит не в погоне за символами материального успеха, а в творческой самореализации. Он стремится работать не там, где больше платят, а там, где существуют наибольшие возможности для приложения его сил и талантов. Успех советской власти в освоении Севера и Дальнего Востока объясняется не только тем, что широко использовались материальные стимулы, но и тем, что миллионам людей были созданы условия для созидательного труда. Так, в Комсомольске-на-Амуре был построен авиационный завод, на котором производилась продук-

ция высочайшего технического уровня. В том же городе с нуля был возведен судостроительный завод, выпускавший атомные подводные лодки. Возможность трудиться на высокотехнологичном производстве – сама по себе привилегия, ибо такой труд наполняет человеческую жизнь надличностным смыслом, дает работнику ощущение своей причастности к великим свершениям страны и народа. Конечно, существовали и другие производства, имеющие не столь высокий технологический уровень. Было бы неправильно отказываться от развития сырьевых отраслей промышленности в регионе, богатом природными ресурсами. Однако общую ауру города, как и региона в целом, определяло осознание его жителями своей роли в делах страны, ощущение своей причастности к великим свершениям народа. Никакие материальные блага не могут заменить этого ощущения. На Дальний Восток людей влекла не только возможность хорошо заработать, но и романтика созидания.

Какие из данного тезиса следуют практические выводы? Гуманистическая парадигма вовсе не требует отказа от мер экономического порядка для решения социальных (в том числе и демографических) проблем. Экономика была, есть и будет основой общественной жизни. Но представление о человеке как существе в первую очередь разумном и лишь во вторую – экономическом побуждает иначе расставлять приоритеты. Так, размещение высокотехнологичных производств на Дальнем Востоке с либеральных позиций выглядит как нерациональное решение, а с альтернативной точки зрения именно оно и является оптимальным. Высокотехнологичные производства требуют высококультурного работника – образованного, дисциплинированного, обладающего развитым чувством ответственности. Само существование таких работников оказывает облагораживающее влияние на социальную среду. В итоге Дальний Восток сможет вновь обрести репутацию земли, овеянной романтикой созидания, дающей талантливым и целеустремленным людям возможность для творческой самореализации. Это гораздо более действенный стимул для того, чтобы здесь жить и работать, чем перспектива добиться материального преуспевания. Гуманистическая парадигма предполагает иной способ решения социальных проблем, чем либеральная, – например, такой проблемы, как жилищная. В настоящее время упор делается на строительство коммерческого жилья. Но приобрести его могут лишь те, кто уже располагает соответствующими финансовыми средствами, т. е. люди зрелого возраста. Жилье же требуется в молодости. Поэтому

предпочтительней была бы иная тактика: возведение качественного некоммерческого жилья за счет средств муниципалитетов. Так можно было бы обеспечить комфортные жилищные условия для квалифицированных специалистов, прибывающих из западных регионов страны. Проработав достаточный срок, они смогли бы сделать сбережения, позволяющие им с течением времени приобрести жилье в том регионе, который они предпочтут. (Не обязательно на Дальнем Востоке.)

В настоящее время прилагаются немалые усилия для того, чтобы в общественном сознании создать привлекательный образ Дальнего Востока. Однако эти усилия оказываются безрезультатными из-за очевидного расхождения рекламы и реальности. Но если на Дальнем Востоке создать кластер высокотехнологичной индустрии, ситуация коренным образом изменится. Само существование этого кластера немыслимо без современной социальной инфраструктуры: современного здравоохранения, высших учебных заведений, учреждений культуры различного типа и т. п. В настоящее время такого рода инфраструктуру принято называть комфортной средой. Масштабная попытка создания такой среды с недавних пор предпринимается в Комсомольске-на-Амуре. Ее следует только приветствовать. Однако сама по себе, оторванная от всего комплекса организационных и экономических мер, она не сможет решить проблему оттока населения.

Список литературы

- Галичанин Е.Н., Уваров В.А., Юрченко А.Г. Адаптация промышленных комплексов зоны Севера к условиям рынка. Хабаровск: 2003. 238 с.
- Ишаев В.И., Ивантер В.В., Кувалин Д.Б. Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона. Государственный подход. М.: МАКС Пресс. 2015. 264 с.
- Лившиц Р.Л. «Конфликт мифологий» или изъясн стратегии? О перспективах эволюции Дальнего Востока России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 4 (52). С. 161–168.
- Лившиц Р.Л. Российский Дальний Восток в аспекте геополитики // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни : мат-лы междунаро. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре, 2011. С. 104–109.
- Минакир П.А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017.

ПРОБЛЕМЫ В ПРОДВИЖЕНИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОЙ ТОРГОВЛИ

Мазитова М.Г.

**Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск**

Аннотация. Рассматривается состояние торговых отношения Российской Федерации и Японии. Отмечается, что важным в продвижении российско-японских торговых отношений является не только количественный рост, но и качественная диверсификация экономических связей стран и улучшение условий для ведения бизнеса в России.

Ключевые слова: внешняя торговля, Япония, Россия.

Внешнеторговые связи Российской Федерации (РФ) и Японии развиваются стабильными темпами, однако находятся на невысоком уровне. По данным Федеральной таможенной службы РФ, товарооборот между странами в 2018 г. увеличился на 17% до 21,3 млрд долл., но по-прежнему значительно ниже исторического максимума, достигнутого в 2013 г. (33,2 млрд долл.). Несмотря на позитивную динамику в последние четыре года наблюдается тенденция снижения доли Японии в российском внешнеторговом обороте, в частности, в экспорте. Так, в 2018 г. доля Японии в российской внешней торговле составила 3,1% (в 2015 г. – 4,0%), в экспорте – 2,8% (4,2%) (*рис.*). В 2018 г. Япония занимала 10 позицию среди внешнеторговых партнеров РФ, 11 – по экспорту и 6 – по импорту. Россия в свою очередь также не входит в число ведущих внешнеторговых партнеров Японии.

В современном глобализирующемся мире интенсивность связей между национальными экономиками во многом определяется взаимодополняемостью на межкорпоративном уровне. В условиях, когда производственные системы компаний, в том числе и японских, представляют собой разветвленные международные производственные сети, предметом международной торговли все больше становятся не товары и услуги как таковые, а доли в добавленной стоимости, формирующие стоимость конечного продукта. Международная торговля все в большей степени становится внутрифирменной. В мировом товарообороте растет доля промежуточной продукции – частей и компонентов (Тимонина, 2016).

Рис. Динамика внешней торговли Российской Федерации с Японией

Примечание: левая шкала – стоимостные показатели внешней торговли РФ с Японией (млрд долл.), правая шкала – доля Японии во внешней торговле РФ (%).

Источник: рассчитано на основе таможенной статистики.

Структура торговли России и Японии, однако, не претерпевает существенных изменений на протяжении многих лет. Россия выступает преимущественно как поставщик определенных видов сырья: энергоресурсов, цветных металлов, морепродуктов и древесины. Так, в 2018 г. доля продукции топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в экспорте России в Японию составила 76,1%, металлов и изделий из них – 7,7%, драгоценных металлов и камней – 5,6%, древесины и целлюлозно-бумажной продукции – 3,9%. Структура импорта также остается стабильной. В 2018 г. импорт России из Японии на 80,1% состоял из машин, оборудования и транспортных средств, 11,2% – из продукции химической промышленности и 3,5% – из металлов и изделий из них.

Традиционной остается и географическая концентрация внешней торговли России с Японией на Дальнем Востоке¹, через который осуществляется почти половина (2018 г. – 49,2%) российских экспортных поставок в Японию (часть экспорта отправляется

¹ Под Дальним Востоком подразумевается Дальневосточный федеральный округ (ДФО).

через порты Черного и Балтийского морей) и значимая доля (2018 г. – 5,6%) импорта из Японии, большая часть которого поступает через страны Западной Европы. Для самих дальневосточных территорий Япония является одним из трех основных торговых партнеров на протяжении многих лет (Прокапало и др., 2019).

Приоритетной задачей в продвижении российско-японской торговли является не только количественный рост, но и качественная диверсификация экономических связей. Необходимы выход за традиционные сферы сотрудничества и вовлечение во взаимодействие широкого круга компаний различных профилей и из разных регионов двух стран. В этом контексте особо актуальной остается работа по созданию благоприятного делового климата (Перспективы..., 2019).

Важнейшим благоприятным фактором для развития внешне-торгового сотрудничества между Россией и, прежде всего, ее дальневосточными регионами, и Японией следует считать активную позицию в этом вопросе премьер-министра С. Абэ. В мае 2016 г. во время встречи в г. Сочи с президентом РФ В.В. Путиным он предложил «План сотрудничества из восьми пунктов», который предусматривает расширение сотрудничества в таких направлениях, как медицина, градостроительство, сотрудничество между предприятиями малого и среднего бизнеса, энергетика, диверсификация промышленной структуры России, развитие промышленности на российском Дальнем Востоке, передовые технологии и гуманитарные обмены. Отдельные проекты в таких сферах, как медицина и сельское хозяйство, уже реализуются, тем не менее говорить о том, что подобные проекты уже привели к качественной трансформации российско-японского внешнеэкономического сотрудничества, пока рано.

Важную роль в развитии российско-японского торгово-экономического сотрудничества играет Восточный экономический форум, который ежегодно проводится во Владивостоке, начиная с 2015 г. Так, в рамках 5 ВЭФ, проходившего 4–6 сентября 2019 г., главой Российского экспортного центра (РЭЦ) и председателем ДЖЕТРО был подписан меморандум о сотрудничестве для создания российско-японской платформы продвижения торгово-экономических проектов. Каналами продвижения проектов станут мэтчинговая платформа ДЖЕТРО Trade Tie-Up Promotion Program, различные деловые мероприятия с участием российского и японского бизнеса, совместные семинары и другие образовательные

инициативы, а также интеграция российских поставщиков в производственные цепочки японских корпораций. Группа РЭЦ нацелена на всестороннее продвижение российских экспортно ориентированных компаний на рынок Японии, принимая во внимание высокую значимость этой страны для решения задач по технологическому развитию и расширению российского несырьевого экспорта (Глава..., 2019).

Но, в конечном счете, успехи в развитии двустороннего сотрудничества будут зависеть от реальных мер по улучшению условий для ведения бизнеса в России – особенно учитывая, что японская сторона регулярно называет «нестабильность правовой системы и сложную процедуру инвестирования» в качестве препятствий к дальнейшему развитию сотрудничества в этой области (Материалы..., 2018). Существуют в этой сфере и другие сдерживающие факторы, не зависящие от России или Японии, – прежде всего, введенные США против России санкции, осложняющие расчеты в долларах и угрожающие японским компаниям, ведущим бизнес с Россией.

Список литературы

- Материалы XXXIII российско-японского симпозиума ученых-экономистов Дальнего Востока России и района Кансай (Япония) / под ред. П.А. Минакира ; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. 145 с.
- Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь № 50 / гл. ред. И. С. Иванов ; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. 44 с.
- Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // *Пространственная экономика*. 2019. № 2. С. 110–149. DOI: 10.14530/se.2019.2.110-149.
- РФ и Япония создают платформу для продвижения торгово-экономических проектов двух стран // ТАСС. 2019. 4 сентября. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6840569> (дата обращения: сентябрь 2019).
- Тимонина И.Л.* Россия – Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия // *Японские исследования*. 2016. № 1. С. 20–31.

РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

Минакир П.А.

***Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск***

Аннотация. Обсуждается «восточная политика» или, в новой редакции, «азиатская политика», провозглашенная после 2012 г. в качестве основного вектора экономической политики России. Приводятся оценки внешне-торговых и инвестиционных взаимодействий России и стран АТР за период 2013–2018 гг. Особый акцент делается на потенциале восточных регионов России с точки зрения интеграции с экономиками стран АТР. Приводятся аргументы, на основе которых подтверждается некорректность целевых параметров, заложенных в проекте национальной программы социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2035 г.

Ключевые слова: экономическая политика, азиатская политика, внешнеторговые взаимодействия, инвестиционные потоки, Дальний Восток, Россия, страны АТР.

4–6 сентября 2019 г. прошел 5-й Восточный экономический форум, который является главной геополитической площадкой для России в зоне АТР. Форум в Санкт-Петербурге специализирован на глобальную повестку дня, демонстрацию приверженности России либеральным экономическим ценностям и иллюстрации того, какие результаты эта приверженность приносит России. А Восточный форум посвящен демонстрации успехов России в развитии экономики своих восточных районов, прежде всего Дальнего Востока, и прогрессу в интеграции России с экономиками стран АТР на двусторонней и многосторонней основе. При этом созданный в 2014 г. формат Восточного форума был обречен играть роль еще и геополитической площадки не только азиатско-тихоокеанского, но глобального масштаба, так как Восточная Азия в политическом смысле стала для России альтернативой атлантического направления во взаимодействиях с внешним миром.

В экономическом отношении Восточная Азия стала восприниматься экономической элитой России желанной альтернативой евроатлантического вектора экономических взаимодействий уже после кризиса 2009 г., когда экономика России столкнулась со стаг-

нацией спроса в Европе на основные продукты российского экспорта. Нужно было искать новые рынки для извлечения ренты с природных ресурсов, особенно углеводородов, такими новыми рынками показались рынки Восточной Азии. «Восточная политика» или, в новой редакции, «азиатская политика», провозглашенная после 2012 г. в качестве основного вектора национального развития, стала своеобразным брендом экономической политики России (Прогноз..., 2013).

Некоторые экономические следствия такой переориентации можно заметить, по крайней мере, во внешнеторговой сфере. Доля товарооборота России со странами Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) составила в 2018 г. 22,4% общей стоимости внешнеторгового оборота против 17,7% в 2013 г. Значительно более высокая зависимость существует между странами Северо-Восточной Азии и российским Дальним Востоком. Около 80% общего товарооборота Дальневосточного федерального округа в 2018 г. составил товарооборот с вышеупомянутыми тремя странами СВА. Именно между ними распределяется практически весь экспорт сырьевой продукции региона, в том числе (в 2018 г.) 91,9% от всего экспорта продукции ТЭК, 96,7% рыбной продукции, 98,5% продукции деревообрабатывающей промышленности (Прокапало и др., 2019; Регионы..., 2019).

Особое место в международном экономическом сотрудничестве занимает развитие Дальнего Востока, базирующаяся на новой концепции государственной политики, содержание которой характеризуется несколькими пунктами:

- переход от сплошных государственных инвестиций в комплексное социально-экономическое развитие региона к точечным инвестициям в развитие инфраструктуры (прежде всего транспортной);
- акцент на поддержку крупных и крупнейших инвестиционных проектов, ориентированных, прежде всего, на экспорт продукции;
- переход от преимущественно инвестиционной политики к политике институциональной, внедрение новых институтов развития (агентство по развитию человеческого капитала, государственная корпорация по развитию Дальнего Востока, агентство по поддержке инвестиций);
- переход от политики сплошного освоения к политике создания локальных центров роста (территории опережающего соци-

ально-экономического развития, свободный порт, специальные административные районы, «дальневосточный гектар»);

- переход от политики предоставления отдельных льгот к политике выравнивания условий ведения бизнеса с общероссийскими стандартами в области издержек производства (энерго- и транспортные тарифы).

В течение 2013–2018 гг. ряд инициатив по созданию локальных зон опережающего развития на Дальнем Востоке, снижению издержек производства в части энерго- и транспортных тарифов, снижению административных барьеров были превращены в законы и постановления правительства.

До настоящего времени, однако, существенного изменения темпов и структуры экономики, демографических тенденций в регионе не произошло. Инерция экономического поведения, ориентированного на рыночные критерии, которые диктует развитие в соответствии с динамикой и структурой спроса, оказалась слишком велика и составившая в среднем за 2014–2018 гг. норма накопления в размере 25–27% была не в состоянии преодолеть эту инерцию. Государство не имеет достаточных средств для существенного изменения в экономике региона вопреки сложившимся тенденциям, частный капитал ориентируется на традиционные экспортно ориентированные виды деятельности, динамика которых ограничена внешними факторами. Иностранный капитал заинтересован в основном в сырьевых проектах и производстве экспортно ориентированной продукции, возможности эксплуатации внутреннего российского рынка на Дальнем Востоке весьма ограничены (Минакир, 2019).

Ожидалось, что на 5-м Восточном экономическом форуме в г. Владивостоке состоится официальная презентация национальной программы социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2035 г., которая должна заменить действующую Государственную программу развития этого региона до 2025 г. (Национальная..., 2019). По идее она должна была объяснить, почему за 5 лет, прошедшие после утверждения Государственной программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона, так и не получено положительных результатов ни в экономическом, ни в социальном плане. Даже рост инвестиций в Дальневосточном федеральном округе на 17% в 2017 г., который упорно связывают с эффектом новой экономической политики на востоке РФ, в том числе с действием разнообразных льгот и дополни-

тельным финансированием, никак не сказался на росте экономики и качестве жизни населения.

Однако анализ проекта новой национальной программы показывает, что основы для хотя бы 3–4% ежегодного экономического роста в регионе до сих пор не создано, хотя национальная программа декларирует достижение роста в размере 6% в год. Седьмой год на Дальнем Востоке, как и во всей стране, продолжается стагнация. В 2018 г. ВРП Дальневосточного федерального округа увеличился по отношению к 2012 г. только на 1,9% против 3% в целом по России.

Вместе с тем за последние 5 лет на Дальнем Востоке осуществлен ряд крупных мероприятий в области регулирования и стимулирования инвестиционной активности, чего не было в других регионах России, которые демонстрировали значительно более высокий и стабильный рост. Норма инвестиций в регионе составляет около 30% в ВРП в отличие от 17% в среднем по России. И при этом темпы не растут. Почему? В Казахстане, например, где норма инвестиций тоже около 30%, экономический рост в последние годы составляет около 4%. Развивающиеся страны в среднем при доле инвестиций в ВВП 30–35% развиваются темпом 4–5%. Почему Дальний Восток оказывается исключением из этого общего правила?

Во-первых, при высокой норме в 2018 г. объем инвестиций на Дальнем Востоке в 2013–2018 гг. сократился на 7%. И поэтому 17-процентный рост инвестиций в 2017 г. не смог обеспечить даже нулевой рост экономики Дальнего Востока.

Во-вторых, воспроизводится низкая прибыльность и высокая убыточность предприятий и организаций в регионе. У них не хватает средств даже для того, чтобы поддерживать нулевой рост. В России сальдированный финансовый результат составляет 7,3% к ВВП, а на Дальнем Востоке – 3,1% (всего 282,2 млрд руб.), а более 60% валовых инвестиций российских агентов финансируется из собственных средств.

В-третьих, на Дальнем Востоке совершенно не развита банковская система. Сумма кредитов предприятий и организаций Дальнего Востока по отношению к ВВП в 1,6 раза меньше средних показателей по России.

В-четвертых, доля бюджетных средств в общей сумме инвестиций составляет в регионе 11,2% против 15,3% по России. Это справедливо и для средств федерального бюджета (6,4% против 7,4% в среднем по России). Все финансовые вложения в экономику

на Дальнем Востоке в 2018 г. составили 1,6% от общероссийских финансовых вложений, что вдвое меньше удельного веса ВРП Дальнего Востока в валовом внутреннем продукте РФ.

В-пятых, наиболее существенной причиной является сравнительно низкое качество человеческого капитала, которое ухудшается, благодаря структурной миграции.

Одной из фундаментальных причин низких темпов и низкой вероятности их повышения является отрицательная динамика и сравнительно низкий уровень конечного потребления. Реальное конечное потребление домашних хозяйств в сопоставимых ценах на Дальнем Востоке составляет 94% от общероссийского показателя, хотя номинально денежные доходы и потребительские расходы на душу населения на Дальнем Востоке выше, чем в России. Но стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе дороже в среднем на 21% по сравнению с усредненными данными по России.

Важной составляющей конечного спроса являются инвестиции в жилищное строительство. В нормальной экономике, по крайней мере, 20–25% экономического роста связано с ростом объема жилищного строительства, который генерирует спрос на развитие инфраструктуры, коммунального хозяйства, промышленности стройматериалов и других отраслей, рост покупок, связанных с приобретением нового жилья. Жилищное строительство обуславливает огромные финансовые потоки, в том числе в связи с продажей вторичного жилья. И все это увеличивает объемы ВРП. Но на Дальнем Востоке, где и так одни из худших в России показателей обеспеченности комфортным жильем на душу населения и его благоустройства, отставание жилищного строительства программируется на перспективу. В проекте национальной программы намечается рост жилищного строительства в 1,6 раза за 7 лет, а в целом по России это увеличение запланировано за 6 лет. В результате разрыв в обеспеченности жильем увеличится к 2025 г. до 2 раз.

В проекте национальной программы по каждому из субъектов Федерации дается довольно длинный перечень создания новых предприятий или прироста мощностей у действующих предприятий. При этом отсутствует даже попытка отделить главное от второстепенного, существенное от несущественного.

Особое значение для Дальнего Востока имеет транспорт. Недостатки в его развитии в последние годы привели к потере Россией нескольких миллиардов долларов. Например, пропуск китайских

грузов, в том числе контейнеров, через станцию Забайкальск. Раньше Забайкальск был монопольным пунктом пропуска китайских грузов по железной дороге. Но отсутствием развития перехода, задержками поездов воспользовался Казахстан. Китайские инвестиции были вложены в создание современного перехода, где простой составляет несколько часов, а не дней, как в Забайкальске, и где проходят уже подготовленные для маршрута скомплектованные грузовые поезда, в отличие от Забайкальска, где их формирование происходит перед станцией. В результате подавляющая часть грузов, особенно контейнеров, из Китая идет через Казахстан, а далее – сразу в Западную Сибирь, что в 1,5 раза уменьшило выручку с одного контейнера. Другим тормозом явится недостаточная пропускная способность Транссиба и БАМа. В программе обещается перевезти 210 млн тонн грузов, но про реальные мероприятия, которые гарантировали бы действительную коренную реконструкцию важнейших транспортных магистралей, ничего не говорится.

В перечне объектов для строительства на Дальнем Востоке преобладают добывающие предприятия. Причем торгуют они полупродуктами, а то и просто сырьем. Создание глубоких перерабатывающих комплексов даже не обсуждается. В случае же планирования новых мощностей добывающей промышленности почти все оборудование для них намечается импортировать, что из-за заниженного курса рубля резко увеличивает капиталоемкость. Не обсуждается создание в регионе машиностроительных мощностей по сборке, а впоследствии и более глубокой подготовке оборудования, там, где это целесообразно. Примеры Казахстана, Владимирской области и других регионов не учитываются.

И в целом по стране, и на Дальнем Востоке ситуацию с производством средств производства необходимо кардинально изменить. Ведь мы даже простую турбину для парогазовой электростанции, где КПД вдвое выше, чем на наших уже действующих электростанциях, которые потребляют вдвое больше газа, чем надо, не можем произвести. Хотя производим двигатели для самолетов, в том числе и новейшие типа ПД-14, не уступающие западным образцам, что неизмеримо более сложно. То же самое относится и к ракетным двигателям.

Согласно проекту национальной программы для достижения экономического роста 106% в год в период 2019–2025 гг. на Дальний Восток должно поступить 11,5 трлн руб. инвестиций (в период 2012–2018 гг. поступило 7 трлн руб.). Это означает ежегодный при-

рост объема инвестиций в основной капитал порядка 8%. Такой прирост инвестиций никогда не даст 6-процентного экономического роста, тем более что нужно преодолеть стагнацию. В лучшем случае при таком росте инвестиций общий экономический рост может составить 104% в среднем за год. Чтобы получить 6% в год в регионе нужно увеличивать инвестиции в главные драйверы социально-экономического роста (обрабатывающую промышленность, НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, роботизацию, биотехнологии, здравоохранение не менее, чем на 12–14% в год, а в целом объем инвестиций увеличивать на 10% в год. Но эти проценты нужно суметь профинансировать.

В бюджете таких денег нет. Основные финансовые ресурсы в России сосредоточены в банковской системе, активы которой составляют 92,5 трлн руб., тогда как вся сумма государственных средств, включая внебюджетные фонды (пенсионный, здравоохранение и социальный), составляет менее 40 трлн руб. Но этот источник почти совсем не используется на Дальнем Востоке. Нужно использовать инвестиционный кредит, чтобы увеличить уровень кредитования проектов развития. Ставки кредита в зависимости от типа проектов – от 2 до 5%. Сами банки на это не пойдут. Здесь-то и нужна национальная программа.

Почему весь пафос национальной программы свелся только к повышению темпов роста и / или объемов привлеченных в регион инвестиций – загадка. Ведь в действительности основной задачей является обеспечение увеличения общезкономического потенциала, уровня социального развития и качества жизни населения. Экономика в 70 млрд долл. США не в состоянии ни интегрироваться на приемлемых условиях, ни привлечь сколько-нибудь заметный иностранный капитал из АТР. В АТР ценится уровень и динамика развития. А льготные налоговые условия ценятся лишь отдельными инвесторами и только в тех направлениях, которые уже обеспечены емким и стабильным рынком. А это – сырьевые отрасли. Гоняясь за темпами и объемами инвестиций, мы сооружаем для региона порочный круг с положительной обратной связью. Один из таких контуров положительной обратной связи – история с созданием рабочих мест в регионе. В программе предусмотрено, что стоимость создания одного рабочего места составляет почти 28 млн руб. или более 400 тыс. долл. США. Даже с учетом северных удорожания и высокой степени инфраструктурной необустроенности региона, большой доли добывающей промышленности это – за пределами

высокая цена, которая не встречается, пожалуй, ни в одной стране мира. При такой стоимости рабочего места его окупаемость вообще оказывается под вопросом, какой бы уровень производительности труда не был обеспечен.

Все это грозит привести к закукливанию экономики региона, превращению ее в ресурсную резервацию, резервуар для сырьевой подпитки окружающего развивающегося мира.

А тем временем окружающий Дальний Восток мир (АТР и СВА), несмотря на мощные тенденции протекционизма в последнее время, неуклонно движется в сторону интеграции. Если и не глобальной, то региональной.

В зоне АТР после отказа США участвовать в интеграционной группировке ТТП все равно формируются альтернативные интеграционные форматы (Всеобъемлющее прогрессивное тихоокеанское партнерство, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли, зоны свободной торговли АСЕАН+3, АСЕАН+1). Россия потенциально присутствует только в одном формате – АТЭС. Но зато это самый нежизнеспособный формат.

Ключ к прорыву – развитие экономики и социальной среды. И в первую очередь на Дальнем Востоке. Успехи в снижении налогов и в поддержке и сопровождении инвесторов не помогут в деле интеграции. Нужно унифицировать тарифное и нетарифное регулирование, причем нетарифное – более узкое место. Но и это не панацея.

Отдельные успехи в точечных инвестиционных проектах, даже очень крупных, приятны, особенно для отчетов и статистики, но не приводят к результату – системному развитию и улучшению экономической и социальной среды и перспективы. Нужен прорыв в форме формирования механизмов межвидовых межрегиональных финансовых трансфертов.

Это – не программа, даже национальная, не перечень инвестиционных проектов и благих пожеланий. Это – реальная государственная политика, которая, естественно, конфликтует с суммарными корпоративными интересами. Но нахождение эффективного компромисса между интересами и есть суть государственной политики.

Список литературы

- Минакир П.А.* «Программная» экономика: Дальний Восток // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 2. С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2019.2.007-016.
- Национальная программа развития Дальнего Востока до 2025 года / Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта. 2019. URL: <https://дв2025.рф/about> (дата обращения: май 2019).
- Национальная программа развития Дальнего Востока станет основной темой ВЭФ-2019 / Восточный экономический форум, Росконгресс. URL: <https://forumvostok.ru/news/natsionalnaja-programma-razvitija-dalnego-vostoka-stanet-osnovnoj-temoj-vef-2019/> (дата обращения: май 2019).
- Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2013. 25 марта. URL: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06 (дата обращения: май 2019).
- Прокапало О.М., Бардаль А.Б., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В.* Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. // Пространственная экономика. 2019. № 2. С. 110–149. DOI: 10.14530/se.2018.2.110-149
- Регионы России. Социально-экономические показатели / ФСГС. 2017–2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: май 2019).

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭРУ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Морозова О.В.

Глава администрации

Комсомольск-на-Амуре

Аннотация. Рассмотрены Стратегия и Долгосрочный план развития города Комсомольск-на-Амуре. Определены макроэкономические условия формирующиеся под влиянием внутренних и внешних факторов, а также в зависимости от внешней политики и маркетинговых стратегий, реализуемых головными холдингами и корпорациями, структурными подразделениями которых являются ведущие предприятия города. Показаны возможности международного сотрудничества в торговой, инвестиционной, туристической сферах.

Ключевые слова: города Комсомольск-на-Амуре, международное сотрудничество, стратегия развития, Дальний Восток России.

В настоящее время социально-экономическое развитие Комсомольска-на-Амуре строится в соответствии со Стратегией города, направленной на развитие инженерно-промышленного комплекса, формирование комфортной городской среды и высокого уровня и качества жизни населения.

Инженерно-промышленный статус города подтверждается ключевым направлением Стратегии развития Комсомольска-на-Амуре, а именно создание крупнейшего в стране научно-промышленного центра, являющегося одной из ведущих площадок размещения высокотехнологичных компаний на Дальнем Востоке и России в целом (Стратегия..., 2019).

Комсомольск-на-Амуре второй по величине город Хабаровского края, с населением 246 тыс. чел., из которых более 35% населения – это молодежь и дети. В Комсомольске-на-Амуре осуществляют свою деятельность около 10 тыс. хозяйствующих субъектов, на которых трудятся более 95 тыс. чел.

Экономика города в последние годы развивается в непростых макроэкономических условиях, под влиянием внутренних и внешних факторов, а также в зависимости от внешней политики и маркетинговых стратегий, реализуемых головными холдингами и кор-

порациями, структурными подразделениями которых являются ведущие предприятия города Комсомольска-на-Амуре. Но благодаря накопившемуся потенциалу, многие показатели имеют положительную динамику. Оборот организаций всех видов деятельности по городу по итогам 2018 г. составляет 3,9 млрд долл. США, объем промышленного производства – 2,1 млрд долл. США.

Комсомольск-на-Амуре по праву имеет статус промышленного центра Дальнего Востока. В городе сосредоточен основной промышленно-производственный комплекс – это машиностроение, черная металлургия, нефтеперерабатывающая промышленность (Филимоненко, 2018).

Развитию промышленного потенциала города уделяется большое внимание и на федеральном уровне. В 2018 г. правительством Хабаровского края совместно с федеральными органами исполнительной власти утвержден ведомственный проект Министерства промышленности и торговли РФ «Развитие промышленности в городе Комсомольске-на-Амуре». Он предусматривает обеспечение стабильной загрузки основных промышленных предприятий города на долгосрочный период.

В городе расположены филиалы таких ведущих российских промышленных холдингов, как «Объединенная авиастроительная корпорация», «Объединенная судостроительная корпорация», транснациональная корпорация «Газпром», нефтегазовая компания «Роснефть».

Известные во всем мире истребители марки Су, самолеты пятого поколения Су-57, гражданские самолеты «Сухой Суперджет-100», корветы, гражданские суда, нефтепродукты, отвечающие стандартам «Евро-4» и «Евро-5» – все это производится заводами Комсомольска-на-Амуре.

Для подготовки кадров инженерных специальностей задействованы все образовательные уровни. В Комсомольске-на-Амуре действует модель непрерывного образования «школа – вуз – предприятие». В школах города активно работают классы инженерно-технологической направленности, ориентированные на специализацию «Авиастроение», «Судостроение», «Химические технологии». В сентябре этого года открыла свои двери новая, современная инженерная школа на 400 мест. Специалистов по различным направлениям в Комсомольске-на-Амуре готовят 2 высших учебных заведения – Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет и Комсомольский-на-Амуре государст-

венный университет. Все это позволяет подготовить учащихся к будущей профессиональной деятельности с учетом потребностей рынка труда.

В настоящее время предпринимаются активные шаги для создания максимально благоприятного инвестиционного климата, условий для ведения бизнеса и привлечения иностранных инвестиций. Привлечение инвестиций – это тот фактор роста экономики, который напрямую влияет не только на увеличение налоговых поступлений в бюджет, создание новых рабочих мест, но и на уровень и качество жизни.

Немалый вклад в социально-экономическое развитие вносит малый бизнес и одним из направлений деятельности является развитие малого и среднего предпринимательства в городе. В целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Комсомольске-на-Амуре действуют представительства краевых объектов инфраструктуры поддержки:

- фонд малого предпринимательства Хабаровского края;
- Краевое агентство содействия предпринимательству;
- Центр сертификации, стандартизации и испытаний;
- представительство АО «МСП Банк».

В июле 2018 г. начал работу краевой бизнес-инкубатор, созданный для оказания поддержки начинающим субъектам малого и среднего предпринимательства. На территории бизнес-инкубатора действует Единый центр поддержки предпринимательства, объединивший услуги краевых институтов развития предпринимательства.

Администрацией города осуществляется сопровождение инвестиционных проектов. В 2019 г. на сопровождении находятся 3 инвестиционных проекта.

Одним из направлений Стратегии развития города предусматривается стимулирование кооперации малого, среднего и крупного бизнеса, в том числе основанное на реализации кластерных активаций в авиа- и судостроении, нефтепереработке, агропромышленном производстве, а также в сфере туризма. Внедрение механизмов кластерной активации дает возможность предприятиям малого и среднего бизнеса органично интегрироваться в крупные инвестиционные проекты производственного и инфраструктурного типа. В городе Комсомольске-на-Амуре создаются все условия для реализации экономической политики, основанной на механизмах кластерной активации.

Известно, что по решению Правительства Российской Федерации в городе Комсомольске-на-Амуре создана территория опережающего социально-экономического развития (ТОР).

Сегодня резидентами ТОР «Комсомольск» являются 22 компании, из них 12 компаний осуществляют деятельность на территории Комсомольска-на-Амуре с проектами в области машиностроения, обработки металлических изделий, пищевой промышленности, переработки древесины. Общий объем заявленных инвестиций составляет почти 580 млн долл. США с перспективой создания более 3,5 тыс. рабочих мест. ТОР «Комсомольск» включает 8 площадок в Комсомольске-на-Амуре, Амурске и Солнечном. 3 площадки находятся на территории города Комсомольска-на-Амуре. Это площадка «Амурлитмаш», площадка «Парус» и площадка агропромышленного кластера.

Для предприятий-резидентов ТОР предусмотрены привлекательные условия для ведения бизнеса, включая льготные ставки по налогам, упрощенный режим привлечения иностранной рабочей силы, режим свободной таможенной зоны.

С апреля 2016 г. в городе Комсомольске-на-Амуре реализуется Долгосрочный план комплексного социально-экономического развития города, утвержденный Правительством Российской Федерации (Долгосрочный..., 2019). Он включает 60 основных мер, направленных на всестороннее развитие нашего города, в том числе строительство 25 объектов инфраструктуры, с общим объемом финансирования 41 миллиард рублей или почти 649 млн долл. США. На сегодняшний день в рамках реализации объектов Долгосрочного плана освоено 148 млн долл. США. В рамках Долгосрочного плана комплексного социально-экономического развития и создания территории опережающего социально-экономического развития большое внимание уделяется вопросам повышения качества жизни населения и формирования комфортной городской среды. Для этого, наряду с развитием новых производств, планируется создание и модернизация объектов социальной инфраструктуры, в том числе ряда туристских объектов (Комсомольске-на-Амуре..., 2018).

Исходя из вышесказанного, экономическое развитие города Комсомольска-на-Амуре включает в себя стратегические направления, в концентрированном виде определяющие развитие малого и среднего предпринимательства, стимулирование инновационной активности, реализацию механизмов кластерной активации, со-

вершенствование инвестиционной среды, а также развитие сектора услуг.

Проводя активную работу по улучшению качества жизни населения города, мы не забываем и о международной кооперации и ведем активную политику в области развития международных и внешнеэкономических связей.

Внешнеторговый оборот города Комсомольска-на-Амуре в отдельные годы составлял 4 млрд долл. США с учетом экспорта нефтепродуктов. В структуре внешней торговли Комсомольска-на-Амуре экспортная составляющая предприятий и организаций города является преобладающей. Средняя доля экспорта в общем объеме ВТО составляет 70%. (Доля Японии в общем объеме ВТО в среднем составляет 0,1%). 80% внешней торговли предприятий и организаций города приходится на долю стран Азиатско-тихоокеанского региона.

В рамках реализации совместных проектов с иностранным участием на территории города Комсомольска-на-Амуре реализуется строительство комплекса гидрокрекинга на Комсомольском нефтеперерабатывающем заводе, в 2019 г. введен в эксплуатацию Центр гемодиализа, это социальный проект немецкой компании «Б. Браун Авитум Руссланд», реализованный на принципах государственного-частного партнерства.

Одним из важнейших направлений международного сотрудничества города Комсомольска-на-Амуре является развитие побратимских связей. В настоящее время у Комсомольска-на-Амуре 3 города-побратима – это 1 город Японии – Камо и 2 города Китайской Народной Республики – Цзямусы и Вэйнань.

Город Комсомольск-на-Амуре является участником таких крупных международных проектов, как «Союз городов с развитым машиностроением Северо-Восточной Азии (УМСА)» и Евразийское отделение Всемирной организации «Объединенные Города и Местные Власти», сотрудничает с более чем 30 зарубежными странами, в том числе и с Японией.

На протяжении многих лет Комсомольск-на-Амуре и Япония успешно развивают сотрудничество в области обменов, культурных и гуманитарных связей, способствующих взаимопониманию и развитию добрососедских отношений.

Ежегодно проводятся обмены детскими делегациями с японским городом-побратимом Камо префектуры Ниигата. В Комсомольске-на-Амуре организовываются выставки работ японских ху-

дожников, декоративно-прикладного искусства Японии, фестивали японского кино, японской анимации.

Администрация города Комсомольска-на-Амуре сотрудничает с Генеральным консульством Японии в городе Хабаровске, Японским Центром в городе Хабаровске по организации обучающих семинаров и деловых стажировок для предприятий и организаций города, как на территории Комсомольска-на-Амуре, так и за рубежом.

В рамках реализации Соглашения между Правительством СССР и Правительством Японии «О лицах, находившихся в лагерях для военнопленных», ежегодно город Комсомольск-на-Амуре посещают представители Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии, а также группы родственников японских военнопленных, умерших в период интернирования на территории бывшего СССР.

Благодаря территориальной близости, сложившимся историческим и дружественным связям, Япония остается одним из партнеров города Комсомольска-на-Амуре и в сфере туризма. Поездки в Японию вызывают интерес жителей города Комсомольска-на-Амуре.

Список литературы

- Долгосрочный план комплексного социально-экономического развития г. Комсомольска-на-Амуре. URL: <https://www.kmscity.ru/activity/city/development/socio-economic-progress/dolgosrochny-plan-razvitiya-n704r/> (дата обращения: август 2019).
- Комсомольск-на-Амуре: развитие по плану // Дальневосточный капитал. 2018. 30 августа.
- Стратегия социально-экономического развития городского округа «Город Комсомольск-на-Амуре» до 2032 года. URL: <https://2032.kmscity.ru/> (дата обращения: август 2019).
- Филимоненко А.* Комсомольск-на-Амуре – один из важнейших стратегических центров развития Дальнего Востока // Российская газета. № 201 (7664). 2018. 11 сентября.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Мотрич Е.Л.

*Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск*

Аннотация. В статье рассматриваются факторы изменения численности населения в Дальневосточном федеральном округе за 2015–2018 гг. В работе представлен анализ структуры миграционных потоков, проанализирована их роль и значение в изменении численности населения в регионе. Показан характер естественного воспроизводства населения на динамику населения региона в период 2015–2018 гг. и его возможности для перспективной динамики в его формировании. На основе анализа демографической ситуации сделан вывод о необходимости введения определенных стимулов, необходимых для изменения ситуации в естественном и миграционном процессах, стимулирующих стабилизацию и рост численности населения в регионе.

Ключевые слова: регион, население, рождаемость, смертность, естественный прирост, миграция, закрепление населения, российский Дальний Восток

Уникальное географическое положение российского Дальнего Востока, мощнейшая сырьевая база имеют для Российской Федерации большое геополитическое значение. С возрастающей ролью АТР в мировой экономике увеличивается и значимость Дальнего Востока как контактной зоны, обеспечивающей внешнеэкономическое, культурное и другие виды межгосударственного сотрудничества РФ.

Однако, несмотря на все положительные качества, российский Дальний Восток с начала пореформенного периода испытывает определенные риски в развитии демографической ситуации. Занимая территорию около трети России, начиная с 1991 г., когда была достигнута максимальная численность населения – 8,1 млн чел., к 01.01.2019 г. ее уровень стал ниже тридцатипятилетней давности – 1974 г., когда в регионе было зарегистрировано 6211,0 млн чел. Это более чем в два раза меньше населения Москвы – 12,6 млн чел. (Город..., 2019). Начиная с 1991 г. Дальний Восток оказался в числе «лидеров» по сокращению численности своего населения среди федеральных округов России. Такой характер демографического развития Дальнего Востока (ДФО) стал причиной снижения

его доли в общей численности населения России: в 1991 г – 5,4%, в 2018 г. – 4,2%.

Современная динамика населения ДФО трансформируется под влиянием естественной убыли (превышение смертности над рождаемостью) и миграционного оттока. За 2015–2018 гг. численность населения Дальнего Востока уменьшилась на 54,7 тыс. чел. – 0,9%. Если в целом за 1991–2018 гг. сокращение численности населения произошло буквально во всех регионах Дальнего Востока, то в период 2015–2018 гг. значительные потери понесла Еврейская автономная область. Уменьшение численности населения отмечено в эти годы также в Приморском и Хабаровском краях и Амурской области. Но наибольшие потери произошли в северных регионах – в Магаданской области и Чукотском автономном округе, что обусловлено потерей стимулирующей роли установленных государственных льгот и надбавок к заработной плате, обеспечивающих прежде достаточно высокий уровень жизни. Но следует заметить, что в исследуемый промежуток времени (2015–2018 гг.) в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области динамика численности населения стала положительной (*табл. 1*).

Таблица 1

**Численность населения в регионах Дальнего Востока,
на начало года, тыс. чел**

Регион	2015	2019	Изменение численности	
			абсолютное	%
Дальний Восток – всего	6195,0	6140,3	–54,7	–0,9
Республика Саха (Якутия)	959,7	967,5	+7,8	+0,8
Камчатский край	316,1	314,9	–1,2	–0,4
Приморский край	1929,0	1903,3	–25,7	–1,3
Хабаровский край	1334,5	1321,4	–13,1	–0,9
Амурская область	805,7	793,6	–12,1	–1,5
Магаданская область	146,4	141,0	–5,4	–3,7
Сахалинская область	487,3	489,4	+2,1	+0,4
ЕАО	166,1	160,0	–6,1	–3,7
ЧАО	50,2	49,2	–1,0	–2,0

Источники: Демографический..., 1985. С. 24; Численность..., 2019.

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке всегда зависела от миграционных потоков. Миграция, первоначально оцениваемая как фактор прироста населения, с начала девяностых годов

двадцатого столетия заметно изменилась и стала превалирующим фактором его сокращения. Следует заметить, что если в целом по России в 2018 г. миграционный прирост был положительным, то Дальний Восток (в границах на 01.01.2018 г.) оказался в числе регионов с миграционным оттоком.

Современные тенденции миграционной подвижности в ДФО во многом объясняются особенностями, связанными с формированием уровня и качества жизни, транспортной удаленностью от центральных и южных районов России. Отрицательное сальдо миграционных потоков из этой части России сначала уменьшилось (на 25,7% в 2017 г. относительно 2015 г.), но затем стало проследиваться увеличение выбывших из ДФО к числу прибывших и вновь произошло увеличение отрицательного миграционного сальдо – на 3,0% в 2018 г. относительно предыдущего 2017 г. За пределы ДФО в потоке межрегиональной миграции в 2018 г. выехало 25,1 тыс. чел., решив повысить свой уровень жизни и комфортность проживания в других регионах России. ЦФО, С-ЗФО и ЮФО являются наиболее предпочтительными центрами притяжения для выезжающих из ДФО. Пока трудно судить о возможностях позитивных изменений в динамике населения за счет межрегиональной миграции (табл. 2).

Таблица 2

География миграционных потоков на Дальнем Востоке России (миграционный прирост без внутрирегиональной миграции), чел.

Миграционные потоки	2015	2017	2018
Межрегиональная миграция (ФО России)	–32 816	–24 366	–25 105
СНГ	+8207	+7692	+6668
Дальнее зарубежье	+445	–440	–5464
Итого	–24 164	–17 114	–23 901

Источники: Демографический..., 1985. С. 24; Численность..., 2019.

Дальний Восток – является довольно крупным принимающим центром для выходцев из государств бывшего СССР. Не случайно Дальний Восток выбран для реализации государственной

федеральной программы по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Но и здесь следует констатировать о сокращении участия миграции в демографическом развитии Дальнего Востока. В 2018 г. относительно 2015 г. положительное сальдо миграции за счет стран СНГ уменьшилось на 18,8%.

Страны дальнего зарубежья в миграционном взаимодействии с российским Дальним Востоком вообще подошли к отрицательному сальдо миграции: –440 чел. в 2017 г., увеличившись к 2018 г. до – 5464 чел. (Миграция..., 2019).

По имеющимся вариантам прогноза, на Дальнем Востоке России предполагается сохранение отрицательного сальдо миграции. Однако, благодаря планам ускоренного развития ДФО, ожидается постепенное уменьшение сальдо миграции (–8597 чел в 2020 г., –7027 в 2025 г. и –4348 чел в 2035 г.) за счет привлечения дополнительных источников трудовых ресурсов, необходимых для планируемого ускоренного развития региона (Предположительная..., 2019).

В воспроизводстве населения в отдельно взятом регионе кроме миграции принимает участие его естественное воспроизводство. Но для российского Дальнего Востока этот источник является дополнением к формированию отрицательных показателей в динамике населения. Правда, следует заметить, что в период 2012–2016 гг. естественный прирост был со знаком плюс. Расчеты предположительной численности населения показывают, что естественное воспроизводство населения в ДФО в ближайшем будущем будет отрицательным, что, безусловно, отразится на достижении показателей демографического развития, заложенных в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года (Концепция..., 2017) (табл. 3).

Исходя из приведенных данных, уменьшающиеся показатели рождаемости и существующий режим смертности свидетельствуют о том, что прирост численности населения на Дальнем Востоке за счет его естественного воспроизводства остается «демографической мечтой», поскольку коэффициент рождаемости в регионе даже не достигает того уровня, который Б.Ц. Урланис и В.А. Борисов считают низким (менее 16,0‰) (Демографический..., с. 209; Мотрич, 2019, с. 459–463).

Таблица 3

Демографические показатели Дальнего Востока России, тыс. чел.

Показатель	Годы					
	2015	2016	2017	2018	2020****	2025****
Родившиеся	86,5	82,6	74,6	70,4	68,3	62,9
Умершие	77,4	77,5	74,9	74,8	74,4	73,8
Естественный прирост, убыль	8,1	5,0	–0,3	–4,4	–6,1	–10,9
КР‰*	13,9	13,3	12,1	11,6	11,1	10,4
КС‰**	12,6	12,8	12,1	11,9	12,1	12,2

Примечания: * КР – коэффициент рождаемости; ** КС – коэффициент смертности; *** ОПЖ – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, оба пола; **** – средний вариант прогноза.

Источники: Дальневосточный..., 1985, с. 28–29; Естественное..., 2019; Предположительное..., 2019.

Учитывая демографическую ситуацию, на российском Дальнем Востоке, имеющем стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и целостности страны, государственная политика Российской Федерации в ДФО ориентирована на мероприятия, направленные на поддержание роста численности населения за счет увеличения его естественного воспроизводства (введение материнского капитала) и оптимизации миграционных процессов, направленных на привлечение и закрепления населения (Российский..., 2017). В свое время еще, на первом заседании Совета при президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам, В.В. Путин сказал о том, что основные мероприятия по закреплению населения на Дальнем Востоке должны быть нацелены на решение самых чувствительных вопросов, тех, которые связаны с созданием комфортных условий для повседневной жизни и для работы (Путин..., 2016).

Список литературы

- Город Москва. 2019. URL: Города-Россия.pф/sity_id.php?id=1 (дата обращения: август 2019).
- Дальневосточный федеральный округ. 2017 / Хабаровскстат, 2018. 227 с.
- Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д.И. Валентей и др. М.: Советская энциклопедия, 1985. 608 с.

- Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь – декабрь 2018 года / ФСГС. 2019. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn12_18htm/ (дата обращения: июль 2019).
- Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2017 года № 2679-р.
- Миграция населения в России по регионам: коэффициент и численность человек. Переезд в другой регион / область. 2019. URL: <http://www.statdata.ru/migraciya-naseleniya-v-rossii-po-regionam> (дата обращения: август 2019).
- Мотрич Е.Л.* Демографический барометр дальнего Востока России // Национальные демографические приоритеты: подходы и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. Т. 5. № 4. М.: Экон-Информ, 2019. С. 459–463.
- Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 г. / ФСГС. 2019. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/catalog/Ldoc_1/ (дата обращения: февраль 2019).
- Путин попросил правительство не морочить людям головы // Тихоокеанская звезда. 2016. 15 июля.
- Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира ; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
- Численность населения РФ на 1 января 2019 года / URL: <https://realnoevremya.ru/attachments/1043> (дата обращения: февраль 2019).

ПОТРЕБИТЕЛИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ FASHION-СЕГМЕНТА

Найден С.Н.

**Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск**

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики потребителей Дальнего Востока на рынке товаров fashion-сегмента. Представлен обзор перспективных направлений развития предложения со стороны ритейлеров как международных, так и российских брендов модной одежды, обуви и аксессуаров в масштабах дальневосточного региона. Отмечены возможности расширения рынка модных товаров за счет Интернет-торговли и услуг Почты России.

Ключевые слова: потребительское поведение, fashion-индустрия, международные розничные сети, глобальные и национальные ритейлеры, доходы и расходы населения, Дальний Восток России.

Изменения в экономической ситуации, включая политические и глобальные тенденции, оказывают и прямое, и косвенное влияние на потребительское поведение общества. Это в частности проявляется и в такой жизненно важной и одновременно высоко конкурентной сфере экономики как fashion-индустрия, которая поставляет на рынок модную одежду, обувь, аксессуары как зарубежных, так и российских производителей.

Несмотря на сложную экономическую обстановку и постепенный уход из России крупных международных розничных сетей, некоторые зарубежные продавцы по-прежнему считают российский рынок привлекательным, поэтому аналитики отмечают «небольшой прирост новых иностранных торговых марок, в первую очередь в сегменте fashion-ритейла. Но, рентабельность бизнеса остается низкой из-за санкций и ослабления рубля» (Бренд..., 2018).

В 2018 г. продажи модной одежды, обуви, аксессуаров на российском рынке в денежном выражении оказались на уровне 2017 г. Эксперты отмечают, что «в сегменте происходит перераспределение между игроками: из-за снижения уровня доходов россияне переключаются на масс-маркет или покупают одежду на распродажах. Если международные бренды сосредоточились на поддержке уже существующих торговых точек, то российские

компании активно выходят на рынок. Например, LN Family, I am studio, 12Storeez, Terekhov Girl, Akhmadullina Dreams, как считают эксперты, будут актуальны и в 2019 г., так как «российские ритейлеры способны проявить большую гибкость в распределении финансовых потоков, планировании ассортимента и формировании планов развития» (Щуренков, 2018).

Определенный интерес представляют перспективы fashion-сегмента в рамках Дальнего Востока России. Здесь, в отличие от остальной части страны, на 1/3 территории проживает менее 5% населения страны, в том числе в крупных городах-центрах, где сосредоточены основные торговые центры, живет менее 2,5 млн чел. Динамика изменений реальных доходов дальневосточников, к сожалению, практически повторяет общероссийскую тенденцию (рис. 1).

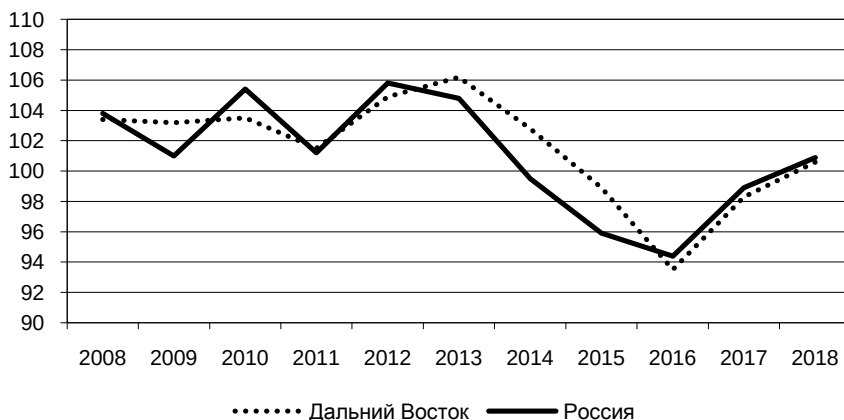

Рис. 1. Темпы роста реальных доходов населения Дальнего Востока и России в целом (в % к предыдущему году)

Источники: Регионы..., 2010, 2018.

После четырехлетнего спада в 2018 г. с положительным, но незначительным приростом, оказались только 4 территории Дальневосточного федерального округа: Республика Саха (Якутия) (+3,3% к уровню 2017 г.), Хабаровский край (+1,5%), Амурская область (+0,4%), Приморский край (+0,3%).

Так же, как и в целом по стране за исследуемый период изменилась структура потребления населения. Если 10 лет назад даль-

невосточные потребители тратили на приобретение одежды и обуви 11,7% от совокупной суммы своих потребительских расходов, то теперь только 8,1% (Доходы..., 2018). Наиболее значительно сократились удельные расходы у жителей Приморского края (–5,6 п.п. к уровню 2008 г.), которые наряду с жителями Чукотки тратят на приобретение одежды и обуви 6,5–6,7% от всех потребительских расходов (рис. 2).

Тем не менее, снижение доли вовсе не означает снижение требовательности к ассортименту и качеству товаров fashion-индустрии. Дальневосточный потребитель, особенно живущий в городе, искушен в выборе красивой и стильной одежды и в условиях экономии финансовых средств ведет себя достаточно критично по отношению к модным товарам, не испытывая какой-либо эйфории от высоких брендов. С одной стороны, дальневосточники не готовы платить высокую цену за костюм или платье от Dolce & Gabbana, а с другой стороны, не позволяют себе опускаться до безликого и безвкусного ширпотреб.

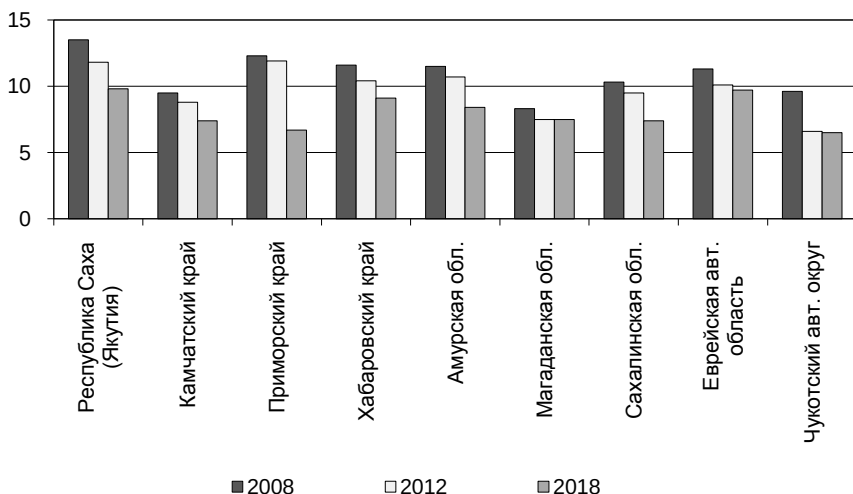

Рис. 2. Расходы на одежду и обувь
(в % от потребительских расходов домашних хозяйств)

«Рынок розничной торговли Дальнего Востока в сравнении с остальной частью страны характеризуется низким уровнем платежеспособности, невысокой плотностью населения, высокой ценой

транспортной составляющей и, самым важным – сложной логистикой, поскольку удаленность дальневосточного региона от центральной части России зачастую доставляет немало проблем для перемещения товаров» (Астахова, 2016).

И действительно, до последнего времени это был самый незрелый рынок, с точки зрения предложения в fashion-индустрии. Еще год назад Дальний Восток оставался аутсайдером по присутствию международных брендов среди всех макрорегионов России. «Свои магазины здесь имели лишь 5% от общего числа присутствующих в стране глобальных ритейлеров. Основными сдерживающими факторами для активной экспансии ритейлеров в регион считалась удаленность центральных городов (Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, Южно-Сахалинска) от Москвы. Несмотря на близость региона к основным странам-поставщикам продукции для глобальных брендов (Китаю, странам Юго-Восточной Азии), логистика магазинов большинства крупнейших сетей выстраивается через распределительные центры, которые сконцентрированы в Центральной России. Географическая удаленность от Москвы и большая разница в часовых поясах сказывается на качестве управления точками сетей, которое традиционно осуществляется в режиме реального времени. Ведь, когда в Москве начинается рабочий день, во Владивостоке или Хабаровске он подходит к концу» (Васюткин, 2017).

Огромным препятствием для активной экспансии долгое время оставалось отсутствие подходящих площадей. Большая доля магазинов под международными брендами в Хабаровске, Владивостоке и других крупных городах открывалась в уличных помещениях. Самое знаковое fashion-открытие состоялось в 2015 г. – тогда Inditex Group открыла свой первый на Дальнем Востоке магазин Zara в составе ТЦ «Большой ГУМ» (Владивосток), который стал фактически самостоятельной street retail-точкой с отдельным входом и своей внутренней логистикой. Помимо него известные международные fashion-бренды, как Terranova, New Yorker, Mango были представлены только магазинами локальных партнеров.

Для дальневосточного рынка стало характерным отсутствие «прямых» магазинов, что компенсировалось высокой активностью местных предпринимателей. Например, владельцы одного из первых профессиональных торговых центров региона – «Сити Молл» в Южно-Сахалинске – при запуске проекта в 2009 г. (и завершении в 2015 г.) были вынуждены заняться непрофильной для себя дея-

тельностью: получив франшизы большого количества федеральных и международных брендов, самостоятельно привели их на Сахалин (Попова, 2017).

Но колоссальные размеры территории, обладающие значительным потенциалом для развития экономики, постепенно стали крайне привлекательны для представителей fashion-индустрии. Причиной тому, с одной стороны, стала постепенная освоенность рынков и насыщение товарами центральных районов страны. С другой стороны, Дальний Восток откликнулся подготовкой соответствующих торговых площадей и инфраструктуры.

Большая часть качественных площадей на рынке была введена в 2015–2017 гг., когда были открыты крупнейшие на тот момент торгово-развлекательные центры «Седанка Сити» и «Дружба» в городе Владивостоке,

Исследования (Российская..., 2019; В каких города..., 2014; Меркулова, 2018) показывают, что постепенно города с населением менее 300 тыс. человек становятся приоритетным кластером для строительства качественных торговых центров, а доля кластера достигла рекордных 37% в общем распределении нового предложения торговых центров. В условиях растущей конкуренции в крупнейших городах России местные девелоперы становятся более активными на необеспеченных качественными торговыми площадями рынках.

В результате 2018 г. становится годом прорыва. В сентябре открывается «Калина Молл» – крупнейший торгово-выставочный комплекс на южном побережье бухты Золотой рог во Владивостоке, с современным концептом, дизайном и уникальным пулом арендаторов¹. На площади 48 000 квадратных метров (из 102 000 м² общей площади) представлены крупные федеральные сети, а также международные бренды одежды, включая H&M, Zara, Marks&Spencer, Befree, Bershka, Colin's, HENDERSON, Levi's, Love Republic, Massimo Dutti, O'Stin, Pull&Bear, Stradivarius. Всего 100 магазинов, большая часть из которых – одежда, обувь и аксессуары.

В октябре 2018 г. федеральная обувная сеть Zenden сообщает о выходе на рынок Дальнего Востока и планах по развитию сети в регионе (Бошаева, 2018). Проанализировав потребительский спрос,

¹ Торговый центр «Калина Молл» / URL: <https://kalinamall.ru/> (дата обращения: июль 2019).

компания решила открыть более 15 магазинов в макрорегионе до 2020 г. В указанный период магазины Zenden появятся в семи новых для компании городах: Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Улан – Уде, Комсомольске-на-Амуре, Уссурийске и Чите. Открытия создадут в регионе около 250 рабочих мест.

Важно, что ассортимент магазинов будет сформирован с учетом потребностей жителей дальневосточного региона и включит в себя более 3500 наименований обуви. Помимо обуви собственной торговой марки Zenden, покупателям будут предложены коллекции таких брендов, как Rieker, Adidas, Thomas Munz, Sergio Taccini, Carrera и Quattrocomforto.

Благодаря расширению на Дальний Восток Zenden достигает «важной для бизнеса синергии от присутствия компании на всей территории России в формате «от Калининграда до Владивостока»; «за счет эффекта масштаба получает лучшее на российском обувном рынке соотношение цена и качество» (Бошаева, 2018). Это совпадает с мотивацией и других участников fashion-сегмента рынка Дальнего Востока.

Стоит отметить, что приход сетей в макрорегион существенно снизил уровень цен на товары для среднестатистического покупателя, поскольку независимо от места размещения магазина, установлена единая цена на одни и те же товары внутри сети по всей стране. Следовательно, для дальневосточников нивелирована транспортная наценка.

Среди очередных крупнейших проектов, запланированных к открытию во II полугодии 2019 г.: первая очередь торгово-развлекательного комплекса Brosko Mall (42 000 м² GLA) и торгово-развлекательный комплекс «Стрелка»¹ (17,7 тыс. м² GLA) в Хабаровске, а также первая очередь торгово-развлекательного комплекса «Аллея»² (19 тыс. м² GLA) в Южно-Сахалинске. На площадях Brosko Mall откроются гипермаркет парфюмерии «Золотое яблоко», магазины H&M, Zara, PULL&BEAR, Bershka, Stradivarius, Massimo Dutti, Timberland, Reebok, Nike, Adidas, Benetton, а также New Yorker, Street Beat, re:Store, Bork, Henderson, Incanto, Corso Como, Эконика, Kanzler, Calzedonia, Intimissimi, Tezenis, Adidas,

¹ ТРЦ «Стрелка» Хабаровск. URL: <http://www.magazinmagazinov.ru/places/mall/4277/> (дата обращения: сентябрь 2019).

² Торговый центр «Аллея» Южно-Сахалинск. URL: <http://alleym.ru/> (дата обращения: сентябрь 2019).

Reebok, Mascotte, Levi's, Gloria Jeans, Terranova и др. (В Хабаровске..., 2019)¹.

Однако учитывая особенности расселения, высокий разброс населенных пунктов по территории Дальнего Востока, включая значительную удаленность и оторванность от магистральных дорог, важным сегментом рынка fashion-индустрии остается Интернет-торговля и доставка товаров потребителю. Преимущество онлайн-шопинга – удобство поиска и сравнения товаров, возможность безналичной оплаты.

Здесь свой вклад готова внести Почта России (Григорьева, 2018), которая приняла стратегию обеспечения единого качества сервиса для всех территорий, в том числе и для Дальнего Востока. Запускается большой инфраструктурный проект – строительство 38 логистических почтовых центров по всей стране, с разным уровнем автоматизации, с современной технологией складского хозяйства, с правильным ИТ-сопровождением. Планируется создание большого логистического центра в Хабаровске: площадь центра составит около 17 тыс. м², объем инвестиций – около 3 млрд рублей. С введением в строй логистической системы Почта России сможет обеспечить доставку товаров до крупных российских городов в пределах суток.

Уже сегодня интеграция Ozon с цифровым сервисом Почты России сделала интернет-покупки доступнее для жителей Дальнего Востока, сократив в 2 раза срок доставки в 1745 отделений Почты России в макрорегионе. Например, теперь клиенты Чукотского автономного округа, с которым установлено только авиационное сообщение, получают заказы за 3 дня вместо 6. «40% россиян проживает в городах с численностью населения менее 250 тысяч человек – там инфраструктура онлайн-торговли пока слабо развита, а ассортимент в офлайн-рознице небольшой, что сильно ограничивает людей в выборе. При этом потенциал спроса здесь очень высок – в первом полугодии 2019 г. продажи OZON на Дальнем Востоке выросли на 70% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года» (Ozon..., 2019).

Таким образом, в условиях сжатия покупательной способности населения в масштабах всей страны, представители fashion-сегмента в поисках новых рынков сбыта, пусть и медленно, но объ-

¹ Торговый центр «Броско Молл». URL: <https://broskomall.com/> (дата обращения: август 2019).

активно двигаются в сторону Дальнего Востока России, где происходит расширение предложения брендовых товаров на рынке розничной торговли.

И последнее, если среди традиционных продуктовых «якорей» торговых центров девелоперам есть из кого выбирать, то fashion-сегмент рынка Дальнего Востока еще далек от насыщения.

Список литературы

- Астахова Е.В.* Анализ конкурентоспособности предприятий розничной торговли Приморского края // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 34–37.
- Бошаева Ю.* От Калининграда до Владивостока: Zenden дебютирует на Дальнем Востоке // Fashion Network. 2018. 30 октября. URL: <https://ru.fashionnetwork.com/news/-Ot-Kaliningrada-do-Vladivostoka-Zenden-debyutiruet-na-Dal%CA%B9nem-Vostoke,1029616.html#.XWUkMOMzaUk> (дата обращения: июль 2019).
- Бренды держат марку. Международные fashion-ритейлеры не спешат уходить из России // Коммерсантъ. № 215. 2018. 22 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3806536> (дата обращения: август 2019).
- В каких городах России больше торговых центров // РБК. 2014. 28 февраля. URL: <https://realty.rbc.ru/news/577d25829a7947a78ce92106> (дата обращения: июль 2019).
- В Хабаровске готовится к открытию ТПК Brosko Mall / Аренда-ТПК. 2019. URL: <http://arenda-trk.ru/otkrytie-v-xabarovske-gotovitsya-k-otkrytiyu-trk-brosko-mall/> (дата обращения: сентябрь 2019).
- Васюткин А.* Дальний Восток входит в моду у ритейлеров / Официальный сайт Компании «Магазин Магазинов». 2017. 17 апреля / URL: <http://www.magazinmagazinov.ru/knownleges/analitika-i-issledovaniya/dalний-vostok-vkhodit-v-modu-u-riteylerov/> (дата обращения: июль 2019).
- Григорьева И.* «Мы последовательно переводим наши сервисы в онлайн» // Известия. 2018. 12 сентября. URL: <https://iz.ru/787817/inna-grigoreva/my-posledovatelno-perevodim-nashi-servisy-v-onlain> (дата обращения: июль 2019).
- Доходы, расходы и потребление домашних хозяйства в 2008, 2012, 2018 гг. / ФСТС. 2018. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: август 2019).
- Меркулова О.* Торговые центры зарабатывают на общественных пространствах // Эксперт Юг. 2018. № 1–2 (410). 12 февраля. URL: <https://expert.ru/south/2018/01/torgovyie-tsentryi-zarabatyivayut-na-obschestvennyih-prostranstvah/> (дата обращения: июль 2019).

- Попова Н.* Fashion-сегмент рынка Дальнего Востока далек от насыщения // Fashion United. 2017. 31 мая / URL: <https://fashionunited.ru/novostee/beezyes/fashion-segment-rynka-dalnego-vostoka-dalek-ot-nasyscheniya/2017053118236> (дата обращения: июль 2019).
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 / Росстат. М., 2010. 996 с.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / Росстат. М., 2018. 1162 с.
- Российская недвижимость / Бизнес-Онлайн. 2019. URL: <https://bizon.ru/288000028416/news> (дата обращения: июль 2019).
- Щуренков Н.* Одежда сохранила размер // Коммерсантъ. № 236. 2018. 21 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3836652> (дата обращения: август 2019).
- Ozon и Почта России ускорили доставку для жителей Дальнего Востока // Amurmedia. 2019. 21 августа. URL: <https://amurmedia.ru/news/845398/> (дата обращения: август 2019).

ДФО В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: НОВЫЕ ПРОПОРЦИИ

Прокапало О.М.

**Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск**

Аннотация. Рассматриваются условия и возможности развития Дальневосточного федерального округа в результате трансформации географических границ. Анализируются макроэкономические пропорции округа в системе формирования национальной экономики. Показывается, что присоединение «малых» по масштабу региональных экономик не оказало существенного влияния на изменение роли и места Дальневосточного федерального округа в общенациональных экономических пропорциях.

Ключевые слова: географические границы, макроэкономические пропорции, национальная экономика, региональная экономика, Дальневосточный федеральный округ, Россия.

В течение длительного периода времени географические границы Дальневосточного федерального округа (а ранее Дальневосточного района) были не изменены. Определенные трансформации конфигурации округа произошли в ноябре 2018 г., когда, в соответствии с Указом Президента РФ (О внесении..., 2018), территориальный состав Дальневосточного федерального округа был расширен за счет включения в него Забайкальского края и Республики Бурятия, ранее административно входивших в Сибирский федеральный округ. Насколько трансформация конфигурации границ изменило макроэкономические пропорции округа в системе формирования национальной экономики? Можно предположить, что присоединение малых по масштабу региональных экономик¹ не оказало существенного влияния на изменение роли и места Дальневосточного федерального округа (ДФО) в общенациональных экономических пропорциях. Но проанализируем это на примере отдельных агрегированных данных. Если рассматривать макроэкономические показатели, то на пропорции Дальневосточного федерального округа в системе национальной экономики эти административные новации практически не повлияли (*табл. 1*).

¹ Доля ВРП Республики Бурятия и Забайкальского края в ВРП по субъектам РФ в 2017 г. составляла 0,3 и 0,4% соответственно.

Таблица 1

**Место ДФО в формировании национальной экономики
в 2018 г.**

Показатель	Удельный вес в РФ, %	
	ДФО в старых границах	ДФО в новых Границах
Территория, тыс. км ²	36,0/1	40,6/1
Численность населения на 1.01.2019 г., тыс. чел.	4,2/8	5,6/8
Валовой региональный продукт, млн руб. ¹	5,2/7	5,8/7
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	7,1/7	7,9/7
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади	2,4/8	3,0/8

Примечание: ¹ – данные за 2017 г.; в знаменателе – ранг среди федеральных округов.

Источник: Регионы..., 2018; Информация..., 2018.

Конечно, изменились абсолютные цифры. Но в целом, роль и место округа в формировании общенациональных параметров развития осталась на прежнем уровне. При увеличении площади территории до 40% от общей площади территории РФ, округ остается самым малонаселенным, а по удельному весу в территориальной структуре ВРП и инвестиций в основной капитал уступает всем (кроме Северо-Кавказского) федеральным округам

Не отмечено существенных изменений и в структуре экономики округа (табл. 2). По-прежнему, основной удельный вес в структуре ВРП обновленного ДФО приходится на добывающие отрасли (28,1 и 26,1% ДФО в старых и новых границах соответственно), сектор транспортных услуг (12,2 и 12,7%), торговлю (10,8 и 10,9% соответственно).

Присоединение Бурятии и Забайкалья еще больше умножило преимущество Дальнего Востока по запасам и добычи природных ископаемых. На этих территориях находится 6,2 млрд т угля (17,3% извлекаемых запасов ДФО), 2,6 млрд т железа (22,9%), 6,8 млн т свинца (75,8%), около половины запасов фосфатов и вольфрама (109,3 и 0,4 млн т соответственно). В Забайкальском крае находятся все запасы циркония округа (3,1 млн т) и большая часть меди и титана (22,8 и 109,9 млн т соответственно), пятая часть золота (1,2 тыс т) (Инвестиции..., 2019, с. 12).

Таблица 2

Структура валовой добавленной стоимости ДФО в 2017 г., %

Виды экономической деятельности	Дальневосточный федеральный округ	
	в старых границах	в новых границах*
1	6,0	5,8
2	28,1	26,1
3	5,8	5,9
4	3,7	3,8
5	6,6	6,8
6	10,8	10,9
7	12,2	12,7
8	6,9	7,2
9	3,7	4,0
10	4,6	4,8
11	11,6	12,0

Примечание: 1 – Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; 2 – Добыча полезных ископаемых; 3 – Обрабатывающие производства; 4 – Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; 5 – Строительство; 6 – Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; 7 – Транспортировка и хранение; 8 – Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; 9 – Образование; 10 – Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; 11 – Прочие виды деятельности.

Источник: расчеты автора по: Регионы..., 2018; Информация..., 2018.

Пока не наблюдается существенных изменений и в территориальном распределении основных экономических макропоказателей. По-прежнему основной вклад в формирование ВРП округа (более 70% суммарного объема) вносят Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область. А по производству ВРП на душу населения, вновь присоединенные территории занимают низшие строчки в рейтинге дальневосточных территорий (табл. 3).

Территориальное распределение инвестиций в основной капитал также не изменило общедальневосточных пропорций. Основным объемом инвестиционных ресурсов в 2018 г. аккумулировался в Республике Саха (Якутия) (28,8%), Амурской и Сахалинской областях (17,2 и 15,7% соответственно).

Таблица 3

Валовой региональный продукт субъектов ДФО, 2017 г.

Регион	Территориальная структура ВРП, %	Производство ВРП на душу населения, тыс. руб.
ДФО	100,0	...
Республика Бурятия	4,6	204,8
Республика Саха (Якутия)	20,8	951,2
Забайкальский край	6,9	279,4
Камчатский край	4,6	639,8
Приморский край	17,8	405,5
Хабаровский край	15,2	500,4
Амурская область	6,1	322,5
Магаданская область	3,6	1088,3
Сахалинская область	17,6	1577,9
ЕАО	1,2	322,7
ЧАО	1,6	1386,1

Источник: Регионы..., 2018; Информация..., 2018.

Связано это с реализацией крупных инфраструктурных проектов, а также проектов в области добычи полезных ископаемых. Так, в Якутии основной объем инвестиций обеспечивается проектами в нефтегазодобывающей отрасли, на которые приходится более 70% общей суммы инвестиций. В Амурской области центрами притяжения инвестиций являются объекты, связанные со строительством космодрома «Восточный», строительством приграничного мостового перехода через Амур, Амурского газоперерабатывающего завода, второй очереди завода по глубокой переработке сои. В Сахалинской области основной объем инвестиций был направлен на реализацию проектов в добывающем секторе экономики.

Территориальная структура инвестиций усиливает сырьевой характер российской экономики. Так, если в течение 2013–2017 гг. в целом по России доля добывающих отраслей в структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) была около 12%, то на Дальнем Востоке России – более 28%, а по отдельным регионам округа колеблется от 38–48% (Магаданская область, ЧАО, Республика Саха (Якутия) до 60% (Сахалинская область). Распределение инвестиционных ресурсов еще раз подтверждает тезис о том, что в условиях экономической нестабильности и неопределенности бизнес инвестирует ресурсы преимущественно в агломерационные и сырьевые регионы с явными конкурентными преимуществами.

Экономики вновь присоединенных территорий в структурном отношении в очень малой степени корреспондируют с экономиками других субъектов Федерации, входящих в состав ДФО. Расчеты меры существенности различий структур¹ с использованием критерия J_R показали, что структура экономики Республики Бурятия и Забайкальского края имеют высокий уровень различия практически со всеми дальневосточными субъектами. Но, надо отметить, что к экономике Забайкальского края в структурном отношении наиболее близка Амурская область, а для Республики Бурятия не выявлено близких по структуре дальневосточных экономик (табл. 4).

Если исходить из того, что «экономический район отличается целостностью как в экономическом, так и в территориальном отношении» (Демьяненко, 2018), то при формировании новой конфигурации границ дальневосточного округа превалировали не столько чисто территориально-экономические, сколько внеэкономические факторы.

В соответствии со Стратегией пространственного развития (Стратегия..., 2019), все субъекты Федерации, входящие в ДФО, отнесены к приоритетным геостратегическим территориям Российской Федерации, что свидетельствует о важности этого региона для национальной экономики.

В связи с этим, особую значимость приобретает реализация на этих территориях мероприятий по сокращению миграционного оттока населения и привлечению специалистов из других регионов РФ и зарубежья; созданию и развитию территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) (О территориях..., 2014); государственной инфраструктурной поддержке инвестиционных проектов, а также поддержке предпринимательской деятельности, установленных законодательством РФ о свободном порте Владивосток (О свободном..., 2015) и т. д.

¹ Отношение фактической меры расхождений значений компонентов двух структур с их максимально возможным значением. Для интерпретации результатов определены интервалы «шкалы» оценки мер существенности различий структур критерия J_R : 0,000–0,030 – тождественность структур; 0,031–0,070 – весьма низкий уровень различий; 0,071–0,150 – низкий уровень различий; 0,151–0,300 – существенный уровень различий; 0,301–0,500 – значительный уровень различий; 0,501–0,700 – весьма значительный уровень различий; 0,701–0,900 – противоположный тип структур; 0,901 и выше – полная противоположность структур (Сивелькин, Кузнецова, 2002, с. 56–57).

Таблица 4

**Распределение субъектов Федерации, входящих в ДФО,
по критерию различий региональной структуры валовой
добавленной стоимости от структуры Республики Бурятия
и Забайкальского края, 2017 г.**

Характеристика меры структурных Различий		Субъект РФ, входящих в ДФО
Низкий уровень различий	Республика Бурятия	нет
	Забайкальский край	Амурская область
Существенный уровень различий	Республика Бурятия	Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Амурская область, ЕАО
	Забайкальский край	Республика Бурятия, Хабаровский край, ЕАО
Значительный уровень различий	Республика Бурятия	Камчатский край
	Забайкальский край	Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Магаданская область, ЧАО
Весьма значительный уровень различий	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия), Магаданская область, ЧАО
	Забайкальский край	Сахалинская область
Противоположный тип структур	Республика Бурятия	Сахалинская область
	Забайкальский край	нет

Источник: расчеты автора.

Результатом интеграции Забайкальского края и Республики Бурятия в институциональное пространство Дальнего Востока стала возможность запуска процедур по формированию территорий опережающего развития с особым правовым статусом.

В Забайкальском крае создается территория социально-экономического развития «Забайкалье» (ТОР «Забайкалье») (О создании..., 2019а). Ключевым проектом является Удоканское месторождение меди, при реализации которого планируется создать более 9 тыс. новых рабочих мест в регионе. Кроме этого, планируется реализовать 15 проектов в сфере промышленности, сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых на сумму почти 200 млрд рублей (Дмитрий Медведев..., 2019).

В Республике Бурятия формируется территория опережающего социально-экономического развития «Бурятия» (ТОР «Бурятия») (О создании..., 2019b). Потенциальные резиденты ТОР «Бурятия» планируют реализовать инвестиционные проекты по строительству птицеводческого комплекса и таможенно-логистического терминала. Так, в планах одного из резидентов – строительство птицеводческого комплекса с инкубаторием, цехом убой и комбикормовым заводом мощностью 30 000 тонн мяса в год, другого – создание базы для предоставления комплексных услуг по грузовым перевозкам железнодорожным и автомобильным транспортом, а также по складированию и хранению (Дмитрий Медведев..., 2019).

Также жители Бурятии и Забайкалья сейчас имеют возможность воспользоваться правом получения земельных участков в соответствии с законом о «дальневосточном гектаре» (Об особенностях..., 2016), реализация которого на этих территориях проходит в 3 этапа: с 1 июля 2019 г. жители Республики Бурятия и Забайкальского края имеют приоритетное право оформить земельный участок на территории своего региона; с 1 февраля 2020 г. право выбрать землю в этих регионах появится у всех дальневосточников, а с 1 августа 2020 г. – уже у всех жителей Российской Федерации (На Дальний..., 2019).

За период действия закона о «дальневосточном гектаре» (начиная с мая 2016 г.) уже 72 743 человека (На Дальний..., 2019) получили земельные участки на Дальнем Востоке, которые используются под жилищное строительство, производство продукции растениеводства и животноводства, обустройство туристических баз и досуговых центров.

Резюмируя, следует отметить, что с начала реализации институциональных новаций в регионах Дальнего Востока прошло не очень много времени, и это не позволяет сделать однозначные выводы о системных эффектах развития экономики в долгосрочной перспективе.

Список литературы

- Демьяненко А.Н. Об экономическом районировании и районообразовании // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 5–17. DOI: 10.14530/reg.2018.6.5.
- Дмитрий Медведев подписал распоряжение о создании ТОР «Забайкалье» / Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/23022/> (дата обращения: август 2019).

- Инвестиции в инфраструктуру. Аналитический обзор. М.: 2019. 147 с. URL: <https://roscongress.org/materials/investitsii-v-infrastrukturu-dalний-vostok/> (дата обращения: июль 2019).
- Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / ФСГС. 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438 (дата обращения: март 2019).
- На Дальний Восток РФ / Министерство РФ по развитию Дальнего Востока. 2019. URL: <https://надальнийвосток.рф/> (дата обращения: июль 2019).
- О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 : указ Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 № 632 / Государственная система правовой информации. 2018. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811040002?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: март 2019)
- О свободном порте Владивосток : федеральный закон РФ от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ / КонсультантПлюс. 2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения: август 2019).
- О создании территории опережающего социально-экономического развития «Забайкалье» : постановление Правительства РФ от 31 июля 2019 г. № 988 / Правительство России. 2019а. URL: <http://government.ru/docs/37536/> (дата обращения: июль 2019).
- О создании территории опережающего социально-экономического развития «Бурятия» : постановление Правительства РФ от 14 июля 2019 г. № 760 / Правительство России. 2019b. URL: <http://government.ru/docs/37040/> (дата обращения: июль 2019).
- О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ / Администрация Президента России. 2014. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201412290024.pdf> (дата обращения: август 2019).
- Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ : федеральный закон РФ от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ / КонсультантПлюс. 2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: август 2019).
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. М., 2018. 1162 с.
- Сивелькин В.А., Кузнецова В.Е. Статистический анализ структуры социально-экономических процессов и явлений. Оренбург: ГОУ ВПО ОГУ, 2002. 99 с.
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р / Правительство России. 2019. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: август 2019).

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Рензин О.М.

*Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск*

Аннотация. Рассмотрен выдвинутый правительством и президентом РФ в качестве одной из главных национальных задач проект развития Дальнего Востока проект, который предполагает нескольких институциональных подпрограмм: 1 – формирование в Дальневосточном регионе привлекательного для бизнеса эффективного экономического комплекса; 2 – организация благоприятной для привлечения населения социальной среды; 3 – формирование механизмов интеграционного сотрудничества со странами АТР. Приведены элементы финансовой инфраструктуры для поддержки проводимых преобразований и их институциональная поддержка.

Ключевые слова: финансовая инфраструктура, институциональная поддержка, инвестиционная активность, бизнес, государственные программы, Дальний Восток России.

Выдвинутый правительством и президентом РФ в качестве одной из главных национальных задач проект развития Дальнего Востока предполагает включение в него нескольких институциональных подпрограмм. Первую – формирование в Дальневосточном регионе привлекательного для бизнеса эффективного экономического комплекса. Вторую – организация благоприятной для привлечения населения социальной среды. Третья – формирование механизмов интеграционного сотрудничества со странами АТР¹.

Важным элементом проводимых преобразований является концепция институциональной поддержки предполагающая, что для каждого проводимого комплекса действий необходимо сформировать организационную и финансовую инфраструктуру, обеспечивавшую осуществление запланированных сдвигов в структуре и динамике развития. Без формирования такой базы, специальных

¹ Проблематика международного сотрудничества не включена в данную статью, она рассмотрена нами ранее в: Рензин О.М. Финансовые механизмы интеграции в АТР: новые тенденции // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4. С. 49–57.

финансовых институтов, позволяющих ее эффективно использовать, многие выдвинутые идеи остаются в ранге нереализованных региональных проектов. С этих позиций, с достаточно большой уверенностью можно утверждать, что целенаправленные изменения в финансовой инфраструктуре и осуществляемом ею финансовом сопровождении реформ являются предпосылкой их эффективности или неэффективности в перспективе.¹

Базовой установкой в организации финансового обеспечения развития Дальневосточного региона – как и во все предыдущие периоды – остается формирование программ государственных расходов (Российский... 2017, с. 281–289). В этом стратегическом варианте региональный экономический рост тесно увязывается с объемами и приоритетами бюджетного финансирования. Патерналистские модели стимулирования развития Дальнего Востока, которые с различной интенсивностью и различной успешностью использовались многие годы (и в царской Российской империи, и в советский период) в современной экономической ситуации получили новые интерпретации, сохраняя прежние содержательные характеристики.

Однако, в дополнение к этому традиционному блоку были разработаны и широко использованы дополнительные финансовые инструменты. При сохранении частично модифицированных госпрограммных технологий, в основу формируемого институционального механизма были положены финансовые и квазифинансовые (имущественные) инструменты, обеспечивающие экономическую активность бизнеса и населения. Для этого осуществлялось формирование специфических, ранее не используемых в российской практике институциональных и финансовых схем. Предполагалось, что они способны не только активировать эффективную деятельность в рамках имеющегося в регионе потенциала, но и создадут силы притяжения на Дальний Восток новых бизнес-структур и дополнительных трудовых ресурсов. Для России это было, безусловно, новой и в определенной мере экспериментальной практикой.

Для реализации этих идей и создания эффективного финансового механизма, прежде всего, была включена на полный ход

¹ Этот аспект управления региональной экономикой во многих исследованиях, посвященных стимулированию развития Дальнего Востока, остался вне рассмотрения (Тихоокеанская..., 2012).

законодательная машина, обеспечивающая правовые аспекты формирования новой институциональной базы и новых финансовых схем для развития региона.

В целях формирования новой модели исключительно для Дальнего Востока, начиная с 2013 г., были разработаны и приняты более 30 федеральных законов и более 150 актов Правительства России. В них фиксировались преференции для хозяйствующих субъектов и для населения, дополнительно формируемые в этом регионе по сравнению с другими территориями России. Они включали разнообразные льготы в налогообложении, субсидированное кредитование, бесплатное предоставление земельных ресурсов и инфраструктурных услуг, скидки по тарифам и платежам, включая таможенные, распределение финансовых рисков и т. д. Суммарно общее количество таких законодательно зафиксированных преференций на середину 2018 г. включало, по оценкам, 450–470 позиций. Никогда раньше в региональной политике России такой целенаправленной конвейерной системы правового обеспечения не наблюдалось.

Безусловное достоинство такого подхода: институциональное реформирование, закрепленное законодательно, снижает риски в организации экономической деятельности, что является важнейшей составляющей практического осуществления любых реформ. Одновременно, необходимо учитывать и главный недостаток «институциональной бури»: избыточное количество сформированных инструментов и их постоянное наращивание (т. е. постоянное изменение экономической среды) не позволяет резидентам в краткосрочном периоде определить и реализовать эффективную бизнес-стратегию.

Второй важной составляющей новой финансовой модели для региона стало формирование многоуровневых конструкций как для государственного финансирования развития, так и для стимулирования деятельности бизнес-структур институтов.

В дополнение к традиционному мощному блоку государственного финансирования – специализированным госпрограммам социально-экономического развития дальневосточного региона в целом и отдельных его составляющих (таких, например, как госпрограмма развития Курильских островов), были сформированы специальные «дальневосточные разделы» в 29 других госпрограммах, обеспечивающие реализацию госпроектов в регионе.

Однако, главные новации были реализованы в сфере привлечения внебюджетных финансовых потоков. Для их аккумуляции на Дальнем Востоке сформировались практики формирования мелких ареалов с особыми финансовыми условиями. Это осуществлялось в различных формах, включающих «территории опережающего развития» (ТОР), территории с режимом «свободный порт» (СПВ), «специальный административный район» (САР) и др. В настоящее время в регионе действуют 18 ТОР, 25 образований с режимом СПВ, САР «Остров Русский».

В большинстве случаев количество таких структур и их пространственные характеристики не имели жесткой регламентации, что, с одной стороны, оставляло возможности для регулирования динамики развития и ареала включенных территориальных ресурсов, но, с другой стороны, слабо поддавалось прогнозированию как со стороны региональных властей, так и потенциальных участников таких проектов (Иванов, Орлов, 2018; Особые..., 2019; Савченко, 2015).

В рамках формируемых микрообразований действует институт резидентства, т. е. фактического допуска к имеющимся преференциям, основанный на индивидуализации контрактных отношений между регулятором, представляющим интересы государства, и конкретным бизнес-проектом. У фирм и организаций, оформивших статус резидента одной из таких структур, появляется потенциальная возможность для получения премии за экономическую деятельность на Дальнем Востоке (за счет снижения налоговой нагрузки и экономии части затрат, переложенных на государство). По оценкам, для среднего и крупного бизнеса при современных условиях работы в ТОР, возможна экономия до 30% затрат при реализации проектов.

Достоинством такого подхода является учет индивидуальных бизнес-планов резидента, его потребности в инфраструктуре, в финансовой поддержке и системах сбыта продукции.

В этом направлении в регионе ведется большая работа. Так, созданием необходимой для промышленных предприятий дорожной, энергетической и коммунальной инфраструктуры занимается специализированный институт – Корпорация развития Дальнего Востока совместно с региональными властями. В 2018 г. для предприятий, входящих в ТОРы, осуществлялись работы по созданию более 170 объектов производственной инфраструктуры.

Однако, явный недостаток используемой финансовой схемы состоит в формировании вместо институционального механизма, обеспечивающего развитие, набора индивидуальных контрактов, ориентации на использование методов «ручного» управления, как правило, трудоемкого и малоэффективного.

По этой причине необходима более тщательная оценка эффективности самой финансовой модели. В ее реализации отмечается ряд недостатков. Так, привлекая инвестиции в ТОР, государство не только осуществляет большие затраты в инфраструктуру, но при этом происходит снижение доходной базы бюджетов всех уровней за счет полученных предприятиями налоговых льгот. Использование налоговых инструментов улучшения инвестиционного климата должно быть компенсировано решениями по компенсации выпадающих бюджетных доходов (Институциональные..., 2017). Обеспечение сбалансированности эффектов требует совершенствования используемой модели.

С другой стороны, для бизнеса (включая иностранный) на Дальнем Востоке характерно осторожное поведение, несмотря на объявленные и предлагаемые преференции, глубокий мониторинг ситуации, доскональная оценка возникающих рисков.

Кроме того, вызывает необходимость снятие противоречий между резидентами, которые представляют новые бизнес-структуры и нерезидентами преференциальных режимов, давно работающими в экономике Дальневосточного региона. Если государство своими финансовыми инструментами начинает поддерживать только часть рынка – резидентов, входящих в ТОР и порто-франко, то это явное ограничение конкуренции на крайне малом по объему рынке. Очевидно, что эти задачи следует решать на последующих этапах реализации модели предоставления финансовых преференций.

Как значительно менее успешные следует оценить результаты работы по формированию на Дальнем Востоке благоприятной социальной среды.

Разработанный в этих целях набор финансовых инструментов был симметричен используемому для воздействия на бизнес-процессы: льготные кредиты; сниженные тарифы; бесплатное предоставление ресурсов, в т. ч. земли; формирование социальной инфраструктуры.

О реально полученных эффектах в этом сегменте можно судить по ряду примеров. Значительные ожидания властей были свя-

заны с имущественными схемами стимулирования экономики домохозяйств региона, в частности, с реализацией программы бесплатной раздачи земельных участков на Дальнем Востоке (Проект «Дальневосточный гектар»). По официальным оценкам, она, с одной стороны, должна была создать приток населения в регион, и, с другой, активизировать экономическую деятельность на Дальнем Востоке. Участникам программы предлагается свыше 35 инструментов финансовой поддержки (льготные кредиты, гранты, специальные программы лизинга и т. д.). Однако, промежуточные результаты оказались значительно скромнее ожиданий: более 80% заявок на выделение земли подали сами жители Дальнего Востока, при этом активной экономической деятельностью на земле собирались заниматься менее 30% заявителей, для остальных наиболее предпочтительный вариант – площадка для строительства жилья или рекреационная территория.

Широко разрекламированная программа расширения транспортной мобильности населения Дальнего Востока с использованием льготных тарифов для ряда групп жителей региона, также оказалась по масштабам скромнее, чем необходимо. По оценкам Минвостокразвития, доля граждан, воспользовавшихся льготой, не превышает ежегодно 10 процентов численности всех льготников в связи с недостаточным объемом средств.

Программа обустройства территорий региона социальной инфраструктурой была, также как и в случае с производственной инфраструктурой, привязана к идее создания приоритетных ареалов развития (названных точками экономического роста) с насыщением их социальными объектами (жильем, школами, больницами) за счет бюджетных средств. Однако, современные масштабы такой программы имеют чисто символическое значение. За три года (2018–2020 гг.) на территории 41 точки экономического роста должно быть построено и реконструировано 195 объектов, т.е. в среднем 4,7 объекта на территорию. Вряд ли такие объемы развития социальной инфраструктуры способны оказать влияние на позитивные оценки населением происходящих изменений.

Современное их состояние отражает сложность и недостаточную эффективность решения поставленных задач. Население продолжает покидать регион, миграционное сальдо устойчиво показывает отрицательные значения. Социологи утверждают, что почти 40% жителей Дальнего Востока подумывают о переезде в другие регионы.

Для решения продекларированных задач развития (как в производственной, так и социальной частях программ, разрабатываемых для Дальневосточного региона) необходимо совершенствование используемых финансовых механизмов. Оно включает не только повышение их эффективности, но и усиление ориентированности на изменение трендов развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Список литературы

- Российский Дальний Восток на пути в будущее. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
- Рензин О.М.* Финансовые механизмы интеграции в АТР: новые тенденции // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4. с. 49–57.
- Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
- Иванов Г.Г., Орлов С.Л.* Особые экономические территории в России. М.: «Дашков и Ко», 2018. 242 с.
- Особые экономические зоны. Зарубежный и отечественный опыт. М.: ЮНИТИ, 2019. 287 с.
- Савченко А.Е.* Между желаемым и возможным: особые экономические зоны на Дальнем Востоке в 1987–2015 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 6. С. 83–91.
- Институциональные изменения в экономике российских регионов. М.: Проспект, 2017. 240 с.

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Суслов Д.В.

*Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск*

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы экономических взаимодействий Японии и России. Проанализировано сотрудничество двух стран в сфере внешней торговли в период 2001–2018 гг. Современный тренд по увеличению товарооборота между Россией и Японией в полтора раза с 2016 г. означает лишь возврат показателя к уровню 2015 г., что значительно ниже средних значений 2010–2015 гг. Показаны перспективные направления развития двусторонних экономических взаимодействий. В целом фокус современных российско-японских экономических отношений все более смещается из области торговли в сторону реализации долгосрочных инвестиционных проектов. Отсутствие мирного договора никак не сдерживает крупные японские компании, осуществляющие инвестиционные проекты в различных отраслях российской экономики. Такими примерами являются проекты в секторе добычи и переработки энергоносителей и автомобильный сектор промышленности. Практика двустороннего сотрудничества последних 15 лет говорит о постепенном, поступательном расширении инвестиционного сотрудничества, которое особенно выпукло проявляется на примере проектов в российской нефте- и газохимической промышленности.

Ключевые слова: торговля, экспорт, импорт, инвестиции, проекты, договор, Россия, Япония.

Анализ российско-японских двусторонних экономических отношений по традиции начнем с внешней торговли. Динамика товарооборота между Россией и Японией с начала нынешнего столетия была весьма неустойчивой (*рис. 1*).

Выделяются периоды взрывного роста в 2003–2008 гг., когда товарооборот между двумя странами утроился, а Япония перебралась с 15-го места на восьмое среди крупнейших торговых партнеров для России. В то время наиболее активно рос японский экспорт в нашу страну – как производственного назначения, так и потребительского. Символом последнего стал наплыв японских легковых автомобилей, как новых, так и подержанных. Напомним, что Россия тогда демонстрировала годовые темпы (около 7%) экономического роста выше, чем китайские (6–6,5%) в настоящее время.

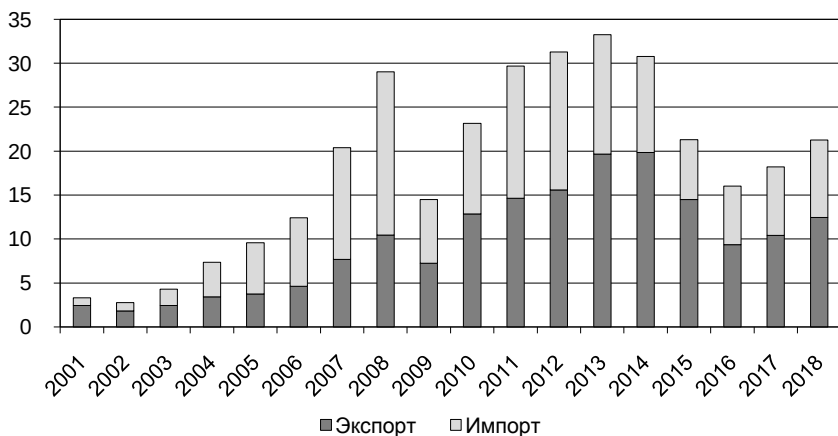

Рис. 1. Экспорт и импорт России с Японией, млрд долл.

Источник: составлено по данным ФТС РФ.

Мировой экономический кризис обвалил товарооборот в 2009 г. сразу вдвое. Особенно сильно просел импорт из Японии – помимо рухнувшего курса рубля сказалось и введение заградительных пошлин на подержанные иномарки, практически обнулился вывоз леса-кругляка, также закрытого, но только экспортными пошлинами, а нелегальные схемы вывоза переместились в направление китайского сухопутного маршрута.

За следующие четыре года восстановительного роста общий объем российско-японской торговли превысил отметку 2008 г., достигнув в 2013 г. абсолютного максимума – свыше 33 млрд долл., а Япония вышла на седьмую позицию среди наших внешне-торговых партнеров. Более того, отрицательное сальдо взаимной торговли, характерное для периода бурного роста середины 2000-х, сменилось положительным: стабильно высокие мировые цены на углеводороды оказались подкреплены новыми инфраструктурными возможностями их экспорта Россией на рынки АТР. В 2009 г. начались отгрузки нефти и СПГ с терминалов в Пригородном на юге Сахалина в рамках проекта СРП «Сахалин-2» с участием японского капитала, а в 2012 г. после достройки нефтепровода ВСТО-2 нефть пошла морем на Восток из порта Козьмино близ Находки. Затем последовал новый обвал углеводородных цен, наложившийся на серьезный макроэкономический кризис в России и новую деваль-

вацию, сжавшую спрос на высококачественную, но дорогую японскую продукцию. За 2015–2016 гг. товарооборот упал вдвое. И производственный, и потребительский спрос стал все сильнее переключаться на более дешевую и, что немаловажно, активнее продвигаемую на внешних рынках продукцию китайских производителей. Нельзя не упомянуть и о введении Японией в 2015 г. вслед за США и ЕС экономических санкций против России. Впрочем, мы считаем, что они носят декоративный характер и слабо влияют на взаимную торговлю и инвестиции. Вторичные санкции США оказывают гораздо большее негативное влияние на импорт высокотехнологичной продукции из Японии. Яркий пример – отказ японской компании Tohay Industries поставлять химическое сырье для производства композитных крыльев перспективного российского авиалайнера МС-21.

Восстановительный рост товарооборота в 2017–2018 гг. был весьма заметным, но все же отставал от динамики всей внешней торговли России. Увеличение товарооборота между Россией и Японией в полтора раза с 2016 г. будет означать лишь возврат показателя к уровню 2015 г. В результате по итогам прошлого года Япония откатилась на десятое место среди наших торговых партнеров. Место России в японской внешней торговле еще более скромное – как экспортный рынок мы находимся в третьем десятке партнеров с долей менее 1%, как источник импорта – во втором десятке, с долей 2,1%.

За последние пять лет доля Японии в российском экспорте сократилась с 3,7 до 2,8% (табл. 1), а в импорте с 4,3 до 3,7% (табл. 2).

Таблица 1

Доля отдельных стран в экспорте России, %

	2008	2013	2018
Китай	4,5	6,8	12,5
Германия	7,1	7,0	7,6
Турция	5,9	4,8	4,8
Республика Корея	1,7	2,8	4,0
Польша	4,3	3,7	3,7
Италия	9,0	7,5	3,7
Япония	2,2	3,7	2,8
США	2,9	2,1	2,8

Источник: составлено по данным ФТС РФ.

Таблица 2

Доля отдельных стран в импорте России, %

	2008	2013	2018
Китай	13,0	16,9	21,9
Германия	12,8	12,0	10,7
США	5,2	5,2	5,3
Италия	4,1	4,6	4,4
Япония	7,0	4,3	3,7
Республика Корея	4,0	3,3	2,9
Украина	6,1	5,0	2,3
Польша	2,6	2,6	2,2

Источник: составлено по данным ФТС РФ.

По итогам 2018 г. объем взаимной торговли наших стран составил 21,3 млрд долл. Это чуть больше Казахстана и чуть меньше Польши – стран, размеры экономики которых в разы уступают японской. Что касается других крупных партнеров в АТР, то особенно чувствительным выглядит случившийся в последние годы пропуск вперед Республики Кореи, резко активизировавшей российские поставки. Китай – отдельная история, объемы его торговли с Россией в 2018 г. превысили 100 млрд долл. в год (OECD..., 2019; White..., 2018).

Каковы перспективы расширения взаимной торговли России и Японии?

Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать ее товарную структуру, которая остается достаточно устойчивой на протяжении уже четверти века. Около трех четвертей стоимости российских поставок приходится на энергоносители (сырую нефть, СПГ, каменный уголь, нефтепродукты) (Белов, 2016; Виньков, Ивантер, Кудияров, 2019). Заметную часть занимает экспорт металлов, прежде всего алюминия и металлов платиновой группы. Наконец, последние из значимых экспортных позиций – рыба и морепродукты, а также продукция деревообработки, включая целлюлозу (рис. 2).

Что касается японских поставок в Россию, то половина из них по-прежнему приходится на легковые автомобили, запчасти, двигатели и кузова к ним. Следующая по значимости статья российского импорта – оборудование самых разных типов (6%). За-

метные позиции (по 5% суммарного импорта) занимают также строительно-дорожные машины, включая грузовики, а также пневматические шины. Относительно заметная доля в импорте приходится на поставки медицинской техники и лекарств (рис. 3).

Президент России Владимир Путин по итогам визита японского премьера Синдзо Абэ в 2018 г. сформулировал цель увеличения нашего товарооборота с Японией в полтора раза. С формальной точки зрения достижение этой отметки будет означать лишь восстановление объемов взаимной торговли до уровня 2013 г. Но выйти на устойчивые объемы торговли невозможно без серьезной перестройки ее структуры.

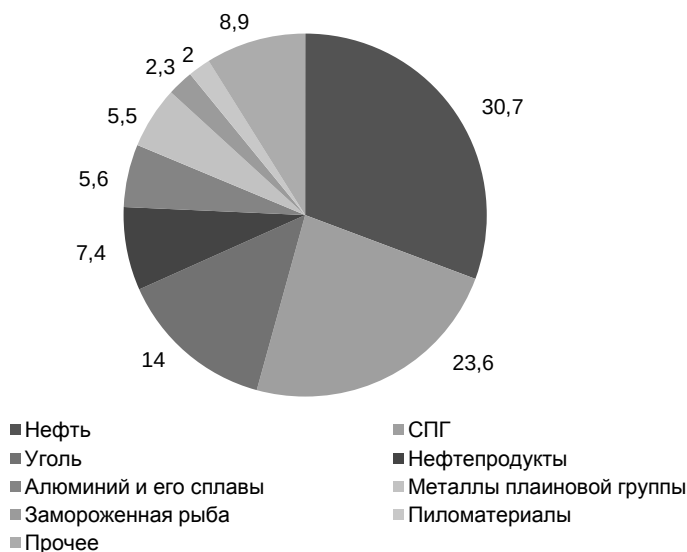

Рис. 2. Товарная структура экспорта России в Японию в 2018 г., %

Источник: составлено по данным ФТС РФ.

По мнению российских экспертов, для резкого расширения импорта японских товаров в Россию в ближайшее время не наблюдается никаких предпосылок (Перспективы..., 2019; Тимонина, 2016). Это можно объяснить относительно низкой покупательной способностью массового российского потребителя. А вот в расширении экспорта в Японию существенный потенциал есть, причем за

рамками его энергетической части. При этом главной задачей является серьезная диверсификация экспортной номенклатуры.

На первый взгляд ресурсодефицитная Япония представляет собой гигантский рынок для российских энергоносителей и возможности наращивания поставок сюда неисчерпаемы. Но если обратиться к объективной картине, то получается, что по итогам 2017 г. Япония закупила нефти, СПГ и угля за рубежом на 127 млрд долл. Из них на российские поставки пришлось лишь 7 млрд, или около 5,5%. В натуральном выражении поставки нефти, СПГ и угля из России в Японию в последние годы стабилизировались, но не превышают 10% массе импортных потоков для Японии. Чем это можно объяснить?

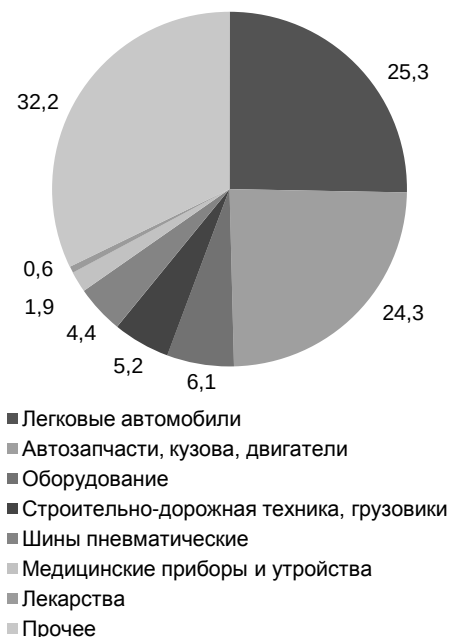

Рис. 3. Товарная структура импорта России из Японии в 2018 г., %

Источник: составлено по данным ФТС РФ.

Особенностью торговли энергоресурсами с японцами всегда была тесная работа в тандеме государства и бизнеса. И хотя прямо-

го регулирования географии поставок энергоресурсов со стороны государства почти не прослеживается, тем не менее японское правительство берет на себя, по сути, комплексное обеспечение на политическом и деловом уровне благоприятных условий ведения бизнеса за рубежом. Сюда входят механизмы двусторонних переговоров и консультаций, программы межведомственного сотрудничества, целевая помощь странам-экспортерам по линии Официальной помощи развитию Японского банка международного сотрудничества (JBIC), «разведка» новых перспективных направлений государственной корпорацией по нефти, газу и металлам (JOGMEC), прямая финансовая поддержка зарубежных проектов японских компаний с помощью льготных кредитов JBIC.

Если рассматривать перспективы расширения экспорта российского газа на рынки Японии, то они экономически оправданы лишь в связи с масштабными (не менее 5 млн т) и дорогостоящими (для данного масштаба – от 10 млрд долл.) проектами СПГ, что предполагает согласование цен по долгосрочным контрактам и заключение межправительственных соглашений. Последнее становится вопросом политических переговоров.

Для России здесь по известным причинам сразу появляется т.н. «проблема» заключения мирного договора с Японией. Однако рассчитывать, что подписание мирного договора автоматически даст зеленый свет крупным проектам по расширению поставок российских энергоносителей в Японию, было бы неверно. Все экономические формы взаимодействия России и Японии осуществляются на взаимовыгодной основе, и не подразумевают под собой никаких политических обязательств. Даже в настоящее время при нынешнем уровне развития японо-российских отношений при потенциальной экономической эффективности и минимальных рисках проекты будут осуществляться и в отсутствие мирного договора.

Отсутствие мирного договора – сдерживающий фактор для японских компаний, которые привыкли действовать с оглядкой на свое правительство, но не определяющий. Отсутствие мирного договора никак не сдерживало крупные японские компании, осуществляющие инвестиционные проекты в различных отраслях экономики (Виньков, Ивантер, Кудияров, 2019; Перспективы..., 2016). Яркими примерами являются проекты в секторе добычи и переработки энергоносителей и автомобильный сектор промышленности. Практика двустороннего сотрудничества последних 15 лет позво-

ляет нам говорить о постепенном, поступательном расширении инвестиционного сотрудничества, которое особенно выпукло проявляется на примере участия в развитии российской нефте- и газохимической промышленности. Отметим, что японские компании участвовали в реализации проектов в этой отрасли еще с советских времен и продолжилось даже в непростые 1990-е гг.

Перспективы экспорта в Японию российских товаров и услуг, в том числе высокотехнологичных

Товары энергетической группы (нефть, СПГ, уголь) будут составлять основную часть российского экспорта в Японию. Вместе с тем, с 2016 г. наметились позитивные тренды в области диверсификации российского экспорта в Японию. О глобальных изменениях говорить пока рано, однако доля продукции топливно-энергетического комплекса в структуре российских поставок постепенно сокращается (Белов, 2016). Появился ряд новых позиций несырьевого экспорта в Японию, хотя объемы этих поставок пока невелики. Например, на фоне текущей конъюнктуры повысилась конкурентоспособность сельхозпродукции производителей Дальнего Востока на японском рынке. Среди факторов, влияющих на рост экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия из России в Японию, можно выделить поступательный интерес японских импортеров к российской продукции, которая является альтернативой поставкам из Китая и стран ЮВА.

Расширение сотрудничества в агропромышленном комплексе рассматривается Правительством России в качестве одного из приоритетов работы на японском направлении, для этого создаются все условия. В качестве перспективного направления взаимодействия мы рассматриваем экспорт мяса птицы, свинины, баранины, говядины, готовой мясной продукции и продукции птицеводства в Японию.

В перспективе после создания на Дальнем Востоке соответствующих производственных мощностей предполагается наращивание поставок нефтепродуктов, кокса, а также начало поставок продуктов нефтехимии и газохимии. В связи с курсовой разницей у российских производителей и экспортёров появляется возможность расширить номенклатуру экспорта за счет продвижения на японский рынок химических товаров, биотоплива и даже отдельных видов машинно-технической продукции. В высокотехнологичных

областях возможно предоставление услуг российских центров обработки данных, услуг по разработке игрового контента и программного обеспечения, услуг по разработке новейших сорбентов по очистке жидких радиоактивных отходов от цезия и стронция, расширение предложения транспортных услуг.

Перспективы экспорта высокотехнологичных товаров и услуг в Россию из Японии

Япония является страной с развитой промышленностью, которая в рамках международного разделения труда специализируется на производстве уникальных и технологически сложных промышленных изделий. В этой связи в интересах развития российской промышленности и ее модернизации представляет интерес импорт из Японии продукции промышленного назначения и получение доступа к японским технологиям в различных отраслях машиностроения, нефтеперерабатывающей и химической промышленности.

Высокая стоимость продукции обусловлена техническими характеристиками японского оборудования, целесообразность приобретения которого прорабатывается в каждом конкретном случае заинтересованными российскими организациями, исходя из ТЭО соответствующих проектов. Учитывая вышеуказанную специализацию Японии, интересам промышленного развития России отвечают закупки комплектного оборудования, а также привлечение прямых японских инвестиций в реальный сектор экономики с целью создания совместных предприятий на территории России и локализации производств.

В перспективе можно прогнозировать расширение поставок на российский рынок японских товаров инвестиционной группы, в том числе для реализации совместных проектов на территории России. Очевидно, что на фоне нынешней макроэкономической конъюнктуры и текущего курса рубля импорт продукции в Россию в значительной мере теряет свою конкурентоспособность, зато многократно увеличиваются возможности инвестиционных вложений в различные отрасли промышленности – сельское хозяйство, медицину, производство удобрений, создание транспортно-логистической инфраструктуры.

Проекты двустороннего сотрудничества

Ниже представлена систематизированная информация о крупнейших промышленных проектах японского бизнеса в России (табл. 3). Общая сумма накопленных инвестиций, по оценкам российских экспертов, составила свыше 10 млрд долл., из них 4,3 млрд пришлось на вложения в «старые» проекты, работающие в режиме соглашений о разделе продукции: «Сахалин-1» и «Сахалин-2».

Таблица 3

Крупнейшие промышленные проекты японского бизнеса в России

Компания	Доля участия, %	Объем инвестиций, млн долл.	Год запуска / покупки компании	Отрасль	Регион
Sodeco	30% в проекте СРП Сахалин-1	1800	1996	Нефтедобыча	Сахалинская область
Nippon Sheet Glass	Покупка компании Pilkington, 100%	нет данных	2006	Стекольная промышленность	Московская область
Toyota	100%	500	2007	Машиностроение, автосборка	Санкт-Петербург
Mitsui / Mitsubishi	12,5% / 10% Сахалин Энерджи (проект Сахалин-2)	2500	1999–2009	Нефтегазодобыча, производство СПГ	Сахалинская область
Sumitomo	45% ОАО Тернейлес	175	2008–2015	Деревообработка	Приморский край
Renault-Nissan	100%	360	2009–2015	Машиностроение, автосборка	Санкт-Петербург
AGC Glass	Покупка компании Glaverbel, 100%	300	2007	Стекольная промышленность, автостекло	Московская область и Нижегородская Область

Компания	Доля участия, %	Объем инвестиций, млн долл.	Год запуска / покупки компании	Отрасль	Регион
JOGMEG, ITOCH, INPEX	49% в СП с Иркутской нефтяной компанией	100	2009	Нефтедобыча, геолого-разведка	Иркутская область
Unicharm	СП с SCA	85	2010	Производство подгузников	Тульская область
Komatsu	94%	130	2010	Машиностроение, производство экскаваторов и карьерных самосвалов	Ярославль
Peugeot–Citroen–Mitsubishi	100%	600	2010	Машиностроение, автомобилестроение	Калужская область
Yokohama	100%	155	2012	Химическая, производство шин	Липецкая область
Renault-Nissan	51% ОАО АвтоВАЗ	450	2012	Машиностроение, автомобилестроение	Самарская область
Takeda	100%	100	2013	Фармацевтическая	Ярославль
Hitachi	80%	100	2013	Машиностроение, производство экскаваторов	Тверь
Toshiba	49,99% СП с Силовыми машинами	80	2014	Машиностроение, производство трансформаторов	Санкт-Петербург
DMG Mori	100%	80	2015	Станкостроение	Ульяновск
Bridgestone	100%	240	2017	Химическая, производство шин	Ульяновск

Компания	Доля участия, %	Объем инвестиций, млн долл.	Год запуска / покупки компании	Отрасль	Регион
Mitsui	10% в компании Р-Фарм	200	2017	Фармацевтическая	Ярославль, Новосибирск, Костромская и Московская области
Mazda	СП с Соллерс	180	2009	Машиностроение, автосборка	Приморский край
JTI	100%, покупка компании Донской табак	1600	2018	Табачная	Санкт-Петербург и другие регионы
Hino Motors	100%	20	2019	Машиностроение, автосборка	Московская область
JBICIG Partners (дочерняя компания Japan Bank for International Cooperation)	СП с RFP Group	200	2019	Деревообработка (производство топливных гранул)	Хабаровский край

Источник: Виньков, Ивантер, Кудияров, 2019.

До последнего кризиса наибольший объем японских инвестиций концентрировался в автомобильной промышленности. Однако на сегодняшний день скорость восстановительного роста российского автомобильного рынка не соответствует ожиданиям японского бизнеса, который рассчитывал, что емкость автомобильного рынка в России выйдет на объем продаж в четыре миллионов новых машин в год.

Поэтому и у японского бизнеса существуют ожидания того, что Россия может и должна предложить новые направления привлечения зарубежных инвестиций, включая японские. Это могут быть, в частности, инвестиции в инфраструктуру и пространственное развитие страны. Российское правительство и экономическая элита обозначили свои приоритеты в этих областях, но, на наш взгляд, должны действовать более активно в части привлечения к сотрудничеству японской стороны.

Мирный договор – это важный, но символический фундамент будущего экономического и инвестиционного сотрудничества между Россией и Японией. Другими его значимыми факторами японские эксперты, в частности Ивао Охаси (советник по Японии и странам АТР Ассоциации индустриальных парков России), называют стабильные и предсказуемые двусторонние и региональные отношения в области безопасности, а также наличие устойчивой внутрисполитической ситуации. Немаловажно также наличие ясного национального видения перспектив стратегического развития. Важную позицию бизнеса двух стран можно проиллюстрировать мнением председателя Российско-японского делового совета Алексея Репика. «Сильные экономические отношения – это «сеточка» с маленьким зернышком. С Японией нам нужно уйти от режима штучного взаимодействия крупных компаний к режиму массового взаимодействия средних и мелких предприятий. Мегапроекты очень важны, но нужно уважать и ценить то, что делается помимо них. Именно сотни небольших проектов могут обеспечить настоящую связность экономических отношений и стать прочным фундаментом для якорных мегапроектов».

Таким образом, в целом фокус российско-японских экономических отношений в последнее время все более смещается из области торговли в сторону долгосрочных инвестиционных проектов. Правительство Российской Федерации активно работает над созданием условий для привлечения японских инвестиций, при этом отмечается необходимость инициирования проектов «нового качества» с созданием совместных цепочек добавленной стоимости и переходом на качественно новый уровень проектного сотрудничества с перспективой выхода на рынки третьих стран с акцентом на АТР.

Список литературы

- Белов А.В.* Перспективы японо-российского сотрудничества в области энергетики // Японские исследования. 2016. № 1. С. 32–46.
- Виньков А., Ивантер А., Кудияров С.* Символический фундамент // Эксперт. 2019. 28 января. № 5.
- Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь № 50/2019 / гл. ред. И.С. Иванов ; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. 44 с.
- Стрельцов Д.В.* Внешнеполитический курс России в отношении Японии: внутренние факторы // Японские исследования. 2016. № 2. С. 14–25.
- Тимонина И.Л.* Россия – Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия // Японские исследования. 2016. № 1. С. 20–31.
- OECD Economic Surveys: Japan 2019 / OECD. Paris: OECD Publishing. 164 p. DOI: 10.1787/fd63f374-en.
- White Paper on International Economy and Trade 2018 / Japan Ministry of Economy, Trade and Industry. 2018.

СОВРЕМЕННАЯ СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ЯПОНИЕЙ

Суходолов Я.А.

***Институт экономических исследований ДВО РАН
Хабаровск***

Аннотация. В настоящее время особое значение для регионов Дальнего Востока и Сибири приобретает поиск направлений и инструментов модернизации экономики и перехода к инновационному развитию. Расширение торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества со странами АТР может стать основой экономического развития Дальнего Востока и Сибири. В настоящее время одной из крупнейших экономик мира, расположенных в АТР, является Япония, а российско-японское сотрудничество имеет положительную динамику развития. В 2018 г. внешнеторговый оборот между Россией и Японией составил 21,3 млрд долл. Вместе с тем, несмотря на достигнутые успехи сохраняются серьезные дисбалансы в российско-японской торговле, основными из которых являются незначительная доля России во внешнеторговом обороте Японии (менее 2%), а также преобладание минеральных продуктов в экспорте (77%) и продукции машиностроения в импорте (80,2%). Расширение торгово-экономического сотрудничества с Японией положительно скажется на социально-экономическом развитии регионов Дальнего Востока и Сибири за счет повышения эффективности внешнеторговой деятельности, создания новых конкурентоспособных экспортно ориентированных производств, направленных на увеличение глубины переработки сырьевых ресурсов и экспорта готовой продукции с высокой долей добавленной стоимости, развития сельского хозяйства, модернизации энергетической и транспортно-логистической инфраструктуры, увеличению налоговых отчислений в бюджеты всех уровней.

Ключевые слова: внешняя торговля, торгово-экономическое сотрудничество, российско-японское сотрудничество, ДФО, СФО, Россия, Япония.

Россия уделяет большое внимание развитию сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, который является одним из центров мировой экономики. Геополитическое положение Японии делает ее важным партнером России в АТР.

В свою очередь Япония является одной из крупнейших экономик мира. На ее долю приходится 4,1% мирового ВВП по ППС (4-е место в мире после Китая (18,7%), США (15,2%) и Индии (7,8%)) (GDP..., 2018), а также 3,8% мирового экспорта (4-е место

после Китая (12,8%), США (8,5%) и Германии (8,0%) и 3,8% импорта (4-е место после США (13,2%), Китая (10,8%) и Германии (6,5%)) (World..., 2019).

По итогам 2018 г. объем внешнеторгового оборота России с Японией составил 21,3 млрд долл. (10-е место среди стран – внешнеторговых партнеров России), экспорт – 12,5 млрд долл. (11-е место), импорт – 8,8 млрд долл. (7-е место). Сальдо торгового баланса положительное и составляет + 3,6 млрд долл. (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика внешнеторгового оборота России и Японии
за 1995–2018 гг., млрд долл.**

Год	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
1995	3,9	3,2	0,8	+2,4
2000	3,3	2,8	0,6	+2,2
2005	9,6	3,7	5,8	–2,1
2006	12,2	4,5	7,8	–3,3
2007	20,4	7,7	12,7	–5,1
2008	28,9	10,3	18,6	–8,3
2009	14,5	7,3	7,3	0,0
2010	23,1	12,8	10,3	+2,6
2011	29,7	14,7	15,0	–0,3
2012	31,2	15,5	15,6	–0,1
2013	33,2	19,7	13,6	+6,1
2014	30,8	19,9	10,9	+8,9
2015	21,3	14,5	6,8	+7,7
2016	16,0	9,4	6,7	+2,7
2017	18,3	10,5	7,8	+2,7
2018	21,3	12,5	8,8	+3,6

Источник: составлена по: Итоги..., 2019.

За период 1995–2018 гг. внешнеторговый оборот России с Японией увеличился в 5,5 раза (с 3,9 до 21,3 млрд долл.), экспорт в 3,9 раза (с 3,2 до 12,5 млрд долл.) и импорт в 11,0 раза (с 0,8 до 8,8 млрд долл.). При этом наибольший объем российско-японского внешнеторгового оборота пришелся на 2013 г. и составил 33,2 млрд долл. Максимальный объем экспорта был достигнут в 2014 г. – 19,9 млрд долл., а импорта в 2012 г. – 15,6 млрд долл.

Динамика объемов российско-японской торговли за период 2000–2018 гг. характеризуется неравномерностью в связи со снижением объемов экспорта и импорта в 2009 г., вызванного мировым финансовым кризисом, а также в период 2014–2016 гг. связанного с валютным кризисом в России, вызванным введением антироссийских санкций, в том числе и со стороны Японии, падением цен на нефть и стоимости национальной валюты.

Активизация политического диалога, произошедшая в мае 2016 г. в ходе встречи Президента Российской Федерации В.В. Путина и Премьер-министра Японии Синдзо Абэ в г. Сочи, в ходе которой был представлен План развития российско-японского сотрудничества по восьми направлениям («План из восьми пунктов»), положительно сказалась на торгово-инвестиционном сотрудничестве двух стран. По итогам 2017–2018 гг. наметилась тенденция к росту объемов двухсторонней торговли. По сравнению с 2016 г. произошло увеличение внешнеторгового оборота на 33,1% с 16,0 до 21,3 млрд долл.

По итогам 2018 г. российский экспорт из России в Японию представлен минеральными продуктами – 77,0% (в основном нефть, нефтепродукты, СПГ и уголь), металлами и изделиями из них – 7,7% (в основном алюминий), драгоценными металлами и камнями – 5,6%, древесиной и целлюлозно-бумажными изделиями – 3,9%, продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем – 3,1% (в основном морепродукты) и машинами, оборудованием и транспортными средствами – 1,2% (в основном продукция судостроения). На долю прочих товарных групп приходится 1,7% (табл. 2).

За период 2010–2018 гг. произошло увеличение доли драгоценных металлов и камней (с 2,9 до 5,6%), древесины и целлюлозно-бумажной продукции (с 3,3 до 3,9%) и продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (с 1,7 до 3,1%) в общем объеме экспорта, а также снижение доли минеральных продуктов (с 81,7 до 77,0%), металлов и изделий из них (с 8,1 до 7,7%) и продукции машиностроения (с 1,8 до 1,2%).

Основной сферой российско-японского торгово-экономического сотрудничества является топливно-энергетический комплекс. После ввода в эксплуатацию магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», начала реализации нефтегазовых проектов на о. Сахалин, реализуемых на условиях о разделе продукции, с участием японских компаний Mitsui и Mitsubishi,

а также строительства завод по производству сжиженного природного газа (около 80% СПГ экспортируется в Японию), основной товарной группой в экспорте из России в Японию стали минеральные продукты. В настоящее время Россия обеспечивает до 8% потребности Японии в углеводородном сырье.

Таблица 2

Динамика товарной структуры экспорта России в Японию, %

Показать	2010	2015	2016	2017	2018
Минеральные продукты	81,7	82,9	75,4	75,3	77,0
Металлы и изделия из них	8,1	6,8	10,1	9,6	7,7
Драгоценные металлы и камни	2,9	1,8	2,8	4,6	5,6
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,3	2,5	4,4	4,8	3,9
Продовольственные товары и с/х сырье	1,7	2,0	3,6	2,8	3,1
Машины, оборудование и транспортные средства	1,8	2,8	3,0	2,1	1,2
Прочее	0,6	1,2	0,7	0,8	1,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлена по: Общий..., 2019.

Заготовка и первичная переработка леса на территории России с последующим экспортом в Японию осуществляется такими компаниями как ООО «СП «Игирма-Тайрику», ООО «Ванино-Тайрику», АО «PTS Hardwood» и ЗАО «STS Technowood».

По итогам 2018 г. товарная структура импорта продолжает сохранять свою потребительскую направленность. Товарная структура импорта из Японии в Россию по итогам 2018 г. представлена машинами, оборудованием и транспортными средствами – 80,2% (в основном средства наземного транспорта и различным промышленным и электрооборудованием), продукцией химической промышленности – 11,2% и металлами, и изделиями из них – 3,5%. На долю прочих товарных групп приходится 5,1% (табл. 3).

За период 2010–2018 гг. произошло увеличение доли продукции химической промышленности (с 7,8 до 11,2%) в общем объеме импорта, а также снижение доли минеральных продуктов (с 64,1 до 67,7%) и металлов и изделий из них (с 4,7 до 3,5%).

С участием японских компаний на территории России создан ряд промышленных предприятий в сфере машиностроения. К наи-

более крупным относятся сборочные предприятия японских автопроизводителей Isuzu, Mazda, Mitsubishi, Nissan, Toyota и производителей строительной техники Komatsu и Hitachi и ряд других компаний, а также производители компонентов для сборочных производств (Накаи Такафуми, 2011). Так же на территории России осуществляют свою деятельность совместные российско-японский компании в сфере химической промышленности и фармацевтика (Takeda, Mitsubishi Heavy Industries и Sojitz), строительных материалов и металлообработки (AGC, Tairiku Trade, Furukawa, Tajima, Sumitomo Corp., Mitsui, Mishima Kosan, NSG и Kureha), телекоммуникации (Fujitsu Service, Cyberstep и Fujikura) и др. Всего в настоящее время на территории России работает около 300 японских компаний (Саито..., 2018).

Таблица 3

Динамика товарной структуры импорта России из Японии, %

Показать	2010	2015	2016	2017	2018
Машины, оборудование и транспортные средства	83,9	77,9	80,0	80,9	80,2
Продукция химической промышленности	7,8	11,8	11,3	10,9	11,2
Металлы и изделия из них	4,7	4,5	2,7	3,1	3,5
Прочее	3,6	5,8	6,0	5,1	5,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлена по: Общий..., 2019.

По итогам 2018 г. первое место по объему российско-японского внешнеторгового оборота занимает Центральный федеральный округ, на долю которого приходится 41,1% внешнеторгового оборота. На втором месте находится Дальневосточный федеральный округ – 31,1%. Третье место занимает Сибирский федеральный округ – 12,9%. На долю остальных федеральных округов приходится 15,0% (табл. 4).

За период 2015–2018 гг. отмечается увеличение доли Центрального (с 37,5 до 41,0%), Сибирского (с 12,1 до 12,9%), Северо-Западного (с 7,6 до 7,9%), Приволжского (с 2,6 до 3,4%) и Северо-Кавказского (с 0,04 до 0,1%) федеральных округов в общем объеме внешней торговли России с Японией, а также снижение доли Дальневосточного (с 34,0 до 31,1%) и Уральского (с 5,6 до 2,9%) федеральных округов.

Таблица 4

**Доля федеральных округов во внешнеторговом обороте
России с Японией**

Федеральный округ	2015		2018	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%
Центральный	8,0	37,5	8,7	41,0
Дальневосточный	7,2	34,0	6,6	31,1
Сибирский	2,6	12,1	2,8	12,9
Северо-Западный	1,6	7,6	1,7	7,9
Приволжский	0,6	2,6	0,7	3,4
Уральский	1,2	5,6	0,6	2,9
Южный	0,1	0,6	0,1	0,6
Северо-Кавказский	0,01	0,04	0,01	0,1
Всего	21,3	100	21,3	100,0

Источник: составлено по: ФТС РФ. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=51&Itemid=1977 (дата обращения: июнь 2019).

В силу своего географического положения дальневосточные и сибирские регионы традиционно играют значимую роль в российско-японском внешнеторговом сотрудничестве, а Значительная доля Центрального федерального округа в общем объеме внешнеторгового оборота связана с тем, что торговые сети и производственные холдинги осуществляют централизованное таможенное оформление товаров за пределами регионов их производства или конечного потребления.

По итогам 2018 г. на долю регионов Центрального федерального округа пришлось 41,0% (8,7 млрд долл.) от общего объема внешнеторгового оборота России с Японией, 22,4% (2,8 млрд долл.) экспорта и 67,0% (5,9 млрд долл.) импорта. Сальдо торгового баланса отрицательное и составляет – 3,1 млрд долл. (табл. 5).

Основная доля внешнеторгового оборота Центрального федерального округа с Японией приходится на г. Москва – 69,1% (6,0 млрд долл.), Московская область – 24,1% (2,1 млрд долл.) и Калужская область – 4,0% (0,4 млрд долл.).

По итогам 2018 г. на долю регионов ДФО пришлось 31,1% (6,6 млрд долл.) от общего объема внешнеторгового оборота России с Японией, 49,2% (6,1 млрд долл.) экспорта и 5,6% (0,5 млрд долл.) импорта. Сальдо торгового баланса положительное и составляет + 5,6 млрд долл. (табл. 6).

Таблица 5

**Динамика внешнеторгового оборота
Центрального федерального округа с Японией, млн долл.**

Год	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
2015	7986,3	3649,5	4336,8	–687,4
2016	6190,8	1514,2	4676,6	–3162,4
2017	7230,1	2158,2	5071,9	–2913,7
2018	8731,5	2809,9	5921,6	–3111,7

Источник: составлена по: Внешняя..., 2018.

Таблица 6

**Динамика внешнеторгового оборота
Дальневосточного федерального округа с Японией, млн долл.**

Год	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
2015	7 243,6	6 527,1	716,5	+ 5 810,6
2016	5 207,9	4 783,4	424,5	+ 4 358,9
2017	5 404,7	4 821,8	582,9	+ 4 238,9
2018	6 615,8	6 121,3	494,5	+ 5 626,8

Источник: составлена по: Внешняя..., 2018.

Основная доля внешнеторгового оборота Дальневосточного федерального округа с Японией приходится на Сахалинскую область – 79,4% (5,3 млрд долл.), Приморский край – 11,0% (0,7 млрд долл.) и Хабаровский край – 3,5% (0,2 млрд долл.).

По итогам 2018 г. на долю регионов Сибирского федерального округа пришлось 12,9% (2,8 млрд долл.) общего объема внешнеторгового оборота России с Японией, 20,8% (2,6 млрд долл.) экспорта и 1,9% (0,2 млрд долл.) импорта. Сальдо торгового баланса положительное и составляет +2,4 млрд долл. (табл. 7).

Таблица 7

**Динамика внешнеторгового оборота
Сибирского федерального округа с Японией, млн долл.**

Год	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
2015	2584,1	2461,8	122,2	+2339,6
2016	2246,2	2149,3	96,9	+2052,5
2017	2569,3	2445,1	124,2	+2320,9
2018	2754,7	2587,4	167,3	+2420,1

Источник: составлена по: Внешняя..., 2018.

Основная доля внешнеторгового оборота Сибирского федерального округа с Японией приходится на Кемеровскую область – 51,7% (1,4 млрд долл.), Иркутскую область – 25,1% (0,7 млрд долл.) и Республику Хакасия – 8,1% (0,2 млрд долл.).

Российско-японская внешняя торговля характеризуется следующими специфическими особенностями:

- По итогам 2018 г. на долю Японии пришлось 3,1% от общего объема внешнеторгового оборота России (10-е место среди стран внешнеторговых партнеров России), 2,8% экспорта (11-е место) и 3,7% импорта (7-е место).

- Объем российско-японской внешней торговли (21,3 млрд долл.) существенно отстает от уровня российской-китайской торговли (108,3 млрд долл.) и российско-германской торговли (59,6 млрд долл.), а также от уровня японо-китайской торговли (317,4 млрд долл.) и японо-американской торговли (221,6 млрд долл.) (Japanese..., 2019).

- Основная доля внешнеторгового оборота приходится на Центральный федеральный округ (41,1%), Дальневосточного федерального округ – 31,1% и Сибирский федеральный округ – 12,9%. При этом основная доля экспорта приходится на Дальневосточный федеральный округ – 28,7%, а основная доля импорта на Центральный федеральный округ – 27,8%.

- Среднегодовая доля экспорта в структуре российско-японского внешнеторгового оборота за период 2010–2018 гг. составляет – 57,6%, импорта – 42,5%.

- Сырьевая направленность товарной структуры экспорта в Японию. Среднегодовая доля товарной группы минеральные продукты в общем объеме экспорта за период 2010–2018 гг. составляет – 81,2%, металлы и изделия из них – 7,7% и древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 3,4%. На прочие товарные группы приходится – 7,8%.

- Высокая доля готовой продукции в импорте из Японии. Среднегодовая доля продукции машиностроения в общем объеме импорта за период 2010–2018 гг. составляет – 82,2%, продукция химической промышленности – 9,4% и металлы и изделия из них – 4,0%. На прочие товарные группы приходится – 4,4%.

Россия заинтересована в расширении взаимовыгодного сотрудничества с Японией (политического, экономического и технологического) как в рамках различных международных организация, так и в двухстороннем порядке, в целях поддержания баланса меж-

ду интересами России, Японии, Китая и других стран АТР для сохранения самостоятельной позиции и значения России в мире (Суходолов, 2016). Россия предпринимает шаги в этом направлении, однако нерешенность вопросов, связанных с заключения мирного договора между странами после окончания Второй мировой войны, оказывает негативное влияние на динамику развития двухсторонних отношений (Панов и др., 2019).

Расширение внешнеэкономических связей между странами является приоритетным направлением двустороннего сотрудничества между странами (Porkova, Sukhodolov, 2017). За последние годы российско-японские торгово-экономические связи развиваются стабильными темпами. Однако сложившаяся в настоящее время товарная структура экспортно-импортных операций является несбалансированной. Основу российского экспорта в Японию составляют минеральные продукты (СПГ, нефть, нефтепродукты и каменный уголь), а в импорте преобладает продукция машиностроения (автотранспорт, промышленное оборудование, электроника) и химической промышленности.

Данная тенденция говорит о необходимости диверсификации товарной структуры российско-японской внешней торговли в направлении повышения доли товаров с высокой степенью передела и добавленной стоимости в экспорте. При этом выход российских компаний на японский рынок кроме экспортных ограничений затрудняет высокая конкуренция и насыщение готовой продукцией собственного производства, а также специфика внутреннего спроса.

В этой связи перспективным представляется расширение внешнеэкономического сотрудничества между Россией и Японией связанное с реализацией совместных инвестиционных проектов в сфере машиностроения, глубокой переработки природных ресурсов, сельском хозяйстве, модернизации энергетической и транспортно-логистической инфраструктуры, создании на территории России соответствующих производств и промышленных центров.

Список литературы

- Итоги внешней торговли со всеми странами / Федеральная таможенная служба РФ. 2019. URL: <http://customs.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения: июль 2019).
- Внешняя торговля ЦФО / Центральное таможенное управление. 2018. URL: <http://ctu.customs.ru/folder/140108> (дата обращения: июнь 2019).

- Накаи Такафуми.* Японо-российское экономическое сотрудничество: бизнес-перспективы на Дальнем Востоке России // *Пространственная экономика.* 2011. № 4. С. 23–38. DOI: 10.14530/se.2011.4.023-038.
- Общий объем внешней торговли России / Федеральная таможенная служба РФ. 2019. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=52&Itemid=1978 (дата обращения: июль 2019).
- Панов А.Н., Стрельцов Д.В., Киреева А.А., Нелидов В.В.* Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь № 50/2019 / гл. ред. И.С. Иванов ; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2019. 44 с.
- Саито Даисукэ: 300 японских компаний в России – это мало // РИА Новости. 2018. 16 мая. URL: <https://ria.ru/20180516/1520588219.html> (дата обращения: июль 2019).
- Суходолов Я.А.* Российско-китайское внешнеторговое сотрудничество как фактор развития экономики России: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.14. Ростов-на-Дону, 2016.
- GDP, PPP (current international \$) – Japan / The World Bank. 2018. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?locations=JP&most_recent_value_desc=true&view=chart (дата обращения: июль 2019)
- Japanese Trade and Investment Statistics. 2019. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (дата обращения: июль 2019).
- Popkova E.G., Sukhodolov Y.A.* Foreign Trade as a Vector of Economic Growth in the Globalizing World // *Contributions to Economics.* 2017. Pp. 25–45. DOI: 10.1007/978-3-319-45985-1_3.
- World Trade Statistical Review 2019 / World Trade Organization. 2019. 178 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2019_e/wts2019_e.pdf (дата обращения: июль 2019).

СИТУАЦИЯ В ЯПОНСКО-РОССИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ

Токуоки Таро
Solid Corporation
Токио, Осака

Аннотация. Приведена типология основных проблем ведения японского бизнеса в России. Показаны тенденции взаимных торговых потоков России и Японии по группам товаров. Рассмотрены результаты опросов японских предпринимателей за 2016, 2017, 2018 гг. Приведены распределение ответов респондентов о перспективах дальнейшего ведения бизнеса, о предпочитаемых сферах деятельности, об основных проблемах ведения бизнеса в России, а также предложения респондентов по улучшению ситуации.

Ключевые слова: японские компании, социологических опрос, ведение бизнеса в России, внешняя торговля, Россия, Япония.

1. Общее описание процессов торговли и особенностей предприятий

В чем заключаются функции торговых компаний

Торговые компании осуществляют самые различные функции, но в первую очередь, они занимаются торговлей. Вследствие нынешней глобализации экономики и информационно-технологической революции, вызвавших большие изменения в бизнес-среде, торговые компании стали брать на себя функции, во-первых, функции обработки и анализа накопленной ранее информации, во-вторых, функции управления ноу-хау, связанного с управлением бизнесом и с управлением рисками, в-третьих, стали осваивать информационные технологии, логистические технологии, финансовые технологии, маркетинговые технологии и, таким образом, повысили свой функциональный уровень, расширили комплексность деятельности, взялись за повышение добавленной стоимости. Таким образом, функции торговых компаний приводятся в соответствие с требованиями времени и эта работа ежедневно совершенствуется.

Конкретные функции торговли:

- торговля – осуществление глобальной торговли;
- обработка информации – сбор огромных массивов информации, ее обработка и анализ, что отражается в повседневной деятельности;

- освоение рынков – анализ движения спроса и предложения и освоение глобальных рынков;
- освоения бизнеса и управления – выполнение различных функций, освоение новых видов бизнеса, стремление к усилению создания групп и управления ими;
- управление рисками – используя накопленные ноу-хау, способствовать сокращению бизнес-рисков;
- логистическая – включение в логистический бизнес, стремление создать полномасштабную оптимальную логистическую систему;
- финансовая – торговые компании предлагают собственные финансовые услуги, стремятся к их углублению и расширению;
- организаторская – эффективно увязывать все функции и продвигать крупномасштабные проекты.

Отличия от торговых операций внутри страны

Риски в достижении единства мнений

При ведении торговых переговоров с иностранцами сложно добиться единства мнений, прежде всего, из-за того, что их участники говорят на разных языках, и необходимо владеть либо языком этой страны, либо английским языком, либо языком третьей страны и поэтому существует риск ошибочного понимания. Но даже в том случае, если языковая проблема решена, необходимо иметь ввиду, что в каждой стране своя система контроля над торговлей и отличные процедуры и системы таможенного оформления. Вследствие различий в представлениях о торговле и обычаях в этой области также существует риск ошибочного понимания и представления. Для того, чтобы избежать таких рисков, в дополнение к подтверждению переговоров с партнерами с помощью факсимильной связи, электронной почты, письмами важно в заключение переговоров составить письменный контракт, включающий результаты переговоров с включением всех нюансов.

Различия в юридических системах

При экспорте необходимо учитывать экспортные ограничения, принятые в Японии, а также импортные ограничения в стране партнера, а также другие торговые ограничения. При импорте необходимо учитывать экспортные ограничения в стране торгового партнера, а также японские импортные ограничения. В случае, если при импорте не учесть возникающие при продаже импортного

товара ограничения может возникнуть ситуация, в которой этот товар может не поступить в обращение.

Страновые риски

При осуществлении торговых операций с другими государствами, особенно с развивающимися странами, можно столкнуться с такими рисками, как войны, внутренние беспорядки, смена политического режима, остановка импорта или обмена валюты. Для того, чтобы избежать подобных рисков, необходимо отслеживать международную обстановку, политико-экономическую обстановку в этой стране. Кроме того, при осуществлении торговых операций в странах высокими рисками необходимо прибегать к страхованию торговли.

Страховка покрывает опасности, возникающие при торговых операциях или зарубежном инвестировании. В Японии независимые административные юридические лица прибегают к использованию страхования торговли (в некоторых случаях возможно использование частного страхования).

Различия используемых в торговой операции валют, риски колебаний обменного курса валют

В случае использования в торговой операции не национальной валюты возникают риски колебаний обменного курса валют, проистекающие из того, что курс обмена иностранных валют по отношению к национальной валюте меняется ежедневно. Поскольку в результате резких скачков обменных курсов валют может возникнуть опасность полной потери торговой прибыли, существует необходимость принятия заранее предварительных мер, учитывающих это обстоятельство. В качестве такой меры может быть обязательное осуществление торговой операции в национальной валюте, а в случае невозможности этого следует закупить в определенный период иностранную валюту. Существуют и иные способы решения этой проблемы.

Когда трудно увидеть партнера, риски доверия предприятия

В отличие от торговых операций внутри страны при зарубежных торговых операциях возникают следующие риски – поскольку с торговым партнером невозможно провести личные (лицом к лицу) переговоры, сложно получить достаточно высокий уровень доверия к предприятию, получить представление о его финансовом положении, производстве, эксплуатационных возможностях, опыте, честности, в связи с чем возникают опасения (рис-

ки) по поводу того, можно ли с ним заключать контракт. Для борьбы с такими рисками важно предпринимать меры проверки доверия, заранее используя для этого организации по проверке доверия. Проверку на доверие необходимо осуществлять как в отношении новых партнеров, так и тех, с которыми ранее проводились торговые операции.

Большие транспортные расстояния, риски повреждения товара в пути

В связи с тем, что в отличие от внутриторговых операций при зарубежных торговых операциях транспортные расстояния значительно больше, на транспортировку товаров не только уходит больше времени, но и появляются высокие риски повреждения товаров и снижения их качества в пути. В связи с этим необходимо страховать товары при транспортировке их морем (1), чтобы страховка покрывала возможный ущерб от повреждения товаров.

Страхование грузов при транспортировке их морем покрывает возможный ущерб от их повреждения.

Между получением товаров и их оплатой существует временной лаг.

Риски при получении оплаты и риски при получении товаров

Внешние торговые операции в отличие от внутренних характеризуются наличием временного лага между получением товара и его оплатой, поскольку трудно одновременно осуществлять получение товара и его оплату. Следовательно при оплате после получения товара экспортер отправляет товар до получения оплаты и несет риски, связанные с тем, что он может не получить плату за отправленный товар. При авансовой оплате товара уже импортер несет риски, связанные с тем, что он может не получить уже оплаченный товар. Избежать этих обоюдных рисков можно с использованием банковского аккредитива, когда банк гарантирует оплату.

Риски финансовой нагрузки

Даже при покрытии рисков оплаты и получения товара все равно существуют другие риски. Так, при оплате после поступления товара экспортер вынужден авансировать оплату на период между отправкой товара и получением оплаты за него. При авансовой оплате товара экспортер вынужден делать то же самое. Таким образом, на период между отправкой товара и его оплатой возникает риск финансовой нагрузки. С точки зрения эффективного управления финансами для обеих сторон важно добиться того, чтобы временной лаг был как можно меньше. Использованием в тор-

говых операциях аккредитива этот лаг можно уменьшить и тем самым снизить финансовую нагрузку.

Процесс торговли

Первый этап заключения контракта – поиск поставщика (партнера), подтверждение юридических норм, заключение контракта.

- изучение потребности в товаре и рынка, то есть выяснение того, какой товар и где можно продать;
- уяснение норм и стандартов, принятых в этой стране, то есть напряжение в электросети, нормы, необходимые для получения услуг эксплуатационная деятельность, то есть поиск поставщика (партнера), командировки, поездки и т.д., получение ответов на запросы, составление оценки;
- переговоры, составление контракта;
- переговоры по ценам, условиям торговой сделки, определение валюты платежей, способов расчетов, способов транспортировки и по другим вопросам.

Второй этап транспортировки – определение средства доставки, заявка на поставку груза, таможенные процедуры, погрузка на судно:

- заказ морского, воздушного и курьерского способа;
- обеспечение погрузки товара;
- указания изготовителю;
- Таможенная очистка;
- оформление документов;
- погрузка на судно;
- оформление грузовых документов, получение коносамента, связь с получателем.

Третий этап оплаты – оплата за товар, получение груза:

- отправка денег или получение аккредитива;
- при заключении контракта или перед погрузкой на судно ил после погрузки;
- информирование покупателя, в случае использования аккредитива составление документов о покупке.

Практическое движение торговли

- заключение контракта;
- письменный запрос на погрузку;

- доставка в таможенную зону;
- экспортная заявка в таможенную;
- разрешение на экспорт;
- погрузка на судно судоходной компании;
- свидетельство по погрузке в таможенную / в морскую транспортную компанию;
- документы о погрузке (экспортеру);
- документы о погрузке (от экспортера банку) затем от банка экспортеру.

Способы расчетов

Вариант 1. Банковский перевод/отправка иностранной валюты (телеграфный перевод, отправка чека): при оплате авансом кредит возможен, при оплате по получении товара невозможен. Скорость операции отсутствует, оплата за услуги невысокая.

Вариант 2. Оплата чеком по аккредитиву: кредит отсутствует, скорость операции не определена, оплата за услуги высокая.

Вариант 3. Оплата чеком без аккредитива: кредит и скорость не определены, оплата за услуги высокая.

При большой сумме платежей предпочтительны вариант 2 или 3, при незначительной сумме платежей предпочтителен вариант 1.

2. Товарная структура экспорта Японии в Россию и импорта Японии из России в 2018 г.

Основными экспортными позициями Японии в Россию являются автомобили, автомобильные комплектующие, автомобильные шины. Основными импортными позициями являются сырая нефть, сжиженный природный газ, каменный уголь.

В японском экспорте стоимость автомобилей составила 361,3 млрд иен, в том числе новых автомобилей – 299,5 млрд иен, поддержанных автомобилей – 32,3 млрд иен.

Стоимость строительных машин и механизмов составила 40 млрд иен, в том числе новых – 38,4 млрд иен, бывших в эксплуатации – 1 млрд иен.

В экспорте резинотехнических изделий 65% составили автомобильные шины, остальное – резиновые прокладки, трубы, ремни, медицинские изделия, резиновая обувь, конвейерные ленты, вспененная резина.

3. Перспективы дальнейшего бизнеса в России (по итогам опроса японских компаний) (табл. 1–3)

Таблица 1

Распределение ответов респондентов о перспективах дальнейшего бизнеса в России

Вариант развития бизнеса	Кол-во ответов, %	Кол-во компаний
Изучают возможности расширения и укрепления бизнеса	41,7	45
Предполагают сохранить нынешний уровень присутствия	32,4	35
Рассматривают вопрос о сокращении присутствия или ухода	0	0
Не планируют вхождение на рынок	20,4	22
Прочие	5,5	6

Таблица 2

Распределение ответов респондентов о предпочитаемых сферах деятельности (до трех сфер множественный ответ), %

Желательная сфера деятельности	2016	2017	2018
Минеральные и энергетические ресурсы	58,2	61,2	58,8
Инфраструктурная	33,5	35,5	35,3
Производство автомобилей и автомобильных комплектующих	31,2	31,6	24,5
Медицинская	15,3	23,0	21,6
Химическая и нефтехимическая	6,5	11,2	14,7
Транспортно-логистическая	10,0	13,2	13,7
Продовольственная	11,2	16,4	12,7
Охрана окружающей среды	10,6	5,9	11,8
Информация и связь	10,0	3,3	11,8
Электроприборы и точные инструменты	7,1	3,0	9,8
Энергетическая	8,2	7,9	7,8

Таблица 3

Распределение ответов респондентов об основных проблемах ведения бизнеса в России (множественный ответ, до трех параметров, количество ответов)

Тип проблемы	Кол-во ответов
Административные	41
Юридические	31
Таможенные	21
Налоговые, системы расчетов	16
Финансовая политика, финансовая система	14
Въезд/выезд из страны, устройство на работу	13
Инфраструктурные	12
Финансовые сложности российских предприятий	11
Налоговая система, налоговая политика	10
Информационные	7
Промышленная политика	7
Контроль труда на местах	6
Политика по привлечению иностранных инвестиций	5
Судебная система	3
Система охраны интеллектуальной собственности	3
Безопасность	3
Прочие проблемы	23

Административные проблемы

Среди всех проблем при ведении бизнеса в России главными названы административные. Среди них выделены запутанность и сложность процедуры получения разрешений, длительность процедуры получения разрешений, разное отношение в каждом из окон обращения, большое количество документов, требующих официального подтверждения при обращении с запросами, на что уходит много времени, неожиданные изменения законодательства, безудержная коррупция.

Примеры пожеланий улучшения:

- упрощение процедуры получения разрешений, увеличение прозрачности и сокращение времени процедуры;

- унификация толкований законов и регламентаций, а также работы учреждений, куда приходится обращаться;
- увеличение прозрачности системы получения лицензий на медицинскую деятельность;
- совершенствование инфраструктуры по защите инвесторов;
- упрощение и ускорение процедур получения разрешений на строительство, строительные инспекции, на получение разрешений на использование строительного оборудования.

Юридические проблемы

Главные юридические проблемы

Часто изменение законодательства требует много времени, введение новых законов или внесение поправок, объявление времени ввода в действие часто осуществляются непрозрачно и неожиданно, на местах, на предварительное информирование отводится недостаточно времени, нарушаются условия добросовестной конкуренции в результате внутренней и внешней дискриминации, когда применяются утилизационный сбор или налог на обязательное строительство, из-под которых исключаются российские компании.

Кроме того, встречаются комментарии, в которых указывается на то, что из-за того, что соответствующие власти уклоняются от ответственности, прослеживается тенденция к сложностям с получением ответов на тонкие вопросы.

Примеры пожеланий улучшения:

- применение юридической системы, соответствующих международным нормам смягчение условий получения виз по прибытии в аэропорт в случае судебных исков уважать предыдущие прецеденты.

Процедуры оформления экспорта / импорта

Что касается процедуры оформления экспорта/импорта, то в комментариях на этот счет указывается на непрозрачную и муторную процедуру таможенной очистки, слабое применение аккредитивов, предпочтение расчетов по предоплате, ограничение проведения торговых операций через крупные банки вследствие экономических санкций со стороны США и европейских стран, требования огромного количества документов для подтверждения истинности цен на заявленные товары по средней цене установленной по коду Эйч-Эс.

Кроме того, указывает на то, что даже при поставке сырья по дешевой цене таможенные платежи взимаются на основе ценовых показателей таможенных органов и для того, чтобы вернуть завы-

шенные таможенные платежи, приходится идти на переговоры, чтобы оправдать истинность импортных цен и предоставлять огромное количество документов, а нормы для признания возврата платежей не ясные.

Примеры пожеланий улучшения:

- упрощение и ускорение таможенных процедур, увеличение их прозрачности;
- упрощение и придание большей прозрачности процедуре подтверждения соответствия импортных товаров ГОСТУ-Р;
- упрощение процедуры подтверждения ЕАС, увеличение ее прозрачности, унификация норм.

Финансовая политика, финансовая система

Что касается финансовой политики и финансовой системы, то высказывается много пожеланий по части финансовой политики, включая обеспечение стабильности рубля. Кроме того, в результате экономических санкций переводы в иностранной валюте (долларах США) занимают много времени и требуют больших хлопот, в результате чего это становится причиной задержки платежей. Встречаются также комментарии, согласно которым, до тех пор, пока финансовая политика не будет смягчена до такой степени, что платежи в валюте для иностранных компаний не будут приравнены к таковым для российских компаний, количество компаний с иностранным капиталом на Дальнем Востоке увеличиваться не будет.

Примеры пожеланий улучшения:

- смягчение нынешнего законодательства а также снижение ограничений на ведение расчетов с российскими компаниями в рублях при осуществлении торговых операций в иностранной валюте предоставлять финансовые услуги аналогичные тем, что предоставляются в Японии, США и европейских странах установление центробанком политической процентной ставки, соответствующей проценту инфляции.

Пример видимых улучшений:

- стабилизация обменного курса и политической процентной ставки благодаря осуществлению центробанком соответствующей политики в отношении инфляции.

Денежные потоки российских предприятий

Высказывались мнения, согласно которым, проблемами являются ставшие хроническими задержки российскими предприятиями платежей, осуществление торговых операций с предпола-

той целью избежание рисков по платежам, непосредственное негативное влияние экономических санкций в отношении России на финансирование проектов клиентов, концепция беззалогового финансирования краткосрочного оборотного капитала не получила распространения ни в центробанке, ни в местных банках, в результате чего финансовая система, которая должна поддерживать нормальное движение средств между предприятиями, не функционирует.

Примеры ухудшения ситуации:

- ухудшение денежных потоков у предприятий, оказавшихся под санкциями;
- сложности с предоставлением финансирования в долларах, вызываемые санкциями.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНДУСТРИИ МОДЫ

Фудзивара Кацуми
Университет Осака
Осака

Аннотация. В данной статье основное внимание уделено индустрии моды. Рассмотрены тенденции потребления и реакции на них производителей, а также эффективность государственной политики. Показаны стратегии глобальных и национальных ритейлеров в российском сегменте индустрии моды в зависимости от мер государственной политики, особенно в области импортозамещения. Проанализирована динамика доходов и расходов населения России на потребительские товары.

Ключевые слова: импортозамещение, государственная политика, доходы и расходы населения, потребительское поведение, Россия.

1. Введение

Экономический кризис 2014 г. был не таким шокирующим, как в 2008 г., но он был более продолжительным (*рис. 1*). Реальный ВВП вырос в 2017 и 2018 гг., но только на 1,5 и 2,3% соответственно. В настоящее время нельзя ожидать таких же высоких темпов роста, как в 2000-х гг. Что касается влияния на жизнь людей, то за четыре года после кризиса 2014 г. реальные доходы и личное потребление упали на 7,1 и 9,5% соответственно (расчеты автора по данным Росстата).

Во время экономического спада российское правительство принимало меры по развитию отечественной промышленности¹. Эти меры (субсидии и кредиты, выбор отечественной продукции для госзакупок, меры по стимулированию экспорта) призваны были привлечь инвестиции в производство. Одной из особенностей принятого в 2014 г. плана поддержки импортозамещения² является

¹ Такая политика увеличивает затраты предприятий (Ведомости. 2019. 19 апреля. С. 4).

² Об утверждении плана содействия импортзамещению в промышленности : распоряжение Правительство РФ от 30.09.2014 № 1936-р; Об утверждении плана мероприятия по содействию импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 гг. : распоряжение Правительство РФ от 02.10. 2014

то, что увеличение экспорта рассматривается как часть мер по повышению конкурентоспособности. В этой статье мы не будем углубляться в подробности, так как существует много исследований об эффективности этой политики в целом или фактических результатах в конкретных отраслях. Д. Медведев, а также другие представители правительства подчеркивают важность усиления конкурентоспособности на международном рынке (Медведев, 2016). С другой стороны, (Загашвили, 2016) поставил под сомнение влияние на экономику России интеграции в мировую экономику. Кроме того, ведутся многочисленные дискуссии о том, возможно ли развивать производство без импортного оборудования, учитывая слабость технологической и промышленной базы России (Миронов, 2019; Бажанов, Орешко, 2019).

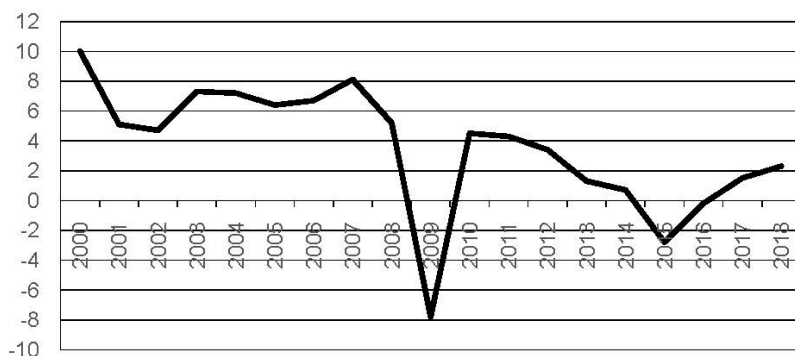

Рис. 1. Темпы роста ВВП в России

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

По сравнению с дискуссиями вокруг текущих экономических условий и прогнозов на будущее, потребители проявляют к политике правительства гораздо меньший интерес. В данной статье основное внимание уделяется индустрии моды, в частности производству одежды, рассматриваются тенденции потребления и реакция на них производителей, а также эффективность государственной политики. Мы рассматриваем индустрию моды, потому что эта

№ 1948-р; Об национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента от 07.05.2018 № 204. В майских указах Президента 2018 г. термина «импортозамещение» нет.

отрасль напрямую зависит от тенденций потребления. Индустрия моды включает в себя производство одежды, обуви и аксессуаров. Крупные компании по производству одежды выпускают также аксессуары и обувь, но доля одежды составляет около 60%¹. В индустрии моды в 2015 г. было зафиксировано значительное проседание производства, и только недавно отрасль восстановилась до уровня 2012 г. (рис. 2)².

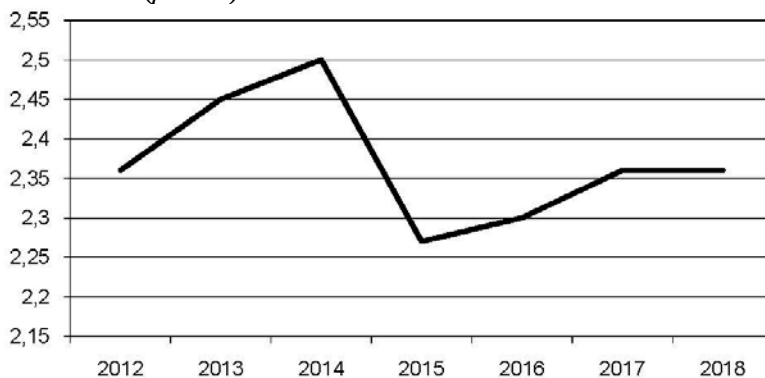

Рис. 2. Объем рынка модной индустрии, млрд руб.

Источник: составлено автором на основе данных Fashion Consulting Group.

2. Изменения в потребительском спросе

2.1. Влияние кризиса

Реальные доходы населения в России упали после экономического кризиса, зафиксировав самые высокие темпы снижения в 2016 г. (рис. 3). По данным частного исследовательского центра «Ромир» располагаемые доходы в России постепенно восстанавливались с 2015 г., а расходы на продукты питания не сокращались, но кризис по-прежнему оказывает влияние на рынок одежды³.

Основными способами экономии являются отсрочка покупок, переход на недорогие бренды и покупки на распродажах.

¹ Доли одежды, обуви и аксессуаров в индустрии моды составляют 61,4, 28,8 и 9,8% соответственно (Ведомости. 2018. 20 июля. С. 15).

² Объем рынка в 2018 г. составил 2,36 млрд руб. (Коммерсантъ. 2018. 21 декабря. № 236 (6474). С. 9).

³ Экономика и жизнь. № 19. 2018. 18 мая. С. 4.

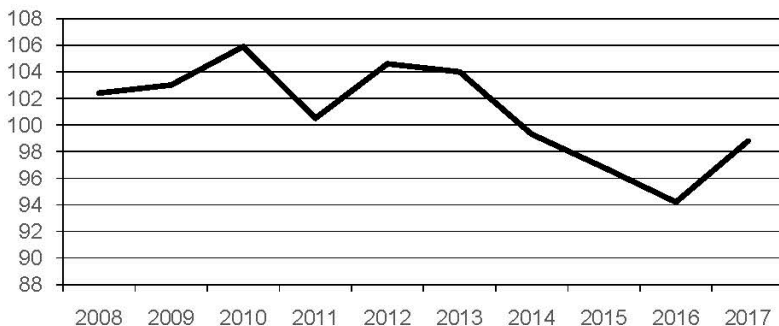

Рис. 3. Реальные доходы населения России, в % к предыдущему году

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Во-первых, 10 лет назад российские потребители тратили 8–10% своего располагаемого дохода на одежду, теперь эта доля упала до 3–4%. Кроме того, примерно две трети россиян сэкономили после кризиса 2015 г., причем 69% сократили расходы на одежду и обувь (Состояние..., 2017).

Во-вторых, по данным Fashion Consulting Group, 76% респондентов ищут более дешевые бренды, что отражается на структуре рынка и эффективности бизнеса¹. В период с 2014 по 2017 г. рынок низких цен расширился с 51 до 65%, а рынок среднего ценового диапазона сократился с 39 до 25% (рис. 4)².

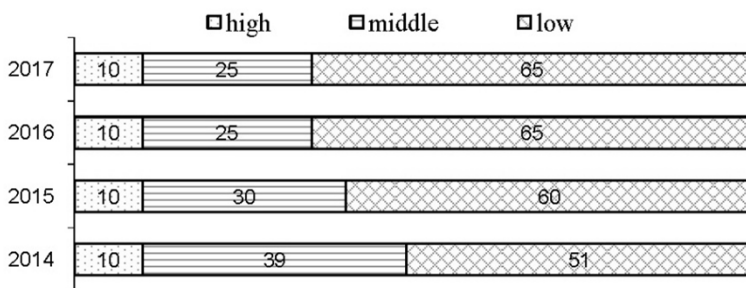

Рис. 4. Диапазон цен на российском рынке одежды, %

Источник: Состояние..., 2017.

¹ Эксперт. № 18. 2017. 1 мая. С. 21–27.

² Туристы, в основном из Китая, способствовали росту продаж предметов роскоши с 2016 г. (Burberry 16%, Tiffany & Co 19%, Vblgari 64%) (Ведомости. 2018. 16 ноября. С. 13).

Еще одно изменение – использование распродаж. Доля потребителей, ожидающих распродажи, составила 36% в 2017 г., что на 10% выше, чем в предыдущем году¹. Это указывает на то, что поведение потребителей не изменилось после кризиса.

Реакция потребителей на политику эмбарго российского правительства весьма негативна. В 2018 г. обсуждалось введение дополнительных ограничений на импорт сельскохозяйственной продукции, сырья, алкоголя, табака и фармацевтических препаратов. В опросе, проведенном в то время, 42% выступили против этой политики, а 29% ответили «не знаю». Из тех, кто выступал против, 42% высказали опасения по поводу появления некачественных товаров и подделок, 34% указали на повышение цен на отечественные товары или инфляцию, а 34% – на сокращение возможности выбора (Как россияне..., 2019).

2.2. Новые ценности

Современные потребительские ценности показывают изменения в трех направлениях: диверсификация (Diversification), независимость (Independence) и индивидуализация (Individualisation) (Состояние..., 2017).

Диверсификация – это появление новых форм потребления, таких как повторное использование (reuse) и совместное использование (sharing)². Растет экологическое сознание. Например, UNIQLO совместно с Высшей школой экономики реализует проект под названием «Повторное использование UNIQLO в России»³. Российский модный рынок движим так называемой быстрой модой, но понятие «медленная мода» как антитеза появилось и в России.

Независимость (Independence) относится к расширению диапазона самостоятельного принятия решений для потребителей в ответ на более легкий доступ к информации. Потребители делятся информацией в социальных сетях, таких как Twitter и Instagram. Интернет-продажи на рынке одежды по-прежнему составляют 8,5%, но на рынке электронной торговли (ЕК) доля одежды состав-

¹ Опрос более 1500 жителей в возрасте 18 лет и старше в городских и сельских районах (Лучшая..., 2019).

² Ведомости. 2018. 5 декабря. С. 11.

³ Информация о новых товарах и услугах UNIQLO. URL: http://www.uniqlo.com/ru/corp/pressrelease/2018/12/uniqlo_uniqlo_recycle.html (дата обращения: апрель 2019).

ляет 20–22%, это второе место после бытовой техники. Кроме того, влияние Интернета не ограничивается использованием интернет-магазинов. 72% потребителей проверяют домашнюю страницу бренда перед покупкой, а более 50% ищут информацию в социальных сетях¹.

Индивидуализация (Individualisation) означает кастомизацию, «настройку» продукта под заказы конкретных потребителей, а также персонализацию услуг. По словам директора центра «Ромир», распространение смартфонов привело к тому, что технические характеристики приложений и их индивидуальная настройка в соответствии с предпочтениями и требованиями пользователей стали важным фактором для любого бренда (Российское..., 2019).

Три вышеупомянутые тенденции - общемировые явления, которые проникли в Россию под влиянием глобализации и развития информационных технологий.

2.3. Доверие к «сделано в России»

Еще одно изменение – растущий интерес и доверие россиян к товарам, произведенным в России². По данным российской ежедневной газеты «РБК-газета»³ только 3,3% покупают исключительно иностранные товары, а 51% признают, что «в России есть хорошие бренды». По данным Google Russia, количество запросов «одежда российских дизайнеров» и «российская одежда» также увеличивается⁴.

Конечно, доверие к российским дизайнерам не обязательно ведет к доверию к российским товарам. На самом деле, большинство готовых товаров и полуфабрикатов в индустрии моды – продукция из-за рубежа⁵. Но в результате усилий российских компаний, направленных на то, чтобы наверстать упущенное, разрыв в производстве и логистике между отечественными и зарубежными компаниями сокращается, и можно сказать, что российские потребители начали это замечать. По словам А. Лебсак-Клейманс, гене-

¹ Оценки уровня распространения Интернет и соц.сетей варьируются в разных опросах (Состояние..., 2017).

² Индустрия моды. № 2. 2015. С. 9.

³ РБК. 2017. 1 июня.

⁴ Там же.

⁵ По данным Центра развития ВШЭ 60% одежды импортируется (Ведомости. 2018. 7 сентября. С. 15).

рального директора Fashion Consulting Group, «потребители хотят тратить деньги более рационально, другими словами, они не хотят оплачивать транспортировку, пошлины и зарплаты иностранных рабочих».

3. Реакция бизнеса

3.1. Реакция на кризис

Таблица 1 показывает долю рынка крупных компаний в швейной промышленности. По данным продаж в 2016 г., тремя крупнейшими компаниями являются Inditex (3%) с брендами Zara, Pull & Bear, Bershka, Oysho и Massimo Dutti, далее следуют O'stin (1,6%) и Gloria Jeans (1,5%).

Таблица

Доля рынка крупных компаний в швейной промышленности

Rank	Company	Sales (10 billion rubles)	Market share (%)
1	Inditex	69,2	3
2	O'stin	35,8	1,6
3	Gloria Jeans	34	1,5
4	H&M	29,8	1,3
5	Kari	29,2	1,3
	...		
27	Fast Retailing	6,4	0,3

Источник: Ведомости. 2017. 18 октября; Fashion Consulting Group.

Во время экономического кризиса существовали противоречивые ценовые стратегии. Одна из них – сохранение или снижение цен для поддержания доли рынка, отдельные товары дешевели на 30%. Другая – повышение цен в среднем на 10–15%, связанное с инфляцией. Первой стратегии следовали крупные зарубежные компании¹, для которых важность бизнеса в России была не так велика, а вторая стратегия была принята отечественными компаниями.

Кроме того, когда использование потребителями распродаж стало обычным явлением, компании приняли новые стратегии. Первая – незначительное повышение начальной цены и активное ее

¹ Например, российский бизнес составляет всего 2,7% для H&M (H&M..., 2019, с. 17). На долю Inditex Russia приходилось 3,5% прибыли до налогообложения в 2018 г. (Inditex..., 2019).

снижение во время распродаж, чтобы создать ощущение «справедливой цены». Вторая – стратегия крупных корпораций, которые увеличивают количество недорогих базовых вещей и уменьшают долю дорогих товаров¹.

3.2. Производство в России

Как уже упоминалось, российское правительство в условиях экономических санкций приняло меры по стимулированию импортозамещения и экспорта. Целью этих мер было развитие российского производства, а слабый рубль служил неким «оружием». Программа развития легкой промышленности (2016–2025 гг.) предполагает снижение доли импорта с нынешних 75 до 70% и увеличение объемов экспорта с 79 млрд руб. до 154 млрд руб. (Стратегия..., 2017).

Однако легкая промышленность сильно пострадала сразу после распада Советского Союза, а производственные мощности и рабочая сила были потеряны в течение последней четверти века. Можно сказать, что у легкой промышленности нет потенциала, достаточного для эффективного использования колебаний обменных курсов (Fujiwara, 2017).

В последние годы некоторые компании стремительно расширяют производство. Однако это является результатом внедрения современного оборудования и связано с логистическими преимуществами (т. е. близостью к рынкам). По данным Gloria Jeans, работа, которая в Азии занимает два месяца, может быть выполнена за 4–5 дней в Ростове-на-Дону, и продукция может быть отправлена в магазины через две недели². Инвестиции в Россию с целью использовать эти преимущества³ позволяют предположить, что компании рассматривают Россию как логистическую базу в средне- и долгосрочной перспективе.

Кроме того, бизнес-стратегии диверсифицируются. В течение долгого времени российские компании использовали быструю моду в качестве бизнес-модели, но в последние годы появились также компании, ориентированные на уникальный дизайн и товары среднего ценового диапазона. Например, BAON делает акцент на кон-

¹ Коммерсантъ. № 93 (6331). 2018. 31 мая. С. 10.

² Процесс производства Gloria Jeans можно увидеть на YouTube (Как делаются джинсы GJ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QF4F7eQiNPs> (дата обращения: апрель 2019).

³ Экономика и жизнь. № 28. 2017. 21 июля. С. 10.

курентоспособные товары, подходящие для российского климата (трикотаж и пуховики), ориентируясь на несколько более высокий ценовой диапазон, чем быстрая мода. Производство таких товаров растет в России и Беларуси¹. По словам А. Лебсак-Клейманс, преимущество российских компаний в том, что они «лучше знакомы с покупателями, их предпочтениями и особенностями телосложения²». Российские компании также предлагают широкий ассортимент товаров больших размеров.

Правительство предоставляет субсидии российским дизайнерам в надежде, что они будут использовать российское сырье. Но дизайнеры признаются, что на самом деле в России сегодня сложно получить качественный текстиль (Bevins, 2015).

Например, известный дизайнер А. Ахмадуллина имеет производственные базы в России и Китае, но на самом деле на российских фабриках выполняется лишь небольшое количество частных заказов. По словам дизайнера, «хотелось бы производить часть ассортимента на российском заводе, но в Китае можно получить все материалы, включая аксессуары, а в России это очень дорого и требует дополнительных затрат».

4. Реакция государства

Как уже упоминалось выше, российские потребители, особенно молодежь, активно осваивают новые технологии, в первую очередь информационные, и формируют ценности, схожие с ценностями молодежи в развитых странах. Телевидение по-прежнему является источником информации для большинства россиян (около 90%) (Волков, Гончаров, 2014), но если рассматривать только Москву, то 42% пользуются Интернетом и 25% – социальными сетями (Szostek, 2017).

Российские компании также прилагают усилия к тому, чтобы догнать развитые страны с точки зрения производства и сбыта. Внедрение зарубежных средств и систем, привлечение иностранцев, перемещение производственных баз за рубеж – это плоды глобализации.

¹ Интервью автора с директором по продукции Анной Сироткиной, сентябрь 2017 г.

² Эксперт. № 5. 2018. 29 января. С. 32.

С другой стороны, в политическом плане изоляция России (антиглобализация) в глобальном обществе усиливается с 2014 г., что также сказывается на экономической деятельности, такой как стимулирование экспорта и импортозамещения.

Например, российское правительство запретило компаниям, работающим с госзакупками, использовать импортный текстиль или продукцию легкой промышленности. Кроме того, крупным компаниям был предоставлен льготный режим социального страхования при покупке одежды, производимой Евразийским экономическим союзом. В результате отечественные компании получают 15-процентное ценовое преимущество над иностранными компаниями. По данным Министерства экономического развития и торговли, доля российской продукции в госзакупках текстиля у государственных компаний увеличилась с 35% в 2015 г. до 62% в 2018 г. Тем не менее, госзакупки рабочей и форменной одежды имеют тенденцию концентрироваться на конкретных компаниях¹, поэтому вышеупомянутая политика не касается большого количества предприятий².

Другой пример – продвижение отечественного производства. Министерство экономического развития и торговли в 2014 г. запустило проект «Сделано в России», а для управления этим товарным знаком в 2015 г. учредило организацию под названием «Российская система качества» (распоряжение Правительства РФ № 780-р). На сегодняшний день объем экспорта соответствующей продукции составил 370 млн руб.

Кроме того, Министерство экономического развития и торговли призывает иностранные компании иметь производственные мощности в России. Весной 2016 г. министерство предложило испанской компании Inditex и шведским компаниям H&M и IKEA размещать заказы на российских предприятиях либо открыть свои производства в России. Первоначально сообщалось, что эти компании выразили заинтересованность, однако конкретные соглашения достигнуты не были.

В 2017 г. «Российская система качества» при Министерстве экономического развития и торговли заявила, что нижнее белье Zara, флагманского бренда компании Inditex, вредно для здоровья и

¹ Например, большинство заказов на форменную одежду сосредоточены в группе компаний БТК, принадлежащей Боллоеву Т. (Fujiwara, 2011).

² Эксперт. № 16. 2019. 15 апреля. С. 34–39.

не соответствует техническим требованиям Евразийского экономического союза. Высокопоставленный чиновник в министерстве заявил, что Zara будет вынуждена прекратить продажу этих товаров, и предположил обсудить производство в России с руководством Inditex¹. В июле 2018 г. Inditex подписал соглашение с заводом в Тверской области Morozov Traditions о производстве головных уборов и шарфов марки Zara². В августе того же года Министерство экономического развития и торговли начало подбор российских компаний, готовых стать партнерами Inditex в Пермском крае. Все вышеизложенное говорит о сильном давлении со стороны правительства на эту зарубежную компанию.

Если исходить из того, что высокая оценка российскими потребителями отечественных товаров – результат кампании под названием «Сделано в России», то, наверное, можно говорить об успехах правительства России по повышению патриотизма (Gurova et al., 2016). Однако потребители не показывают готовности отдавать безусловное предпочтение отечественным товарам и отказываться от товаров иностранных. Как уже упоминалось выше, если российские потребители и предприятия извлекают выгоды из глобализма, антиглобалистические настроения не будут расти даже при условии усиления националистических тенденций во власти.

5. Заключение

Стремление к экономии, возникшее во время экономического кризиса, по-прежнему сохраняется среди российских потребителей, но и они ничем не отличаются от потребителей в развитых странах, с точки зрения требований к качеству и дизайну продукции. В частности, молодые люди (поколения Y или Z) обладают высокой информационной грамотностью, чувствительны к мировым тенденциям (Васютина и др., 2019; Шестакова, 2016; 30 фактов..., 2017), у них появляются новые ценности. До сих пор стагнация российской экономики не связана с сильными антипутинскими силами, однако нарастает противодействие ограничениям на импортные товары.

Трудно отрицать тот факт, что производительность труда на российских предприятиях не столь высока. Однако они очень заин-

¹ Ведомости. 2017. 27 января. С. 6.

² Там же.

тересованы в ее повышении и в приобретении управленческих навыков. Многие компании уже передали большую часть своих производств в Азию, чтобы не проиграть в ценовой конкуренции с мировыми компаниями. Кроме того, некоторые компании включили Россию в глобальную цепочку создания стоимости и увеличивают производство в России.

С другой стороны, после введения экономических санкций и экономического кризиса в 2014 г. российское правительство, продвигая внутреннюю экономическую политику, иногда принимало жесткие меры. Были отмечены такие результаты, как увеличение соотношения внутренних закупок, однако до сих пор не наблюдается каких-либо серьезных последствий, которые бы существенно изменили поведение потребителей и компаний. Российские потребители и компании глубоко укоренились в мировой экономике, а российская индустрия моды под влиянием глобализации развивается, диверсифицируясь и усложняясь¹.

Список литературы

- 30 фактов о современной молодежи / Yangspeis. 2017. URL: https://youngspace.ru/wp-content/uploads/2017/03/158487_youth_presentation.pdf (дата обращения: апрель 2019).
- Бажанов В., Орешко И. Обработывающие производства России: санкции, импортозамещение // ЭКО. 2019. № 1. С. 75–92.
- Васютина Е.С., Матраева Л.В., Королькова Н.А. Проблему трансформации поведенческой модели поколения Z // ЭКО. 2019. № 3. С. 135–145.
- Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, интернет / Левада Центр. 2014. 17 июня. URL: <https://www.levada.ru/2014/06/17/rossijskij-media-landshaft-televidenie-pressa-internet/> (дата обращения: апрель 2019).
- Загашвили В. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 137–148.
- Как россияне относятся к возможности запрету на ввоз импортного алкоголя / Romir. 2019. URL: <http://romir.ru/studies/kak-rossiyane-otnovsyatsya-k-vozmojnomu-zapretu-na-vvoz-importnogo-alkogolya> (дата обращения: апрель 2019).

¹ Тот факт, что многие иностранные компании считают российский рынок привлекательным, также свидетельствует о том, что российские потребители поддерживают глобализацию. UNIQLO открыл 8 магазинов в России в 2018 г.

- Лучшая стратегия экономии – охота за скидками / Romir. 2019. URL: available at: http://romir.ru/studies/940_1500498000/ (дата обращения: апрель 2019).
- Медведев Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 5–30.
- Миронов В. О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5–35.
- Российское общество: кризис, стабильность или стагнация? / Romir. 2019. URL: <https://romir.ru/news/rossiyskoe-obshchestvo-krizis-stabilnost-ili-stagnaciya> (дата обращения: апрель 2019).
- Состояние розничной торговли товарами легкой промышленности / Fashion Consulting Group. 2017.
- Стратегия развития легкой промышленности в Российской Федерации на период до 2025 года / Минпромторг РФ. 2017. URL: <http://minpromtorg.gov.ru/> (дата обращения: июнь 2019).
- Шестакова А. Клиповое мышление: как молодежь воспринимает информацию? URL: <https://youngspace.ru/faq/klipovoe-myshlenie-kak-molodezh-vospriimaet-informatsiyu/> / Youngspace. 2016 (дата обращения: апрель 2019).
- Annual Report 2018 / H&M Group. 2019. 80 p. URL: <https://about.hm.com/content/dam/hmgroupp/groupsite/documents/masterlanguage/Annual%20Report/Annual%20Report%202018.pdf> (дата обращения: апрель 2019).
- Bevins V. Russia's Patriotic Fashion Agenda / BoF Professional. 2015. 30 October. URL: available at: <https://www.businessoffashion.com/articles/global-currents/russias-patriotic-fashion-agenda> (дата обращения: апрель 2019).
- Fujiwara K. The influence of Globalization on the Russian Fashion Industry // Japanese Journal of Comparative Economics. 2017. Vol. 54. No. 2. Pp. 1–14. (На яп. яз.)
- Gurova O. et al. Patriotic (Non) Consumption: Food, Fashion and Media. An Introduction // Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2016. Issue 16. Pp. 1–7.
- Inditex Group consolidated annual accounts as at 31 January 2019. URL: <https://www.inditex.com/investors/investor-relations/annual-reports> (дата обращения: апрель 2019).
- Szostek J. News Consumption and Anti-Western Narratives in Russia: A Case Study of University Students // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. Issue 2. Pp. 284–302. DOI: 10.1080/09668136.2016.1274019.

ПЕРЕГОВОРЫ ПО МИРНОМУ ДОГОВОРУ И ЧТО СТОИТ ЗА НИМИ: ВЗГЛЯД С ЯПОНСКОЙ СТОРОНЫ

Хакамада Сигэки

*Ниигатский префектуральный университет
Ниигата*

Аннотация. Обсуждаются проблемы российско-японских отношений: подписание мирного договора, передача островов. Описываются позиции каждой из сторон в процессе урегулирования отношений при формировании основополагающих документов – Совместной декларации СССР и Японии (1956 г.), Токийской декларации (1993 г.).

Ключевые слова: мирный договор, Совместная декларация СССР и Японии, Токийская декларация, переговоры, Япония, Россия.

Введение в проблему

Исследователям сложно объективно говорить о таких проблемах как мирный договор, поскольку это затрагивает суверенитет государства. Международное право, а также соглашения между двумя государствами, каждое государство и его руководители преследуют свои государственные интересы и обычно толкуют события в своих интересах. Кроме того, если говорить о «взгляде с японской стороны», то это не означает, что между японскими политиками и специалистами существует общее мнение.

Как японский исследователь, автор часто выражал свое мнение и высказывал открытую критику в отношении ошибочного понимания и подходов японского и российского правительств, а также по поводу того, как должно действовать японское правительство.

Причины того, что переговоры по мирному договору заходят в тупик в вопросе принадлежности четырех островов Южных Курил, по крайней мере, в их нынешнем состоянии, заключаются в том, что в возможно приемлемой политике Японии и России практически нет возможности для компромисса. В российской прессе высказалась аналогичная точка зрения следующим образом: «Приемлемый для японцев вариант абсолютно неприемлем для россиян.

А то, что вполне устроило бы нас, является оскорблением в глазах потомков самураев» (Ростовский, 2018).

Рассмотрим такие вопросы, как Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. (далее – Декларация 1956 г.), которая привлекла внимание, благодаря согласию в последнее время японских и российских руководителей на переговоры; Токийскую декларацию 1993 г., которая была положена в основу позиции японского правительства в ходе многолетних переговоров по мирному договору; последние соглашения и высказывания руководителей обеих стран по мирному договору (Сборник..., 1960; Российско-японские..., 2019). За рамками статьи останутся связанные с этим вопросы толкования и споры обеих сторон: Атлантическая хартия, Каирская декларация, Устав ООН, Потсдамская декларация, Ялтинские соглашения, Сан-Францисский мирный договор (в части, касающейся Курильских островов). Это также связано и с тем, что такое соглашение, как Токийская декларация, была составлена на основе этих обсуждений.

Премьер-министр Синдзо Абэ и Президент РФ Владимир Путин на встрече в Сингапуре 14 ноября 2018 г. договорились об активизации (на японском официальном языке «ускорении») российско-японских переговоров по мирному договору на основе Декларации 1956 г. Таким образом, Декларации 1956 г. вновь привлекла внимание, однако взгляды на ее толкование в обеих странах различаются. Кроме того, в Японии существует проблема по поводу связи между Декларацией 1956 г. и Токийской декларацией, что требует некоторого пояснения.

Изменения в толковании Декларации 1956 г. и наивное мнение японской стороны

Пункты 9 и 10 Декларации 1956 г. имеют отношение к территориальной проблеме, ниже излагается ее текст:

«9. Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении мирного договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского

государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

10. Настоящая Совместная Декларация подлежит ратификации. Она вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами.

*Москва,
19 октября 1956 года».*

В то время, когда было достигнуто соглашение по совместной декларации, обеими странами понималось, что «передача» островов Шикотан и Хабомаи предусматривала передачу и суверенитета над ними. В связи с этим и сейчас специалисты по Японии МГИМО и Института востоковедения РАН понимают это аналогичным образом. Следовательно, в той мере, в какой японская сторона берет за основу Декларацию 1956 г., естественно полагать, что возвращение, как минимум, маленьких островов Шикотан и Хабомаи, площадь которых составляет 7% от общей площади северных территорий, является само собой разумеющимся.

Однако сегодня Путин и значительная часть населения России выступает против возвращения этих двух маленьких островов. Таким образом в России следование Декларации 1956 г. и возвращение двух островов полностью противоречат друг другу и выхода из тупика нет. Возникает вопрос, как президент Путин собирается разрешить эту проблему.

1 марта 2012 г. господин Путин, когда он незадолго перед своим возвращением на пост президента еще был председателем правительства, встретился с представителями западных и японских СМИ. От Японии в этой встрече принял участие главный корреспондент газеты «Асахи симбун» Вакамия Есибуми. В ходе встречи у него состоялся обмен вопросами и ответами с председателем правительства Путиным по территориальной проблеме. Тогда господин Путин ответил следующим образом: «В этой ситуации мы должны добиться приемлемого обеими сторонами компромисса. Это что-то вроде «хикивакэ» (ничья). В Декларации 1956 г. не было написано на каких условиях передаются острова и под чьим суверенитетом они будут находиться после их передачи».

Тогда в газете «Асахи симбун» было напечатано подробное содержание диалога между Вакамия и Путиным и при этом было особенно выделено слова «хикивакэ» (ничья), однако его последнее жесткое в отношении Японии высказывание опубликовано не было. Другие японские СМИ последовали примеру «Асахи симбун». Тогда «Асахи симбун» подала слова Путина с использованием терминологии борьбы дзюдо как сильный посыл, вызывающий удивление. Она написала, что это рискованное высказывание, намекающее на возможность компромисса по территориям, является показателем сильного желания разрешить территориальную проблему, а телерадиокорпорация «Эн-Эйч-Кэй» сообщила: «Он продемонстрировал желание после возвращения на пост президента разрешить территориальную проблему».

И таким образом по Японии мгновенно распространилось оптимистическое мнение, что Путин по отношению к проблеме северных территорий занял мягкую и компромиссную политику. Слово «хикивакэ» привело к тому, что специалисты, представители СМИ и руководители правительства посчитали, что также как и в разрешении территориальной проблемы в российско-китайских отношениях, при том, что площадь переданных территорий была равна площади трех островов – Кунашира, Шикотана и Хабомаи, стали рассуждать о том, что он собирается передать все четыре острова.

И премьер-министр Абэ, многие политики и представители СМИ, а также японские специалисты по России склонились к мнению, которое можно назвать наивной мечтой, в отношении возможности разрешения территориальной проблемы и в отношении позиции Путина и России.

На сайте правительства РФ приведено высказывание Путина, которое отличается от той информации, которая была опубликована в Японии. Та часть, в которой была высказана его основная мысль, была опущена в сообщениях газеты «Асахи симбун» и других японских СМИ. Даже многие из тех экспертов, которые обычно занимали жесткую позицию в отношении Путина и политики России, подумали, что, если Япония согласится на возвращение всего двух островов – Шикотана и Хабомаи, – Путин сразу же вернет их Японии. Однако позиция президента Путина и российского руководства по территориальной проблеме и по проблеме суверенитета гораздо жестче, чем полагает большинство японцев.

Теперь надо дать пояснения по поводу того, как президент Путин разрешил абсолютное противоречие между тем, что декларация 1956 г. обязывает возвращение двух островов, о чем говорят и российские СМИ, и позицией, отрицающей возвращение этих островов, найдя для этого изощренную лазейку (Ростовский, 2018).

В статье 9 Декларации 1956 г. невозможно найти какие-либо лазейки. Однако Путину это удалось. С точки зрения Путина, в этом документе «не говорится, на каком основании их передать, не говорится и о том, под чьим суверенитетом эти острова останутся». Обычно склонный к разговору без обиняков, Путин ударился в казуистику в ее самой беззастенчивой форме. Ударился – и абсолютно правильно сделал (Ростовский, 2018).

Хотя Путин указывает на то, что в Декларации 1956 г. не говорится о том, на каких условиях может быть осуществлено возвращение, на самом деле это не соответствует действительности. Там говорится об одном условии и это то, что оно может быть осуществлено после заключения мирного договора. Таким образом, Путин хочет сказать, что возвращение островов после заключения мирного договора может быть связано и с другими условиями. Говоря теми словами, которые используют российские комментаторы, это абсолютно правильная казуистика.

Признание Токийской декларации – самая большая ошибка России

Правительство Японии сохраняло позицию, согласно которой основу переговоров по мирному договору и переговоров по территориальной проблеме составляет решение вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи с последующим заключением мирного договора. Премьер-министр, министр иностранных дел, генеральный секретарь кабинета министров и другие руководители в своих выступлениях с разъяснениями позиции по этому вопросу и в правительстве, и в парламенте всегда использовали эту формулировку.

Часто существуют ошибочные толкования. Это «разрешение вопроса принадлежности четырех островов» и «одновременное возвращение четырех островов». В действительности ранее упомянутые деятели прибегают к ключевой фразе – согласие на основе подписанной по согласованию между обеими сторонами в 1993 г.

Токийской декларации. Напротив, в последние годы, особенно после подписания Токийской декларации японское правительство в политике в отношении России почти не использует эту формулировку. Ниже приведены выдержки из текста Токийской декларации:

«2. Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения.

*Токио,
13 октября 1993 г.*

*Президент Российской Федерации
Премьер-министр Японии*

*Б. Ельцин
Мориhiro Хосокава».*

Выделенный текст составляет базовый курс японского правительства в переговорах с Россией. Это не является жесткой позицией японской стороны. Причина этого заключается в том, что здесь говорится только о разрешении проблемы возвращения островов, но нет никакого упоминания о том, кому они будут принадлежать. Другими словами, это совершенно нейтральная формулировка. То есть, имеется в виду, что принадлежность будет определена по итогам переговоров, что несет риски для японской стороны. Именно по этой причине российская сторона, признав декларацию, пошла на ее подписание.

Немного отвлекусь, и представлю объяснения по странной проблеме, которая вызвала смятение в умах у населения обеих стран. Японское правительство утверждает, что «четыре северных острова исторически и юридически являются исконными японскими территориями» и что «четыре северных острова были незаконно захвачены». Это «основополагающая позиция» Япо-

нии. Однако, если такая основополагающая позиция ставится в качестве предпосылки переговоров, то переговоры ни к чему не приведут. Поэтому естественно будет ожидать, что российская сторона не посчитает нужным сесть за стол переговоров. По этой причине в качестве базового курса на ведение переговоров с Россией была избрана другая, не «основополагающая» нейтральная позиция.

Возникает вопрос, почему японская сторона подписала Токийскую декларацию, несмотря на содержащиеся в ней большие риски для нашей страны. В чем достоинства этого документа? Они заключаются в том, что в Декларации 1956 г. речь шла только о двух островах – Шикотан и Хабомаи, – но в результате многолетних двусторонних переговоров в тексте Токийской декларации было указано, что неразрешенной проблемой является принадлежность четырех островов, то есть Итурупа, Куншира, Шикотана и Хабомаи, и в ней содержится обязательство, что стороны согласны скорейшим образом посредством переговоров эту проблему разрешить. То есть, обе стороны признают, что линия границы между ними не определена. 13 марта 2002 г. министр иностранных дел РФ в администрации Путина в Государственной думе заявил: «Между Россией и Японией нет границы, признанной международными договоренностями, и для того, чтобы не оставлять нерешенными спорные территории, необходимо провести с Японией переговоры по мирному договору».

Складывается впечатление, что в настоящее время российское руководство считает подписание Токийской декларации самой большой ошибкой России в политике в отношении Японии в части, касающейся переговоров по мирному договору.

Однако, сам президент Путин, подписав в марте 2001 г. Иркутское заявление, а в январе 2003 г. Российско-японский план действий, признал важность Токийской декларации. В Иркутском заявлении Декларация 1956 г. определяется как базовый юридический документа, который является исходным пунктом для переговоров, а в Токийской декларации указывается, что стороны согласились в том, с указанием названий всех четырех островов, что решение проблемы их принадлежности с последующим подписанием мирного договора приведет к полной нормализации двусторонних отношений.

Для отрицания Токийской декларации президент России часто говорит, что «единственным документом, ратифицированным

парламентами обеих стран, является совместная Декларация 1956 года». Это является опосредованным указанием на то, что «Токийская декларация не обладает юридически обязывающей силой». И что следует считать его соглашением между двумя странами, не требующим обязательного исполнения. Следовательно, если в пункте 10 Декларации 1956 г. указывается на необходимость ее ратификации парламентами обеих стран, то Токийская декларация изначально не предусматривает ее ратификацию парламентами. Однако с точки зрения Венской конвенции о праве о международных договорах, участником которой является и Россия, Токийская декларация, под которой стоят подписи глав обоих государств, и которые обменялись подписанными документами, обладает международной юридической силой.

Министерства иностранных дел Японии и России совместно подготовили и в 1991 г. опубликовали, а затем уже при администрации Путина в 2001 г. обновили «Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией с Японией». В новом издании впервые включена Токийская декларация. Возникает вопрос, почему не имеющая юридической силы Токийская декларация включена в документ, составленный внешнеполитическими ведомствами обеих стран.

Ситуация решительным образом изменилась в сентябре 2005 г., когда президент Путин в своем выступлении по телевидению заявил: «Южно-курильские острова перешли под суверенитет России по итогам Второй мировой войны. Это признается международным правом, и по этому пункту у нас больше нет никаких намерений вести дискуссии».

Это заявление Путина отражает мнение, полностью отрицающее позицию соглашения двух стран, изложенную в Токийской декларации, а также ту позицию, которую он занимал в прошлом, признав этот документ, и означает ужесточение его позиции в отношении Японии. Когда на следующий год на Валдайской конференции во время непосредственного диалога с ним был задан вопрос: «По какой причине вы пошли на ужесточение позиции в отношении Японии», убедительного ответа получено не было.

В феврале нынешнего года министр иностранных дел РФ Лавров на японско-российских переговорах на уровне министров иностранных дел заявил: «Признание Японией итогов Второй мировой войны, включая суверенитет России над четырьмя ост-

ровам, является обязательным условием для переговоров по мирному договору». После этого он неоднократно повторял это высказывание. Это не является позицией сторонников жесткого подхода, к которым принадлежит министр Лавров, это всего лишь послушное следование мнению президента Путина. В последнее время в России стали нередкими высказывания, согласно которым, «в российско-японских отношениях нет территориальной проблемы». Но тогда для чего стороны в течение многих лет вели переговоры по территориальному размежеванию и составляли и подписывали различные согласительные документы? И для чего тогда вести дальнейшие переговоры по мирному договору?

После того, как в марте 2014 г. возникла проблема аннексии Крыма многие страны во главе с США и европейскими государствами ужесточили санкции в отношении России. Наряду с этим в Восточной Азии обострились такие проблемы, как северокорейская и китайская, а Япония запланировала размещение на своей территории противоракетного комплекса «Иджис эшор», и в этой ситуации президент Путин усилил озабоченность японско-американской военной мощью и в марте нынешнего года заявил, что выход Японии с японско-американского договора безопасности является обязательным условием для заключения мирного договора.

Многие японские СМИ и эксперты заговорили о том, что переговоры по мирному договору сталкиваются с трудностями из-за противостояния между Россией и США и европейскими государствами, из-за падения рейтинга президента Путина в стране. Однако в действительности переговоры по договору сталкиваются с трудностями уже давно.

Логические противоречия администрации Абэ на переговорах с Россией

В настоящее время не только между правящими и оппозиционными партиями, но и между экспертами имеют место самые различные мнения и оценки, что порождает сумятицу. Позиция премьер-министра Абэ, его горячее стремление полностью нормализовать двусторонние отношения и заключить мирный договор, значительно превышают таковые у его предшественников. Однако и

его подход вызывает сомнения и настороженность. Рассмотрим несколько примеров.

В мае 2016 г. премьер-министр Абэ в Сочи провел переговоры с президентом Путиным. Тогда японская сторона предложила план из 8 пунктов, основу которого составляла экономика (План..., 2019). Однако этот план сотрудничества из 8 пунктов до сих пор не продвигается так, как на это надеялась российская сторона, и хорошо известно, что президент и российские лица, имеющие к этому отношение, испытывают недовольство.

Вызывает сомнения подход премьер-министра Абэ, согласно которому до последнего времени переговоры по территориям не продвинулись ни на сантиметр. Он говорил, что японская сторона должна отказаться от прежних идей и принять новый подход. Что касается этого нового подхода, то почти все российское руководство понимает его, как «положить территориальную проблему в долгий ящик и вести переговоры по мирному договору с упором на экономическое сотрудничество».

В подходе премьер-министра Абэ имеется логическое противоречие. В то время как президент Путин ужесточил свой подход к Японии по территориальной проблеме, премьер-министр Абэ продолжал придерживаться наивной точки зрения, полагая, что его новый подход приведет к смягчению позиции российской стороны на переговорах по мирному договору.

Посмотрев на уступки японской стороны, российская сторона должна была полагать, что политика ужесточения позиции в отношении Японии была правильной. Если следовать этой логике, то для дальнейшего продолжения переговоров необходимо было ужесточать политику в отношении Японии. Поэтому то, что Япония ожидает, и то, что она делает, находятся в логическом противоречии.

Таким образом, реальная позиция российской стороны по переговорам по мирному договору еще более ужесточилась. Не только ранее процитированный министр, но и президент Путин в сентябре 2018 г. на Восточном экономическом форуме неожиданно предложил премьер-министру Абэ: «Давайте до конца нынешнего года заключим мирный договор безотносительно к территориальной проблеме». Это была совершенно неожиданная для Японии идея. И далее он в марте уже 2019 г. заявил, что для того, чтобы продвинуть переговоры по мирному договору, «Япония, прежде всего, должна выйти из договора безопасности

с США». Это совершенно неприемлемое нереалистическое жесткое заявление.

В отличие от этой позиции российской стороны премьер-министр Абэ и министерство иностранных дел Японии по сравнению с прошлым еще больше стремится не раздражать Россию и смягчают риторику в отношении переговоров по территориям и действуют еще более осторожно. Нейтральное высказывание премьер-министра о разрешении проблемы принадлежности четырех островов вместо прежнего «Разрешение территориальной проблемы» оказалось под огнем жестокой критики не только со стороны оппозиционных партий, но и со стороны правящей партии. В мае 2019 г. стало известно содержание Голубой книги по дипломатии, которая была опубликована в июне. В нем формулировка, содержащаяся в аналогичном документе за 2018 г., «Четыре острова принадлежат Японии», была исключена из текста, что подверглось критике со стороны правящей либерально-демократической партии.

Что касается результатов переговоров на высшем уровне государств в ноябре 2018 г. в Сингапуре, то на них, в отличие от уже упоминавшихся предыдущих соглашений, в которых руководители обоих государств вместе подтвердили и декларацию 1956 г., и Токийскую декларацию, не было упоминания о Токийской декларации. Усилились предположения, что премьер-министр Абэ в реальности перешел на позицию «два острова плюс альфа», то есть на позицию заключения мирного договора при возвращении двух маленьких островов. Президент Путин также немедленно воспринял заключение мирного договора с передачей двух островов. В июне этого года состоялись двусторонние переговоры на полях саммита двадцатки, как раз накануне июльских парламентских выборов, и администрация премьер-министра посчитала, что «Главное соглашение по мирному договору» может быть достигнуто до выборов в верхнюю палату и может быть объявлено как большое достижение. В действительности условия для достижения «Главного соглашения» полностью отсутствуют. Это совершенно нереалистическая иллюзия.

Генеральный секретарь кабинета министров Есихидэ Суга на пресс-конференции сразу же после переговоров руководителей обеих стран заявил: «Нет никаких изменений в нашей прежней базовой позиции», премьер-министр Абэ также в ответ на критику со стороны оппозиционных партий ответил аналогичным образом.

Однако почему новое соглашение, достигнутое на двусторонних переговорах на высшем уровне, ставит в основу переговоров по мирному договору только декларацию 1956 г.? Почему в нем нет упоминания о Токийской декларации, по которой оба государства достигла соглашения? До сих пор этому нет соответствующих объяснений.

Генеральный секретарь либерально-демократической партии Тосихиро Никаи через несколько дней после переговоров в Сингапуре заявил: «Если необходимо внести большие изменения в политику, то необходимо, чтобы это было широко понято как парламентом, так и населением. Я не думаю, что на данный момент это является изменением политики».

Однако, если представить, что изменения основного курса не произошло, то демонстрация администрацией Абэ компромиссной и уступчивой позиции, может стать совершенно контрпродуктивной. Премьер-министр Абэ, возможно, полагает, что благодаря этому он может заполучить уступки со стороны России. Однако у российской стороны усиливается уверенность в том, что смягчающиеся уступки с японской стороны свидетельствует о ее слабости. Не закончится ли это, напротив, еще большим ужесточением позиции в отношении Японии. Весь прошлый опыт свидетельствует об этом.

К сожалению, в нынешних условиях можно говорить о том, что возвращение при администрации Путина даже двух островов невозможно, становится все более реалистичным. Следует признать, что в переговорном искусстве по мирному договору российская сторона продемонстрировала себя более умелой.

В последнее время те русские, которые хорошо осведомлены о японско-российских отношениях в частном порядке говорят: «России настолько нравятся японские методы ведения переговоров, что она может продолжать их в течение и 100, и 200 лет».

Межгосударственные отношения являются очень сложными и если они еще больше усложняются, то только сотрудничество между людьми будет способствовать укреплению взаимопонимания и дружбы между двумя народами.

Список литературы

- План сотрудничества из 8 пунктов / Посольство Японии в России. 2019. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (дата обращения: август 2019).
- Российско-японские отношения. Основные документы / Посольство Японии в России. 2019. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/index.html> (дата обращения: август 2019).
- Ростовский М.* Японский «заговор» Путина: президент решил начать игру // Московский комсомолец. 2018. 16 ноября. URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/11/16/yaponskiy-zagovor-putina-prezident-reshil-nachat-igru.html> (дата обращения: август 2019).
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XVII и XVIII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1955 года и 31 декабря 1956 года / Министерство иностранных дел СССР. М.: Госполитиздат, 1960. 667 с.

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ XXXV
РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЙ СИМПОЗИУМА
УЧЕНЫХ-ЭКОНОМИСТОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ
И РАЙОНА КАНСАЙ (ЯПОНИЯ)**

Редакторы – академик РАН П.А. Минакира и профессор Вакио Фудзимото

Ответственная за выпуск Л.А. Самохина

Сдано в набор 07.10.19. Подписано к печати 30.10.19.
Формат 60х90/16. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 500.

Институт экономических исследований ДВО РАН.
680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153, www.ecrip.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС
680000, г.Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33, www.dviu.ranepa.ru